

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

*Издается с 1997 года
Том 26, № 1*

Вологда • 2022

Решением Минобрнауки России журнал «Проблемы развития территории» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по всем научным специальностям в рамках отрасли науки 22.00.00 «Социологические науки» и по четырем научным специальностям в рамках отрасли науки 08.00.00 «Экономические науки»: 08.00.01 «Экономическая теория», 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности)», 08.00.10 «Финансы, денежное обращение и кредит», 08.00.13 «Математические и инструментальные методы экономики»

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: OCLC WorldCat, EBSCO, ROAR, BASE, OpenAIRE, RePEC, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий широкий круг вопросов социально-экономического развития территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям научной общественности и практикам работникам возможности знакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения экономики территорий, принимать участие в обсуждении этих проблем. В числе основных тем – проблемы развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социально-экономическое развитие территорий, вопросы формирования доходов региональных бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, актуальные вопросы развития АПК.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ускова Т.В., д. э. н., проф. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аритон Д., доктор наук, проф. (Университет Данубиуса Галати, Румынское агентство по обеспечению качества в высшем образовании, Бухарест, Румыния)

Базуева Е.В., д. э. н., проф. (Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия)

Бахтизин А.Р., член-корреспондент РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Буккиарелли Э., доктор наук (Университет «Габриэле д'Аннунцио», Пескара, Италия)

Воронов В.В., д. с. н., проф. (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., д. э. н., доцент (ООО «Русинтехком», Вологда, Россия)

Дюран С., кандидат наук, доцент (Университет Париж 13 (Университет Париж-Север), Вильтанез, Франция)

Котилайнен Ю., доктор наук, проф. (Университет Восточной Финляндии, Йюэксуу, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь)

Латов Ю.В., д. с. н., доцент (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лыкова Л.Н., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Скуфьина Т.П., д. э. н., проф. (Кольский научный центр РАН, Апатиты, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Давыденко В.А., д. с. н., проф. (Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия)

Доброхлеб В.Г., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Москва, Россия)

Жгулев Е.В., д. э. н., доцент (Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Жихаревич Б.С., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Каргаполова Е.В., д. с. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Ковач Т., к. э. н., доцент (Школа бизнеса Будапешта, Колледж международного менеджмента и бизнеса, Будапешт, Венгрия)

Когай Е.А., д. филос. н., проф. (Курский государственный университет, Курск, Россия)

Лаженцев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Мазилев Е.А., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Малков Н.Г., к. т. н., доцент (Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина, Вологда, с. Молочное, Россия)

Попов Е.В., член-корреспондент РАН (Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

Сакал П., доктор философии, проф. (Словацкий технический университет, Трнава, Словакия)

Селин М.В., д. э. н., проф. (Законодательное Собрание Вологодской области, Вологда, Россия)

Суворов А.В., д. э. н., проф. (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия)

Теребова С.В., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Цветков В.А., член-корреспондент РАН (Институт проблем рынка РАН, Москва, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Ускова Т.В.

К читателям. В фокусе внимания проблемы территории7

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

Файков Д.Ю., Байдаров Д.Ю.

«Большой Саров»: о не самых очевидных стратегиях
развития моногородов10

Патракова С.С.

Оценка внутрирегиональной асимметрии сельскохозяйственного
производства Вологодской области27

Колечков Д.В., Тимушев Е.Н.

Отрасль строительства в регионах России:
состояние, факторы и следствия43

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

Кириллова С.А., Атаева А.Г.

Проблемы организации особых экономических зон
туристско-рекреационного типа в регионах России62

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

Недосека Е.В.

Экологическая повестка в сознании жителей
промышленных субъектов Арктической зоны РФ80

Нацун Л.Н.

Особенности инвалидности населения
Вологодской области в 2017–2021 гг.93

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Мониторинг экономики: ноябрь 2021 года	110
Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в 2021 году.....	121

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Конференции, заседания, семинары	130
Новые издания ФГБУН ВолНЦ РАН	133
Правила для авторов	139
Информация о подписке.....	142

CONTENTS

FROM THE EDITORIAL BOARD

Uskova T.V.

To the readers. Highlighting the territory's problems7

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF TERRITORIES, BRANCHES, AND PRODUCTION COMPLEXES

Faikov D.Yu., Baidarov D.Yu.

“Big Sarov”: Some of the Not-So-Obvious Strategies
for the Development of Single-Industry Towns10

Patrakova S.S.

Assessing Intraregional Asymmetry of Agricultural Production in the Vologda Oblast27

Kolechkov D.V., Timushev E.N.

The Construction Industry in Russia's Regions:
Status, Factors and Implications43

TERRITORIAL ORGANIZATION AND MANAGEMENT

Kirillova S.A., Ataeva A.G.

Problems of Organization of Special Economic Zones
of the Tourist and Recreational Type in Russia's Regions62

LIFE QUALITY AND HUMAN POTENTIAL OF TERRITORIES

Nedoseka E.V.

Environmental Agenda in the Consciousness of Residents of Industrial Regions
of the Arctic Zone of the Russian Federation80

Natsun L.N.

Statistical analysis of disability of the Vologda Oblast population in 2017–202193

MONITORING OF CHANGES: MAIN TRENDS

Monitoring of the Economy in November 2021	110
Monitoring of the Vologda Oblast Population's Social Well-being in 2021	121

CHRONICLES OF SCIENCE LIFE

Conferences, Meetings, Seminars	130
New VolRC RAS issues	133
Guidelines for the authors	139
Subscription information	142

ОТ РЕДАКЦИИ

DOI: 10.15838/ptd.2022.1.117.1

УДК 332.1 | ББК 65.050.22

© Ускова Т.В.

ТАМАРА ВИТАЛЬЕВНА УСКОВА

главный редактор
доктор экономических наук
профессор
ФГБУН ВолНЦ РАН
Вологда
Российская Федерация
ORCID: [0000-0001-9416-1136](https://orcid.org/0000-0001-9416-1136)
ResearcherID: [O-2232-2017](https://orcid.org/0-2232-2017)

К ЧИТАТЕЛЯМ

В ФОКУСЕ ВНИМАНИЯ ПРОБЛЕМЫ ТЕРРИТОРИИ

2022 год стал рубежом тридцатилетнего периода движения Российской Федерации от командно-административной к рыночной экономике. Переход к рынку, реализованный в начале 1990-х годов, коренным образом изменил уклад жизни россиян, траекторию развития страны и ее территорий. Произошли существенные перемены в подходах государства к регулированию социально-экономических процессов. Если в первые годы рыночной трансформации государство практически полностью устранилось от управления экономикой, предоставив значительную свободу бизнесу и субъектам Федерации, то в последующий период наблюдается обратная тенденция. На самом высоком уровне признан ошибочным тезис о «несовместимости плана и рынка», государство признает приоритет стратегических задач над тактическими и активно использует стратегические методы управления социально-экономическими процессами. Более продуманной и обоснованной стала реализуемая социально-экономическая политика, существенно расширился перечень применяемых инструментов. Наиболее востребованными инструментами государственного регулирования стали стратегии комплексного развития территорий и отдельных отраслей, государственные целевые программы, проектный подход¹.

Проблемы развития российских территорий находятся в числе приоритетных для ученых Вологодского

Для цитирования: Ускова Т.В. (2022). К читателям. В фокусе внимания проблемы территории // Проблемы развития территории. Т. 26. № 1. С. 7–9. DOI: 10.15838/ptd.2022.1.117.1

For citation: Uskova T.V. (2022). To the readers. Highlighting the territory's problems. *Problems of Territory's Development*, 26 (1), 7–9. DOI: 10.15838/ptd.2022.1.117.1

¹ Ускова Т.В. (2020). Проблемы устойчивого развития и стратегического планирования в исследованиях ВолНЦ РАН // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 6. С. 9–23.

научного центра Российской академии наук². С самого начала деятельности Вологодский научный центр РАН был нацелен на решение наиболее острых проблем территорий. Для этого был организован мониторинг влияния рыночных трансформаций на социально-экономические процессы в регионе, ситуацию в ведущих отраслях экономики, социального самочувствия населения³. А с середины 1990-х гг. научный центр начал издавать журнал, зарегистрированный позже под названием «Проблемы развития территории». Название журнала говорит само за себя. Основная его миссия состоит в научно-методическом обеспечении решения наиболее острых вопросов экономики, социальной сферы, экологии, управления развитием территорий разного уровня – будь то страна, регион или муниципалитет. Именно на это редакция журнала нацеливает авторов – ученых-регионалистов, практиков регионального и муниципального управления, только начинающих путь в науку молодых исследователей.

Редакцией журнала принято решение о том, чтобы начиная с этого года каждый его номер открывался небольшим обращением, в котором будут представлены статьи по наиболее актуальным и интересным проблемам, волнующим исследователей, практиков и широкую общественность.

Одна из таких проблем – устойчивое развитие территорий. В перечне факторов, определяющих устойчивость социально-экономического развития, важнейшим выступает пространство, его однородность. Вместе с тем экономическое пространство современной России является крайне неоднородным, имеет место как межрегиональная, так и внутрирегиональная дифференциация. Особого внимания требуют малые города, моногорода и сельские территории,

в связи с чем весьма информативными и полезными видятся публикуемые в этом номере журнала статьи, посвященные возможным стратегиям развития моногорода, а также вопросам взаимодействия сельских и городских территорий.

Ввиду значимости для развития экономики региона строительства, состоящей в том числе в удовлетворении инвестиционного спроса других отраслей, в реализации инфраструктурных проектов и проектов в жилищной сфере, полагаем, что интерес читателей вызовет диагностика состояния и подход к оценке конкурентоспособности отрасли строительства в регионах.

Одним из источников развития территорий выступает социально-экономический потенциал, в том числе туристский. Поиск инструментов развития туристской сферы является важной задачей для органов власти многих российских территорий. Поэтому рекомендации по решению проблем методологического, нормативно-правового и практического характера, представленные авторами на примере разработки концепции создания особой экономической зоны туристско-рекреационного типа «Урал», будут полезны не только в научных исследованиях, но и в практике регионального управления.

Считаем, что читатели не обойдут вниманием статьи по качеству жизни и человеческого потенциала территорий. Прежде всего это вопросы оценки населением значимости экологических проблем, доверия и осознания возможности влиять на экологическую ситуацию, а также проблемы инвалидности населения и ее профилактики в регионе.

Полагаем, что публикуемые материалы являются своевременными и полезными в поиске решения проблем российских территорий.

² Ускова Т.В. (2020). История и перспективы исследований проблем муниципального управления в ВолНЦ РАН // Проблемы развития территории. № 5 (109). С. 7–20.

³ Ильин В.А. (1994). О некоторых результатах экспертных оценок хода экономических реформ в территориальных социально-экономических системах (на примере Вологодской области): препринт. Вологда: ВНКЦ. 21 с.; Гулин К.А. (1997). Социально-экономическая ситуация в сельском районе (по итогам социологических опросов в Грязовецком районе в 1995–1997 гг.) // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. Вып. 2. С. 18–32; Ильин В.А., Жирнов Е.М., Якуничев А.С. (1997). Условия проживания населения: оценка и проблемы управления. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН. 75 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тамара Витальевна Ускова – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: tvu@vscc.ac.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tamara V. Uskova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Deputy director for science, head of department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: tvu@vscc.ac.ru)

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

DOI: 10.15838/ptd.2022.1.117.2

УДК 332.145 | ББК 65.050.23

© Файков Д.Ю., Байдаров Д.Ю.

«БОЛЬШОЙ САРОВ»: О НЕ САМЫХ ОЧЕВИДНЫХ СТРАТЕГИЯХ РАЗВИТИЯ МОНОГОРОДОВ

ДМИТРИЙ ЮРЬЕВИЧ ФАЙКОВ

Российский федеральный ядерный центр –
Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики
Саров, Российская Федерация

e-mail: cat1611@mail.ru

ORCID: [0000-0002-3532-1352](https://orcid.org/0000-0002-3532-1352); ResearcherID: [AAN-6046-2020](https://orcid.org/AAN-6046-2020)

ДМИТРИЙ ЮРЬЕВИЧ БАЙДАРОВ

Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом»
Москва, Российская Федерация

e-mail: d_baydarov@mail.ru

ORCID: [0000-0002-7089-7015](https://orcid.org/0000-0002-7089-7015); ResearcherID: [AAN-6139-2020](https://orcid.org/AAN-6139-2020)

Статья посвящена исследованию возможных стратегий и принципов развития моногородов. При наличии значительного числа научных работ и внимания государства к этой теме пока не найдено согласованных решений, показавших заметное количество устойчивых результатов в виде поступательно развивающихся городов, перешедших с моно- на диверсифицированную экономику. В ходе эмпирического анализа зафиксировано постепенное распространение новых стратегий и принципов развития и диверсификации экономики моногорода, которые мы называли «не самыми очевидными» по причине их отсутствия в официальных документах и так как внимание к ним со стороны ученых только начинает проявляться. К ним относятся необходимость учета особенностей социального контракта при проектировании стратегий развития, переход градообразующих функций с предприятия на холдинг; диверсификация экономики моногорода за счет диверсификации деятельности градообразующего предприятия и градообразующего холдинга; возможность диверсификация экономики моногорода путем развития науки и образования, необходимость масштабного, целенаправленного государственного участия в

Для цитирования: Файков Д.Ю., Байдаров Д.Ю. (2022). «Большой Саров»: о не самых очевидных стратегиях развития моногородов // Проблемы развития территории. Т. 26. № 1. С. 10–26. DOI: 10.15838/ptd.2022.1.117.2

For citation: Faikov D.Yu., Baidarov D.Yu. (2022). “Big Sarov”: Some of the not-so-obvious strategies for the development of single-industry towns. *Problems of Territory's Development*, 26 (1), 10–26. DOI: 10.15838/ptd.2022.1.117.2

таком процессе; наличие опасности перехода функций управления городом с органов местного самоуправления на градообразующее предприятие или градообразующий холдинг. В качестве кейса выбран город Саров, имеющий статус закрытого административно-территориального образования. Статус усложняет процессы диверсификации экономики, но методически не меняет моноструктуру экономики города, участие в процессах развития градообразующего холдинга – Госкорпорации «Росатом», суть муниципальной части социального контракта. Для получения объективных результатов проанализировано социально-экономическое развитие Сарова, проведено его сравнение с другими закрытыми городами, иными моногородами, ситуацией в зарубежных странах.

Диверсификация экономики моногорода, градообразующее предприятие, градообразующий холдинг, закрытое административно-территориальное образование, Госкорпорация «Росатом», социальный контракт, территориальное размещение науки.

Введение и постановка проблемы

Вопрос развития моногородов стоит на повестке дня не первый год (точнее – не первое десятилетие). Решить эту задачу пытались и разные составы Правительства РФ, и региональные, и местные власти, и институты поддержки, и экспертное сообщество. Сложность нахождения оптимальных решений заключается в многоаспектности задачи, в различиях, нередко в уникальности моногородов. Такая точка зрения поддерживается сегодня научным и экспертным сообществом. Моногорода отличаются по размерам и условиям жизни населения, находятся в разных экономико-географических условиях, градообразующие предприятия работают по-разному и относятся к разным отраслям экономики, имеют разных учредителей и пр. Исследований по данной теме более чем достаточно, однако основной, заявляемый пока еще в официальной практике подход одинаков – диверсификация экономики моногородов путем развития бизнеса, не связанного с градообразующим предприятием. Ранее панацеей считалось развитие малого и среднего бизнеса¹, теперь ставка делается на средний

и крупный². Но этот подход оправдывает себя далеко не везде.

Эмпирические исследования последних лет показывают, что по факту формируются совсем другие способы «выживания», а иногда и развития моногородов, не учитываемые ни официальной статистикой, ни стратегическими документами всех уровней. Мы назвали их «не самыми очевидными» для власти. Стратегии «выживания» – это маятниковая миграция, «отходничество» (работа вахтовым методом), неформальная занятость, натуральное хозяйство. Среди стратегий развития основной и, казалось бы, лежащей на поверхности является развитие города за счет развития градообразующего предприятия³. Сегодня такой способ набирает популярность. Устойчиво работающие градообразующие предприятия, а чаще холдинги, в которые они входят, не только обеспечивают работников зарплатой, в свою очередь, способствующей развитию местного малого бизнеса, но и оказывают помощь муниципальным бюджетам, финансируя социальную сферу, инфраструктурные проекты и пр. В ряде случаев продолжением становится постепенная диверсификация экономики моногорода при участии градо-

¹ Приоритетная программа «Комплексное развитие моногородов» (паспорт программы утвержден президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам (протокол от 30.11.2016 № 11)). Счетной палатой признана неэффективной, досрочно закрыта в 2019 году. URL: <https://rg.ru/2019/04/22/schetnaia-palata-priznala-neeffectivnoj-programmu-razvitiia-monogorodov.html> (дата обращения 14.08.2021).

² На новую госпрограмму развития моногородов потратят 57,3 млрд руб. // РБК. 24.06.2019. URL: <https://xn--d1aqf.xn--p1ai/media/news/na-novuyu-gosprogrammu-razvitiya-monogorodov-potratyat-57-3-mlrd-rub> (дата обращения 14.08.2021).

³ Можно говорить, что это возврат к усилению моноспециализации города, что, вероятно, не слишком хорошо укладывается в либеральную экономическую доктрину. Но кто скажет, что лучше – «слобода» при богатом заводе или «истинный город» при нищем муниципалитете?

образующего предприятия и градообразующего холдинга, в том числе за счет диверсификации их деятельности.

Очевидно, что необходимо выявлять и анализировать такие практики и конкретные примеры, формировать портфель решений, которые можно применять в разных сочетаниях, вырабатывать соответствующее научно-методическое обоснование для планирования процессов диверсификации в разных населенных пунктах.

Одним из держателей набора современных практик выступает Государственная корпорация «Росатом», предприятия которой являются градообразующими более чем в 20 городах, в том числе в 10 закрытых административно-территориальных образованиях (ЗАТО). В рамках опыта Госкорпорации заслуживает внимания и с практической, и с методической точки зрения развитие ЗАТО Саров, получившее в последнее время, как отдельный крупный проект, собственное наименование «Большой Саров». В нем совмещены общие принципы и механизмы, используемые Госкорпорацией «Росатом» в городах присутствия, и специфичные, обусловленные особенностями конкретного города.

Цель работы – выявить новые (названные нами «не самыми очевидными» по причине их отсутствия в официальных документах) принципы развития и диверсификации экономики моногорода, реализуемые в рамках стратегии развития территорий присутствия Государственной корпорации «Росатом» на примере ЗАТО город Саров.

Степень проработанности проблемы

Различные аспекты жизнедеятельности моногородов исследуются представителями разных наук: экономистами, социологами, географами, историками и пр. В экономическом плане одно из центральных направлений – поиск возможностей диверсификации экономики моногорода. Если еще несколько лет назад практически единственным сцена-

рием считалась диверсификация за счет развития малого бизнеса (Пешина и др., 2010), то сегодня чаще говорится о необходимости дифференцированного подхода (Шаститко, Фатихова, 2019), научного обоснования механизмов диверсификации (Бухвальд, 2017). Несостоятельность применявшихся стратегий привела к формированию стихийной «низовой» практики выживания населения моногородов, не отраженной ни в одном стратегическом или отчетном официальном документе (Недосека, Карбаинов, 2020; Аникиева, 2020). В ряде работ как российских (Безвербный и др., 2020), так и зарубежных авторов (Bole et al., 2019; O’Nagan, Cecil, 2007) отмечается влияние на развитие моногородов градообразующей отрасли, что видится интересным, но недостаточным для формирования управленческих решений. Более информативным становится рассмотрение взаимосвязи экономики моногородов с деятельностью градообразующего предприятия и связи диверсификации городской экономики с диверсификацией деятельности градообразующего предприятия и градообразующего холдинга (Якушина, Шваков, 2020; Cortinovis et al., 2016). В исследованиях обозначился интерес к теме социальной ответственности крупного бизнеса на территориях присутствия и перехода этой функции с отдельных предприятий на уровень холдингов (Лазаренко, 2018). Отмечается, что комплексное развитие территорий присутствия пока присуще только государственным корпорациям (Коржевская, 2017). Такие госкорпорации («Росатом», «Ростех», «Роскосмос») составляют костяк оборонно-промышленного комплекса (ОПК)⁴ страны, одной из приоритетных задач которого является увеличение выпуска продукции гражданского назначения⁵, что требует от госкорпораций новых организационных решений (Ивантер, Семикашев, 2017; Çağlar, Bitzinger, 2018). В настоящее время исследователи часто обращаются к опыту Госкорпорации «Росатом» как примеру и диверсификации деятель-

⁴ О сводном реестре предприятий оборонно-промышленного комплекса: Постановление Правительства РФ от 20 февраля 2004 г. № 96.

⁵ Послание Президента РФ Федеральному Собранию 01.12.2016. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41550> (дата обращения 16.09.2021).

ности компании, и развития территорий присутствия (Коржевская, 2017; Ивантер, Семикашев, 2017; Клепач, 2021). Среди последних российские ученые выделяют ЗАТО, оценивая их как «территории с инновационным характером экономики» (Любовный, Сдобнов, 2012). Некоторые авторы по потенциальным возможностям индустриального и научного развития ставят ЗАТО в один ряд с крупнейшими агломерациями (Силин и др., 2017). Следовательно, важно рассмотреть опыт развития закрытых городов, диверсификации их экономики и в научно-методическом, и в практическом плане.

Методы и материалы

Необходимо отметить ряд методологических аспектов работы.

1. В статье использованы общие положения теории социального контракта, его изменения при переходе к более высокотехнологичному производству (Shafik, 2018), авторские разработки об изменениях в социальном контракте при переходе градообразующих функций с предприятия на холдинг, в который оно входит. Такое изменение влияет на взаимоотношения (обязательства и ожидания) всех участников социального контракта (Файков, Байдаров, 2021а).

2. Закрытые города рассматриваются в статье как города с моноспециализированной экономикой, несмотря на то что не все они формально входят в реестр моногородов⁶. По структуре экономики – в них одно крупное предприятие, по истории развития – города создавались для проживания работников предприятия. ЗАТО представляют собой типичные моногорода, что подтверждается и количественными характеристиками: доля градообразующего предприятия в отгрузке товаров и услуг собственного производства, инвестициях, привлекаемых в экономику города, составляет 70–90% от общегородского значения, в численности

работников – 32–51% от общей численности работников крупных и средних предприятий (Файков, Байдаров, 2021б).

3. Закрытые города являются непростым объектом для диверсификации экономики, поскольку в них действует ряд ограничений (на передвижение, использование земли, инвестиции и пр.), предусмотренных законом⁷. Авторская позиция основана на том, что принципы и механизмы диверсификации экономики, работающие в ограниченных условиях ЗАТО, будут приемлемы (при соответствующих обстоятельствах) и в отношении других моногородов.

4. Саров выбран в качестве объекта исследования, потому что, во-первых, является одним из редких примеров небольших городов, в которых в последние десятилетия наблюдается практически постоянный рост численности населения, и понимание причин этого видится достаточно важным. Во-вторых, в Сарове планируется создать Национальный центр физики и математики (НЦФМ)⁸ – современный центр фундаментальной науки, подразумевающий строительство фактически нового небольшого города. Последний проект подобного уровня (новосибирский академгородок) был реализован в 1950-е гг.⁹ Исследование возможностей и перспектив указанного проекта крайне важно и с научной, и с практической точки зрения.

5. Для получения объективных и сопоставимых результатов проводится сравнение Сарова с другими «атомными» ЗАТО, с «неатомными» моногородами. Рассмотрен зарубежный опыт, прежде всего городов, где расположены национальные лаборатории министерства энергетики США, во многом похожие на российские предприятия атомной отрасли (Файков, Байдаров, 2020а).

В качестве информационных материалов используются стратегии развития регионов и городов, отчеты глав городов, данные

⁶ О перечне монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов): Распоряжение Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 1398-р.

⁷ О закрытом административно-территориальном образовании: Закон РФ от 14 июля 1992 г. № 3297-1.

⁸ О Национальном центре физики и математики: Постановление Правительства РФ от 28 августа 2021 г. № 1416.

⁹ В данном случае мы не рассматриваем создание Сколково и Иннополиса, ориентированных, прежде всего, на прикладные исследования и разработки и подразумевающих участие бизнеса в их развитии.

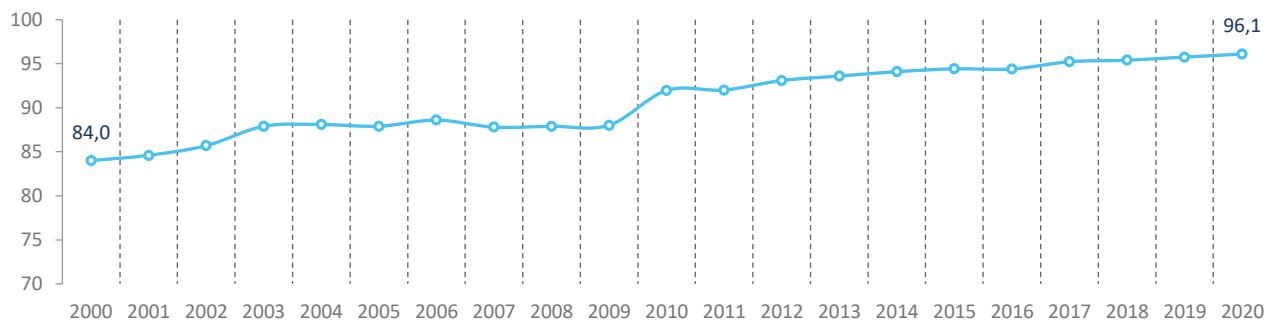

Рис. 1. Изменение численности населения ЗАТО Саров, тыс. чел.

Составлено по: ФСГС. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов.
URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13206> (дата обращения 12.09.2021).

Федеральной службы государственной статистики, открытые данные Госкорпорации «Росатом» и предприятий, работы отечественных и зарубежных ученых.

Результаты

Атомные ЗАТО, как и другие моногорода, имеют насыщенную историю проектов их развития и диверсификации. Можно вспомнить труд «Новоуральская перспектива»¹⁰; участие в международных проектах МНТЦ, «Инициатива атомных городов» и пр., проект «Железногорск – территория новых знаний и инноваций»¹¹ (2017 год); новые проекты: «Большой Саров» (поддержанный Президентом РФ в 2020 году¹²), «Новый Снежинск» (анонсирован генеральным директором «Росатома» А.Е. Лихачевым в 2021 году¹³) и др. Названные проекты вместе с теоретическими исследованиями и текущей практикой постепенно формируют новую модель диверсификации экономики закрытых городов.

Рассмотрим развитие ЗАТО на примере Сарова. Саров находится в 180 км от Нижнего Новгорода, примерно в 500 км от Москвы. С 1946 года, с началом строительства в Сарове нынешнего Российского федерального ядерного центра – ВНИИЭФ, он стал «закрытым» (к настоящему времени этот

правовой режим имеет название «закрытое административно-территориальное образование») и постепенно превратился из трехтысячного рабочего поселка в город с почти стотысячным населением. Как и все ЗАТО, имеет статус городского округа.

Социально-экономическое положение

Численность населения Сарова практически постоянно увеличивается (рис. 1).

До начала 2000-х гг. население всех атомных ЗАТО, в том числе Сарова, увеличивалось за счет приезжающих молодых специалистов, высокой рождаемости и низкой смертности. Города были молодыми как по своему возрасту, так и по возрасту жителей. С 2000–2005 гг. тенденции в изменении количества населения ЗАТО стали различаться. Численность населения в Сарове с 2000-х гг. увеличивается за счет положительного сальдо миграции, которое превышает ежегодную естественную убыль, характерную и для всех остальных ЗАТО (Файков, Байдаров, 2021а).

Большая часть въезжающих – жители близлежащих районов. Основные мотивы въезда – относительно высокое качество жизни и повышенная заработная плата. В 2020 году средняя заработная плата в Сарове составила почти 63 тыс. рублей (на что значительно влияет средняя заработная пла-

¹⁰ Новоуральская перспектива. Озерск: ВНИИПИЭТ; СПб.: ИПФ «Петро», 1996. 187 с.

¹¹ Правительство Красноярского края. URL: http://www.krskstate.ru/dat/bin/art_attach/8699_publicaciy_jeleznogorsk_red.pdf (дата обращения 26.09.2021).

¹² Глава «Росатома» рассказал Путину о реализации проекта «Большой Саров» // Рамблер. 04.08.2021. URL: https://news.rambler.ru/science/46939366/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения 26.09.2021).

¹³ Снежинск превратится в «город будущего» // Губерния. 22.07.2021. URL: <https://gubernia74.ru/articles/policy/1104753> (дата обращения 25.09.2021).

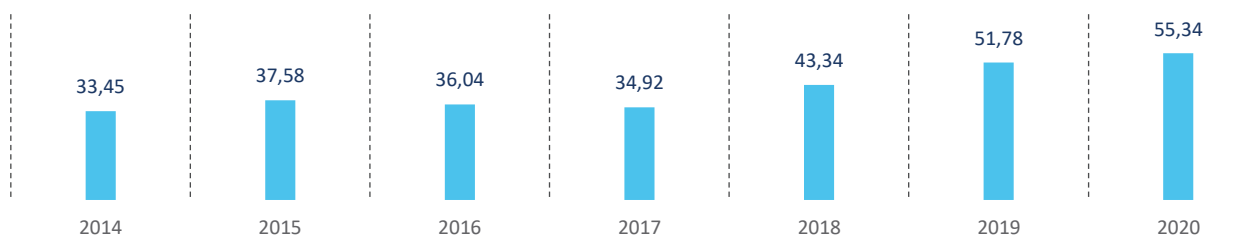

Рис. 2. Отгрузка товаров собственного производства, работ и услуг, выполненных собственными силами организаций г. Сарова, по виду деятельности «Деятельность профессиональная, научная и техническая», млрд руб.

Составлено по: ежегодные годовые отчеты главы города Сарова.

URL: <https://adm-sarov.ru/city/economy/strategicheskoe-planirovanie/otchet-glavy-administratsii-goroda-sarova-o-deyatelnosti-administratsii-goroda-sarova/> (дата обращения 15.10.2021).

та на градообразующем предприятии – около 93 тыс. рублей¹⁴), средняя по Нижегородской области – 37,5 тыс. рублей¹⁵. Безработица в Сарове за последние годы соответствует средней по области (Файков, Байдаров, 2020b). Но в «ковидном» 2020 году ее показатель в Сарове (1,9%)¹⁶ оказался значительно ниже, чем по Нижегородской области (3,2%)¹⁷.

Основу экономики Сарова составляет ФГУП «РФЯЦ – ВНИИЭФ» (43% работающего населения, около 70% в общегородском объеме отгруженных товаров и услуг собственного производства, около 81% всех инвестиций города¹⁸). Объемы работ предприятия в последние годы стабильно растут¹⁹ (рис. 2), государственный оборонный заказ (основа деятельности РФЯЦ – ВНИИЭФ) ежегодно выполняется на 100%²⁰.

Малый и средний бизнес в Сарове «не приживается» – исторически занимает не-

большую долю (меньше, чем в среднем по области, что характерно для всех атомных ЗАТО (Файков, Байдаров, 2021b)), и эта доля со временем сокращается (рис. 3).

Создание в Сарове территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) также не способствовало заметному развитию малого и среднего бизнеса: за 4 года ее существования зарегистрировано всего 5 резидентов. Для сравнения, в ТОСЭР ЗАТО Северск зарегистрировано 14 резидентов, ЗАТО Новоуральск – 13²¹. В ТОСЭР моногородов, где градообразующими предприятиями являются атомные и оборонные предприятия, зарегистрировано: Димитровград – 43 резидента, Кумертау – 30, Сарапул – 29²².

Еще при строительстве закрытых атомных городов в них создавалась комплексная инфраструктура для поддержания высокого качества жизни (планировка городских

¹⁴ Средняя зарплата в Сарове составила 63000 рублей // Саров 24. 31.05.2021. URL: <https://sarov24.ru/ekonomika/13398-srednjaja-zarplata-v-sarove-sostavila-63-000-rublej.html> (дата обращения 11.10.2021).

¹⁵ Правительство Нижегородской области. URL: <https://government-nnov.ru/?id=273135> (дата обращения 11.10.2021).

¹⁶ Отчет Главы города Сарова о результатах своей деятельности и деятельности Администрации города Сарова за 2020 год. URL: <https://adm-sarov.ru/city/economy/strategicheskoe-planirovanie/otchet-glavy-administratsii-goroda-sarova-o-deyatelnosti-administratsii-goroda-sarova> (дата обращения 29.09.2021).

¹⁷ Официальная безработица в Нижегородской области за I полугодие снизилась с 3,2 до 0,77%. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/253897040> (дата обращения 02.10.2021).

¹⁸ Прогноз социально-экономического развития города Сарова Нижегородской области на 2021 год и на период до 2023 года. URL: <https://adm-sarov.ru/city/economy/strategicheskoe-planirovanie> (дата обращения 29.09.2021).

¹⁹ РФЯЦ – ВНИИЭФ практически полностью формирует показатели по виду деятельности «Деятельность профессиональная, научная и техническая» в Сарове.

²⁰ Годовой отчет Госкорпорации «Росатом», 2019 год. URL: <https://rosatom.ru/about/publicnaya-otchetnost> (дата обращения 24.09.2021).

²¹ Реестр резидентов ТОСЭР в ЗАТО атомной отрасли. URL: <https://atomtor.ru/reestr> (дата обращения 10.10.2021).

²² Реестр резидентов территорий опережающего социально-экономического развития, на территориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов). URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/1a66cda6f282298e11d635b732cfcb1/22092021.pdf> (дата обращения 10.10.2021).

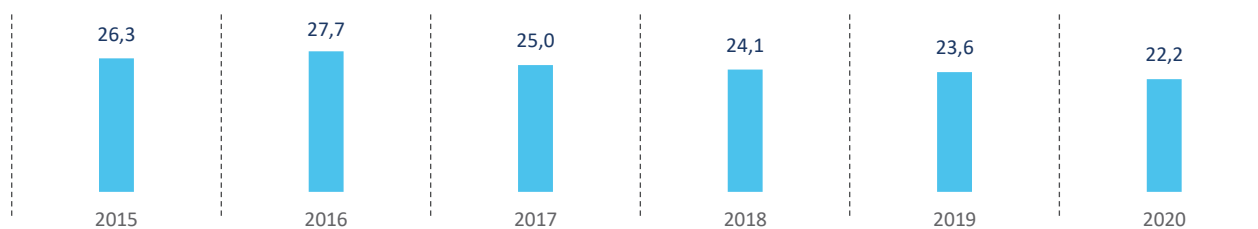

Рис. 3. Доля занятых в малом и среднем предпринимательстве от занятых в экономике г. Сарова, %

Составлено по: ежегодные годовые отчеты главы города Сарова.

URL: <https://adm-sarov.ru/city/economy/strategicheskoe-planirovanie/otchet-glavy-administratsii-goroda-sarova-o-deyatelnosti-administratsii-goroda-sarova> (дата обращения 17.10.2021).

пространств, современное жилье, больницы, школы, детские дошкольные учреждения и учреждения дополнительного образования, учреждения культуры, спортивные сооружения и пр.). К настоящему времени часть этой инфраструктуры выработала свой ресурс и требует замены или глубокой модернизации. Бюджетная обеспеченность в Сарове несколько выше, чем в городах Нижегородской области (например, в 2019 году 36,7 тыс. руб. на человека в Сарове против 23,6 тыс. руб. в Нижнем Новгороде (Файков, Байдаров, 2021а)), что обусловлено дополнительными бюджетными трансфертами²³. Это помогает выполнять текущие обязательства органам местного самоуправления (ОМС), но не дает возможности для серьезного прорыва в развитии инфраструктуры города.

Участие Госкорпорации «Росатом» и градообразующего предприятия в социально-экономическом развитии города

С 2005 года Саров, как и остальные ЗАТО, вошел в общий правовой режим муниципального управления²⁴, что снизило доходы местного бюджета. С этого времени стала заметнее помощь в развитии городской инфраструктуры, оказываемая РФЯЦ – ВНИИЭФ и Госкорпорацией «Росатом».

К настоящему моменту не только «Росатом», но и ряд других крупных холдин-

гов, чьи предприятия являются градообразующими в моногородах (ПАО «ГМК «Норильский никель», холдинг «Металлоинвест», ПАО «Северсталь», ПАО «ТМК», АО «ОМК» и др.), проводят политику поддержки территорий присутствия. Все холдинги обеспечивают города присутствия стабильными рабочими местами, оказывают дополнительные социальные услуги своим сотрудникам на территории (медицинское страхование, обучение и пр.), оказывают помощь регионам и муниципалитетам. Средства градообразующих холдингов используются преимущественно для поддержки образования и здравоохранения, проведения культурных и праздничных мероприятий, развития спорта, благоустройства и пр. В ряде случаев помощь градообразующего холдинга городу стала формализовываться в ежегодных соглашениях о социально-экономическом развитии, заключаемых компаниями с органами региональной или местной власти: Соглашение холдинга «Металлоинвест» с Белгородской областью в целях развития городов Губкин и Старый Оскол; группы «Акрон» и Новгородской области, ПАО «Корпорация ВСМПО-АВИСМА» (Госкорпорация «Ростех») со Свердловской областью о развитии Верхней Салды и т. д.²⁵

«Росатом» также помогает финансировать инфраструктуру городов за счет от-

²³ Об утверждении Правил компенсации дополнительных расходов и (или) потерь бюджетов закрытых административно-территориальных образований, связанных с особым режимом безопасного функционирования: Постановление Правительства РФ от 18 апреля 2005 г. № 232.

²⁴ С введением в действие Федерального закона РФ от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

²⁵ 5,5 млрд на развитие Белгородской области – итог соглашения «Металлоинвеста» и правительства региона. Мир Белогорья. URL: <https://mirbelogorya.ru/region-news/37-belgorod/39832-5-5-mlrd-na-razvitie-belgorodskoj-oblasti-itog-soglasheniya-metalloinvesta-i-pravitelstva-regiona.html>; Правительство Новгородской области. URL: <https://www.novreg.ru/vlast/governor/news/120260>; На Иннопроме подписано соглашение о комплексном развитии Верхней Салды // АиФ-Урал. URL: https://ural.aif.ru/society/na_innoprome_podpisano_soglashenie_o_kompleksnom_razvitiy_verhney_saldy (дата обращения 22.09.2021).

числения на эти цели части налоговых поступлений предприятий Госкорпорации в региональные бюджеты. Такие соглашения подписаны с Челябинской, Свердловской, Томской областями²⁶. Кроме этого, «Росатом» реализует и другие проекты, которые формируют новую модель диверсификации экономики ЗАТО (на примере Сарова).

1. *Технопарк «Саров»*. Создан в 2008 году в непосредственной близости от Сарова на открытой территории. Включает всю необходимую инфраструктуру: офисные и производственные здания, жилые помещения, обеспечен всеми видами ресурсов (электричество, газ, вода). Резидентами технопарка являются 34 компании, численность персонала – более 600 человек²⁷. Часть компаний создана РФЯЦ – ВНИИЭФ и «Росатомом». Практически все резиденты работают в высокотехнологичных сферах: информационные технологии, новые материалы, электроника и электротехника, современное образование и пр. Опыт деятельности Технопарка «Саров» соответствует опыту подобных инновационных площадок, созданных оружейными национальными лабораториями министерства энергетики США – Открытый кампус Ливерморской долины и Сандийский научно-технологический парк, которые расположены рядом с основными ядерными научными центрами – Ливерморской им. Лоуренса и Сандийскими национальными лабораториями²⁸.

2. *Производство градообразующим предприятием гражданской продукции*. РФЯЦ – ВНИИЭФ – одно из основных оборонных предприятий атомной отрасли. Как и все предприятия ОПК, оно должно увеличить объем выпуска гражданской продукции. Основное гражданское направление РФЯЦ –

ВНИИЭФ – информационные технологии: производятся суперкомпьютеры разной мощности; разработан комплекс программ инженерного моделирования «ЛОГОС», являющийся конкурентом иностранным программным продуктам; комплекс программ для управления предприятием, холдингом и пр. «Цифровое предприятие», который также обеспечивает 100% импортозамещение. Выделение этих продуктов считаем необходимым, поскольку они являются ПО так называемого «тяжелого» класса, производство и вывод на рынок которого в стране крайне ограничено в силу занятости рынка иностранными конкурентами; на их разработку требуются усилия значительного числа квалифицированных сотрудников в течение длительного времени²⁹, а продвижение часто осуществляется при поддержке государства. В условиях политического и экономического противостояния использование импортных программных продуктов опасно не только в оборонных, но и в ключевых гражданских производствах³⁰. Развитие информационного направления способствовало появлению в РФЯЦ – ВНИИЭФ отдельного института цифровых технологий, что создало новые рабочие места, увеличило набор выпускников из Саровского филиала МИФИ и пр.

3. *Создание Госкорпорацией «Росатом» гражданских производств*. В рамках новой модели диверсификации деятельности «Росатома» (эта модель рассмотрена в работе (Файков, Байдаров, 2020b)) в Сарове созданы обособленные подразделения отраслевых интеграторов – АО «ФЦНИВТ «СНПО «Элерон», ООО «РАСУ», что также увеличило количество высококвалифицированных рабочих мест в городе.

²⁶ Годовой отчет Госкорпорации «Росатом» за 2016 год. URL: <https://rosatom.ru/about/publichnaya-otchetnost> (дата обращения 25.09.2021).

²⁷ Технопарк «Саров». URL: <https://itechnopark.ru/about/management-company> (дата обращения 24.09.2021).

²⁸ Livermore Valley Open Campus. <https://www.sandia.gov/locations/lvoc/index.html>; Sandia Science & Technology Park. URL: <https://sstp.org/about-sstp> (дата обращения 11.10.2021).

²⁹ Упомянуется, что программный продукт ЛОГОС начал разрабатываться в 2005 году. URL: Tadviser. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Продукт:РФЯЦ-ВНИИЭФ:_Пакет_программ_Логос (дата обращения 01.10.2021).

³⁰ По словам директора по цифровизации «Росатома» Е. Солнцевой, доля используемого зарубежного инженерного ПО в России должна быть снижена с нынешних 80 до 20% к 2027 году, а к 2030 необходимо добиться полного импортозамещения в этом сегменте. URL: <https://www.rosatom.ru/journalist/news/na-konferentsii-logos-praktika-ekspertov-v-inzhenernom-po-obsudili-realizatsiyu-proekta-rosatoma-pre> (дата обращения 03.10.2021).

4. *Повышение качества жизни.* Сюда стоит отнести программы градообразующего предприятия, помогающие развитию жилищного строительства, специальные ипотечные программы для молодых специалистов и пр. РФЯЦ – ВНИИЭФ содержит общегородские спортивные сооружения, культурные учреждения, детские лагеря, помогает медицине (в покупке оборудования, жилья для врачей и пр.). Госкорпорация «Росатом» оказывает помощь здравоохранению города, реализует образовательные («Школа Росатома» и пр.), культурные (NuclearKids, художественные выставки и пр.) проекты.

5. *Развитие фундаментальной науки и образования.* Атомная наука в оборонных интересах активно развивалась в РФЯЦ – ВНИИЭФ с момента его создания. Со временем часть фундаментальных исследований перешла в институты Академии наук. Однако и в РФЯЦ – ВНИИЭФ остались сильные научные школы, уникальные экспериментальные установки, которые могут использоваться для получения знаний как в оборонных, так и в гражданских целях⁵¹. В 2020 году запущен первый модуль самой мощной в мире лазерной установки УФЛ-2М, имеющей двойное назначение⁵². В 2021 году принято решение о создании в Сарове Национального центра физики и математики, включая строительство электрон-позитронного коллайдера «Супер С-тау фабрика». Параллельно с этим в Сарове открылся филиал Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, призванный, в отличие от существующего филиала МИФИ, готовить кадры не только для «оборонки», но, прежде всего, для фундаментальной науки.

6. *Лоббирование «Росатомом» интересов города на федеральном и региональном уровнях.* Благодаря Госкорпорации были реализованы такие непростые в органи-

зационном и финансовом плане проекты, как новая дорога из Сарова в сторону Нижнего Новгорода; реконструкция аэродрома (несмотря на статус экспериментального, он может принимать воздушные суда всех типов); расширение территории ЗАТО, дающее возможности размещения новых жилых и производственных объектов и другие.

Обсуждение

В отличие от других градообразующих холдингов, «Росатом» оказывает долгосрочную поддержку в виде создания в городах новых бизнесов, что способствует диверсификации городской экономики. Несмотря на определенные сложности ведения бизнеса в условиях ЗАТО⁵³, опыт Сарова показывает, что участие в этом процессе Госкорпорации «Росатом» и градообразующего предприятия помогает находить решения для снижения многих барьеров. В то же время статус ЗАТО гарантирует устойчивую работу градообразующего предприятия в оборонной сфере, что является залогом стабильного развития города в целом.

Квалифицированная рабочая сила, которая требуется для работы и градообразующего предприятия, и новых компаний, чувствительна к качеству жизни (Кузнецова, 2019; Salvesen, Renski, 2003), что становится дополнительным стимулом для «Росатома» не только помогать муниципалитетам, но и способствовать их самостоятельной эффективной деятельности. В том числе и из этих соображений родились такие проекты Госкорпорации, как «Умный город» и «Умный регион», «Бережливая поликлиника», модернизация инфраструктуры ЖКХ на основе современных цифровых подходов и пр.⁵⁴ Также это стимул для поддержки и развития профессионального образования в ЗАТО и тесного сотрудничества с ведущими университетами.

⁵¹ РФЯЦ – ВНИИЭФ. URL: <http://www.vniief.ru/researchdirections> (дата обращения 11.10.2021).

⁵² В. Соловьев, научный руководитель РФЯЦ – ВНИИЭФ: «В начале 2022 года в Сарове запустят самую мощную в мире лазерную установку». Атомная энергия 2.0. URL: <https://www.atomic-energy.ru/interviews/2021/10/21/118707> (дата обращения 21.10.2021).

⁵³ Это отмечается, например, в Стратегиях долгосрочного социально-экономического развития Новоуральска (URL: <http://duma-ngo.ru/strategia-ngo-2030>); Трехгорного (URL: <http://admintrg.ru/strategia-2035.html>); Северска (URL: <https://xn----7sbhlbh0a1awgee.xn--p1ai/strategija-2030>) и др. (дата обращения 16.10.2021).

⁵⁴ Годовой отчет Госкорпорации «Росатом», 2019 год.

Анализируя условия развития Сарова, можно предположить, что рост населения (высокий уровень миграции в город) обеспечивается за счет следующих причин:

- устойчивая деятельность градообразующего предприятия, высокие заработные платы, образ стабильности рабочих мест (к подобным выводам приходят и другие авторы (Недосека, Карбаинов, 2020; Аникиева, 2020));

- относительно высокий уровень качества жизни, наличие инфраструктуры, характерной для крупных городов (театр, кинотеатры, разные спортивные сооружения, учреждения высшего, среднего профессионального и дополнительного образования, клиническая больница, достаточная сеть магазинов и сферы услуг и пр.), что обусловлено как изначально созданным уровнем инфраструктуры, так и потребностью иметь «все свое» в связи с удаленностью от крупных городов (Аникиева, 2020);

- отсутствие в округе (как минимум, в радиусе 100–150 км от Сарова, за исключением, может быть, Выксы) городов с устойчиво работающими крупными предприятиями, которые могли бы конкурировать с Саровом за приток населения;

- появление новых высокотехнологичных производств (рабочих мест), имеющих такой же имидж (стабильность, социальные гарантии), как и градообразующее предприятие, в связи с их принадлежностью к «Росатому».

Рабочую силу в Саров привлекает именно деятельность градообразующего предприятия. Никакие проводимые мероприятия по развитию малого бизнеса (федерального, регионального, местного уровней³⁵) не дали стабильных результатов относительно роста числа занятых ни в Сарове, ни в других ЗАТО.

В терминах теории социального контракта рабочие места, повышенную заработную плату, так же как и высокое качество жизни, можно назвать ожиданиями сотрудников и

жителей, за которые они готовы «платить» определенными обязательствами в пользу предприятия (ограничения, лояльность и пр.).

Участие градообразующего предприятия в развитии новых производств позволяет не в ущерб основной деятельности создавать определенный «кадровый резерв», который может понадобиться при расширении объемов работ, освоении новых технологий и пр. Представители градообразующих предприятий в моногородах часто называют одной из важнейших проблем именно нехватку квалифицированных (или специализированных) кадров (Бобков и др., 2020), то есть наличие таких кадров – это ожидание градообразующего предприятия, за что оно (чаще холдинг) готово тратить на создание новых компаний и поддержку качества жизни (Vajrai et al., 2013).

Опыт Сарова, как и других моногородов (Недосека, Карбаинов, 2020), показывает, что в небольшом городе всегда наблюдается дефицит проектов развития. У ОМС, в силу особенностей перераспределения бюджетных доходов, нет мотивации для развития новых производств и увеличения налогооблагаемой базы (это касается как ЗАТО (Проскурнин, 2020), так и других малых и средних городов (Секушина, 2019)). Поэтому для ОМС деятельность градообразующего предприятия и Госкорпорации в этом направлении не может быть заменена практически ничем. Это же касается и помощи в финансировании социальной сферы и инфраструктуры (Аникиева, 2020). Следовательно, и у ОМС есть определенные ожидания в отношении градообразующего предприятия и холдинга.

Важной и интересной видится возможность диверсификации экономики ЗАТО (на примере Сарова) путем развития науки и образования:

- а) российские эксперты и ученые подтверждают, что основной движущей силой

³⁵ К ним стоит отнести создание ТОСЭР «Саров»; создание Саровского инновационного кластера (<http://www.innovation.gov.ru/node/3580>); ежегодную Муниципальную программу «Поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства города Сарова Нижегородской области», сдачу имущества субъектам МСП на льготных условиях (<https://adm-sarov.ru/city>); деятельность Центра поддержки предпринимательства, реализующего областные и федеральные меры поддержки (<http://sarovbiz.ru/FP>); создание «Ассоциации промышленников и предпринимателей Сарова» и пр.

в российской науке, в отличие от западных стран, являются центры прикладной науки (НИИ) (Клепач, 2021), особенно входящие в государственные холдинги и корпорации, среди которых исследователи часто выделяют «Росатом» как наиболее активный (Ивантер, Семикашев, 2017; Клепач, 2021);

б) опыт национальных лабораторий министерства энергетики США показывает, что проводимая с 1990-х годов диверсификация их деятельности (в связи с окончанием «холодной войны») была основана на развитии гражданских научных исследований как прикладного, так и фундаментального характера; такая диверсификация обеспечила не только получение, но и коммерциализацию научных результатов, способствовала развитию экспериментальной базы, глобальных научных сетей, основанных на лучших в мире суперкомпьютерах, образования (Файков, Байдаров, 2020а). Анализируя данный опыт, можно предположить необходимость создания не отдельно взятого центра фундаментальной науки в Сарове, а сети научных центров, расположенных, например, в городах атомной промышленности и наукоградах³⁶;

в) строительство научного центра позволит привлечь к этому процессу как организации «Росатома», имеющие значительные компетенции в создании научного и иного сложного оборудования, так и саровские предприятия; например, на строительстве двухблочных АЭС (Ленинградская АЭС-2, Курская АЭС-2) было занято по 3,5–4,5 тыс. человек³⁷;

г) в стране стали появляться конкретные проекты развития науки (пусть и не все из них реализуются так быстро, как хотелось бы): создающиеся и проектируемые установки класса «мегасайенс» – коллаидер NICA (Дубна), синхротроны «СКИФ»

(Кольцово), «ИССИ-4» (Протвино), «РИФ» (остров Русский, Владивосток), реактор ПИК (Гатчина), комплекс «Супер С-тау фабрика» (Саров) и пр.; организационные механизмы – национальный проект «Наука», КНТП, развитие приоритетных технологических направлений и пр.; проекты новых «научных городов» – Smart City, Академгородок 2.0 (Новосибирск) и др. Очевидно, что тенденция, запрос государства на обновление и развитие науки есть. Где территориально должно происходить это развитие?

Данный вопрос не случаен, поскольку нет единого мнения о территориальных принципах размещения науки. Например, в Стратегии научно-технологического развития РФ (СНТР) указывается на необходимость «поддержки отдельных территорий с высокой концентрацией исследований, разработок, инновационной инфраструктуры, производства»³⁸, а в Стратегии пространственного развития РФ (СПР) развитие передовой исследовательской и инновационной инфраструктуры (в том числе уникальных научных установок класса «мегасайенс») предполагается только в крупных и крупнейших городских агломерациях³⁹.

Саров имеет научные, инфраструктурные предпосылки для развития науки на установках «мегасайенс», что соответствует подходу СНТР. В то же время он расположен вне крупных и крупнейших агломераций, что не соответствует подходу СПР. Реализация проекта НЦФМ поможет, в том числе, дать оценку критериям размещения науки в стране и формированию единого стратегического взгляда;

д) создание открытого научного центра в ЗАТО, несмотря на их богатую научную историю, является новаторством. Проведение фундаментальных исследований подразумевает широкое привлечение ученых из дру-

³⁶ Подобную идею о «кольце наукоградов» высказывал в 2020 году директор ОИЯИ Г.В. Трубников // ТАСС. URL: <https://tass.ru/moskovskaya-oblast/10191677> (дата обращения 05.10.2021).

³⁷ Годовой отчет Госкорпорации «Росатом», 2019 год.

³⁸ Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации утверждена Указом Президента РФ от 01.12.2016 № 642.

³⁹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года утверждена распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р

гих регионов и стран, что не совсем обычно для закрытых городов⁴⁰. Современная наука требует серьезного информационно-технического сопровождения: мощной суперкомпьютерной базы для обработки результатов, сетей для удаленного участия в экспериментах и обмена данными и пр.⁴¹ Такой проект потребует значительного времени⁴², акцентированного государственного внимания и финансирования.

Помощь Госкорпорации «Росатом» органам местного самоуправления ЗАТО (как и подобная деятельность других градообразующих холдингов) несет в себе потенциальную опасность постепенной подмены корпорациями местной власти в отдельных вопросах жизнедеятельности городов. Что позволяет нам сделать такое предположение? Формализацию помощи в виде соглашений о социально-экономическом развитии (некоторые из них заключаются уже не один год) можно интерпретировать как постепенное рождение нового формального института в тех отношениях, где раньше он был неформальным или его вообще не было. Дальнейший процесс формализации может привести, например, к созданию нормы, по которой градообразующие холдинги будут обязаны поддерживать территории присутствия, а это (в пределе) может вылиться в «слободизацию» поселений (управление будет осуществлять корпорация, а не ОМС). Подобный процесс уже активно идет и обсуждается как в политическом, так и в научном дискурсе – это вахтовые поселения, находящиеся вне административно-территориального устройства страны и бюджетного процесса (Лексин, 2019). С другой стороны, не всякий бизнес готов брать на себя дополнительную «нагрузку» в виде содержания городов присутствия.

С такой точки зрения лоббистская деятельность, которую проводит «Росатом» для увеличения доходов местного бюджета, может оказаться значительно полезней, чем периодические, обычно не очень большие по меркам бюджета, трансферты.

Несмотря на высказанные опасения, считаем корпоративную социальную ответственность градообразующих компаний необходимой и важной, заключающейся, прежде всего, в комплексной заботе о сотрудниках, помощи в проведении отдельных мероприятий, расширяющих привлекательность территории, формировании здоровой общественно-политической ситуации в городе и пр., но не в подмене ОМС.

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что в реальной практике сложились принципы развития моногородов (рассмотренные на примере ЗАТО Саров), которые пока не находят отражения в стратегических документах и только начинают попадать в поле зрения научных исследований.

1. Диверсификации деятельности градообразующего холдинга и градообразующего предприятия могут помочь диверсификация экономики моногорода, такая деятельность должна включать и создание комфортных условий жизни.

2. При проектировании стратегий развития необходимо учитывать особенности социального контракта: если действия одной из сторон не будут отвечать ожиданиям других, например, попытки «заставить» население идти в малый бизнес, то ни развития, ни другого ожидаемого результата не получится.

3. Диверсификация экономики города за счет развития науки и образования возможна, но требует наличия соответствующих ре-

⁴⁰ Деятельность в ЗАТО международных организаций, таких как МНТЦ, в 1990-е гг. происходила по линии нераспространения ядерного оружия, что отличается от научного партнерства, хотя и является определенным опытом.

⁴¹ В качестве примера можно привести научную сеть ESnet, объединяющую крупные научные установки, суперкомпьютерные центры национальных лабораторий министерства энергетики США. US DOE Office of Science. URL: <https://science.osti.gov/ascr/Facilities/User-Facilities/ESnet> (дата обращения 14.06.2021).

⁴² Например, заявленные сроки строительства синхротрона «СКИФ» – 5 лет (Постановление Правительства РФ от 23.12.2019 № 1777), коллайдера NICA – 9 лет (<https://nica.jinr.ru/>).

сурсов, времени, активного государственного участия, в том числе долгосрочного планирования.

4. Деятельность градообразующего предприятия и градообразующего холдинга должна помогать, но не заменять деятельность органов местного самоуправления.

С научно-методической точки зрения полученные результаты вносят вклад в развитие теории социального контракта, спо-

собствуют углублению понимания особенностей процесса развития моногородов, добавляют знания в обоснование возможных политических и организационных решений, что должно учитываться в подготовке стратегий, программ развития как федерального, так и регионального и местного уровней. Также их необходимо учитывать при формировании стратегий развития градообразующих предприятий и холдингов.

ЛИТЕРАТУРА

- Аникиева А.В. (2020). Трудовая мобильность населения моногородов Свердловской области // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 5. С. 449–465. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.536>
- Безвербный В.А., Микрюков Н.Ю., Мирязов Т.Ю. (2020). Моногорода Уральского экономического района: особенности и перспективы развития // Научное обозрение. Сер. 1: Экономика и право. № 5. С. 91–106. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-5-08
- Бобков В.Н., Одегов Ю.Г., Гарнов А.П. (2020). Регулирование неустойчивой занятости в моногородах // Экономика региона. Т. 16. Вып. 2. С. 522–534. URL: <http://doi.org/10.17059/2020-2-14>
- Бухвальд Е.М. (2017). Моногорода в системе стратегического планирования в России // Теория и практика общественного развития. № 12. С. 75–78. URL: <https://doi.org/10.24158/tipor.2017.12.16>
- Ивантер В.В., Семикашев В.В. (2017). Роль атомной промышленности в экономике страны и стоящие перед ней вызовы // Энергетическая политика. № 3. С. 3–11. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30488042> (дата обращения 21.09.2021).
- Клепач А.Н. (2021). Социальный и инновационный поворот российской экономики: планы и реальность // Научные труды ВЭО России. Т. 227. С. 30–91. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-227-1-30-91
- Коржевская А.А. (2017). Взаимодействие органов власти и корпоративных структур – одна из моделей инновационного регионального развития // Урал – XXI век: регион инновационного развития: мат-лы II Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Изд-во УГЭУ. С. 119–122. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32427816> (дата обращения 23.09.2021).
- Кузнецова О.В. (2019). Проблемы выбора приоритетов пространственного развития // Вопросы экономики. № 1. С. 146–175. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-1-146-157
- Лазаренко В.А. (2018). Корпоративная социальная ответственность крупного бизнеса в России // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. № 1. С. 66–72. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-sotsialnaya-otvetstvennost-krupnogo-biznesa-v-rossii> (дата обращения 02.10.2021).
- Лексин В.Н. (2018). Социально-экономические проблемы российской Арктики. Между прошлым и будущим // Рос. экон. журн. № 5. С. 3–25. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35631490> (дата обращения 12.10.2021).
- Любовный В.Я., Сдобнов Ю.А. (2012). Города России: тенденции, проблемы, возможные пути развития и совершенствования управления // Градостроительство. № 2. С. 14–16. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17122913> (дата обращения 10.10.2021).
- Недосека Е.В., Карбаинов Н.И. (2020). «Умирание» или «новая жизнь» моногородов (на примере социально-экономической адаптации жителей монопрофильных поселений Северо-Запада России) // Арктика и Север. № 41. С. 163–181. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.163

- Пешина Э.В., Анимица Е.Г., Бочко В.С., Анимица П.Е. (2010). Концептуальные подходы к разработке стратегии развития монопрофильного города / под науч. ред. А.И. Татаркина, М.В. Федорова. Екатеринбург: Изд-во УрГЭУ. 81 с.
- Проскурнин С.Д. (2020). Проблемы органов местного самоуправления закрытых административно-территориальных образований и пути их решения // Региональная экономика и управление: электронный научн. журн. № 3. URL: <https://eee-region.ru/article/6310> (дата обращения 15.05.2021).
- Секушина И.А. (2019). Финансово-бюджетная обеспеченность малых и средних городов (на материалах Вологодской области) // Проблемы развития территории. № 5. С. 138–152. DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.9
- Силин Я.П., Анимица Е.Г., Новикова Н.В. (2017). Региональные аспекты новой индустриализации // Экономика региона. Т. 13. Вып. 3. С. 684–696. DOI: 10.17059/2017-3-4
- Файков Д.Ю., Байдаров Д.Ю. (2021a). Влияние новой модели диверсификации атомной отрасли на развитие территорий присутствия (теоретические и практические аспекты) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 3. С. 135–149. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.8
- Файков Д.Ю., Байдаров Д.Ю. (2020a). Диверсификация производства в атомной отрасли // Экономическое возрождение России. № 3. С. 96–109. DOI: 10.37930/1990-9780-2020-3-65-96-109
- Файков Д.Ю., Байдаров Д.Ю. (2021b). Новые подходы к развитию ЗАТО // Регионалистика. Т. 8. № 4. С. 22–35. URL: <https://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.4.22>
- Файков Д.Ю., Байдаров Д.Ю. (2020b). Особенности организации производства гражданской продукции в национальных лабораториях США // Рос. внешнеэкон. вестн. № 8. С. 40–62. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43992116> (дата обращения 20.09.2021).
- Шаститко А.Е., Фатихова А.Ф. (2019). Моногорода России: возможные варианты развития // Государственное управление. Электронный вестн. Вып. 76. С. 109–135. DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10006
- Якушина Т.А., Шваков Е.Е. (2020). Диверсификация деятельности градообразующего предприятия как фактор развития экономики моногорода // Экономика устойчивого развития. № 4. С. 162–166. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44488245> (дата обращения 15.10.2021).
- Vajpai N., Prasad A., Pandey P.N. (2013). Work life balance retention (Wlbr) model – A weapon to retain hi-tech employees. *International Journal of Management Sciences and Business Research*, 2 (12), 92. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2715356
- Bole D., Kozina J., Tiran J. (2019). The variety of industrial towns in Slovenia: A typology of their economic performance. *Bulletin of Geography. Socio-Economic Series*, 46 (46), 71–83. DOI: 10.2478/bog-2019-0035
- Çağlar K., Bitzinger R. (2018). Defense industries in the 21st century: A comparative analysis – The second e-workshop. *Comparative Strategy*, 37 (4), 255–259. DOI: 10.1080/01495933.2018.1497318
- Cortinovis N., Xiao J., Boschma R., van Oor F. (2016). Quality of government and social capital as drivers of regional diversification in Europe. *Papers in Evolutionary Economic Geography* 16.10. Urban and Regional Research Centre Utrecht (URU), Utrecht University. DOI: 10.13140/RG.2.1.2571.8644
- O'Hagan S., Cecil B. (2007). A Macro-level Approach to Examining Canada's Primary Industry Towns in a Knowledge Economy. *Journal of Rural and Community Development*, 2, 18–43. URL: <https://journals.brandonu.ca/jrcd/article/view/84/31>
- Salvesen D., Renski H. (2003). *The Importance of Quality of Life in the Location Decisions of New Economy Firms*. Center for Urban and Regional Studies University of North Carolina at Chapel Hill.
- Shafik N. (2018). A New Social Contract. *Finance & Development*, 0055 (004). DOI: <https://doi.org/10.5089/9781484386194.022>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дмитрий Юрьевич Файков – доктор экономических наук, доцент, начальник отдела аналитики и внутренних коммуникаций, Российский федеральный ядерный центр – Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики (Российская Федерация, 607188, Нижегородская обл., г. Саров, пр-т Мира, д. 37; e-mail: cat1611@mail.ru)

Дмитрий Юрьевич Байдаров – кандидат юридических наук, директор Департамента поддержки новых бизнесов, Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом» (Российская Федерация, 119017, г. Москва, ул. Большая Ордынка, д. 24; e-mail: d_baydarov@mail.ru)

Faikov D.Yu., Baidarov D.Yu.

“BIG SAROV”: SOME OF THE NOT-SO-OBVIOUS STRATEGIES FOR THE DEVELOPMENT OF SINGLE-INDUSTRY TOWNS

The article studies possible strategies and principles of development of single-industry towns. Given the presence of a significant number of scientific papers and government attention to this topic, no concerted decisions have yet been found that have shown a marked number of sustainable results in the form of progressively developing cities that have transitioned from mono- to diversified economy. The empirical analysis recorded the gradual spread of new strategies and principles of development and diversification of the single-industry city economy, which we called “not-so-obvious” because they are not in the official documents and scientists have only begun to pay attention to them. They include the need to take into account the features of the social contract in the design of development strategies, the transition of city-forming functions from the enterprise to the holding; the diversification of the economy of a single-industry city through the diversification of the city-forming enterprise and the city-forming holding; the possibility of diversifying the economy of single-industry cities through the development of science and education, the need for large-scale, purposeful government participation in such process; the danger of transition of city management functions from local authorities. As a case study, we chose the town of Sarov, which has the status of a closed administrative-territorial entity. The status complicates the processes of economic diversification, but methodologically does not change the monostructure of the town’s economy, participation in the processes of development of the town’s holding – State Corporation “Rosatom”, the essence of the municipal part of the social contract. In order to obtain objective results, we analyzed the socio-economic development of Sarov, compared it with other closed towns, other single-industry towns, the situation in foreign countries.

Diversification of monotown economy, city-forming enterprise, city-forming holding, closed administrative-territorial entity, State Corporation “Rosatom”, social contract, territorial placement of science.

REFERENCES

- Anikieva A.V. (2020). Labor Mobility of People from the Monotowns in Sverdlovsk oblast. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 5, 449–465. Available at: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.536> (in Russian).
- Bajpai N., Prasad A., Pandey P.N. (2013). Work life balance retention (Wlbr) model – A weapon to retain hi-tech employees. *International Journal of Management Sciences and Business Research*, 2 (12), 92. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2715356

- Bezverbnii V.A., Mikryukov N.Yu., Miryazov T.Yu. (2020). Single-industry cities of the Ural economic region: Features and development prospects. *Nauchnoe obozrenie. Ser. 1: Ekonomika i pravo=Scientific Review. Series 1: Economics and Law*, 5, 91–106. DOI: 10.26653/2076-4650-2020-5-08 (in Russian).
- Bobkov V.N., Odegov Yu.G., Garnov A.P. (2020). Regulation of precarious employment in single-industry towns. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 16 (2), 522–534. Available at: <http://doi.org/10.17059/2020-2-14> (in Russian).
- Bole D., Kozina J., Tiran J. (2019). The variety of industrial towns in Slovenia: A typology of their economic performance. *Bulletin of Geography. Socio-Economic Series*, 46 (46), 71–83. DOI: 10.2478/bog-2019-0035
- Bukhval'd E.M. (2017). Mono-company towns within the strategic planning system in Russia. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya=Theory and Practice of Social Development*, 12, 75–78. Available at: <https://doi.org/10.24158/tipor.2017.12.16> (in Russian).
- Çağlar K., Bitzinger R. (2018). Defense industries in the 21st century: A comparative analysis – The second e-workshop. *Comparative Strategy*, 37 (4), 255–259. DOI: 10.1080/01495933.2018.1497318
- Cortinovis N., Xiao J., Boschma R., van Oor F. (2016). Quality of government and social capital as drivers of regional diversification in Europe. *Papers in Evolutionary Economic Geography* 16.10. Urban and Regional Research Centre Utrecht (URU), Utrecht University. DOI: 10.13140/RG.2.1.2571.8644
- Faikov D.Yu., Baidarov D.Yu. (2020a). Diversification of production in the nuclear industry. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii=The Economic Revival of Russia*, 3, 96–109. DOI: 10.37930/1990-9780-2020-3-65-96-109 (in Russian).
- Faikov D.Yu., Baidarov D.Yu. (2020b). Features of civil engineering in us national laboratories. *Ros. vneshneekon. Vestn.=Russian Foreign Economic Journal*, 8, 40–62. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43992116> (accessed: September 20, 2021; in Russian).
- Faikov D.Yu., Baidarov D.Yu. (2021a). The impact of the new model of nuclear industry diversification on the development of the territories of presence (theoretical and practical aspects). *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 14 (3), 135–149. DOI: 10.15838/esc.2021.3.75.8 (in Russian).
- Faikov D.Yu., Baidarov D.Yu. (2021b). New approach to the development of closed nuclear cities. *Regionalistika=Regionalistics*, 8 (4), 22–35. Available at: <https://dx.doi.org/10.14530/reg.2021.4.22> (in Russian).
- Ivanter V.V., Semikashev V.V. (2017). Nuclear industry role in national economy and challenges it faces. *Energeticheskaya politika=Energy Policy*, 3, 3–11. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30488042> (accessed: September 21, 2021; in Russian).
- Klepach A.N. (2021). Social and innovative turn of the Russian economy: Plans and reality. *Nauchnye trudy VEO Rossii=Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, 227, 30–91. DOI: 10.38197/2072-2060-2021-227-1-30-91 (in Russian).
- Korzhevskaya A.A. (2017). Interaction of authorities and corporate structures - one of the models of innovative regional development. In: *Ural – XXI century: The region of innovative development: Proceedings of the II International Scientific-Practical Conference*. Yekaterinburg: Izd-vo UrGEU, 119–122. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32427816> (accessed: September 23, 2021; in Russian).
- Kuznetsova O.V. (2019). Trade-offs of spatial development priorities choice. *Voprosy ekonomiki*, 1, 146–175. DOI: 10.32609/0042-8736-2019-1-146-157 (in Russian).
- Lazarenko V.A. (2018). Corporate social responsibility of large business in Russia. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 5: Geografiya=Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria 5, Geografia*, 1, 66–72. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-sotsialnaya-otvetstvennost-krupnogo-biznesa-v-rossii> (accessed: October 2, 2021; in Russian).

- Leksin V.N. (2018). Socio-economic problems of the Russian Arctic. Between the past and the future. *Ros. ekon. zhurn=Russian Economic Journal*, 5, 3–25. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35631490> (accessed: October 12, 2021; in Russian).
- Lyubovnyi V.Ya., Sdobnov Yu.A. (2012). Cities of Russia: Trends, problems, possible ways of development and improvement of management. *Gradostroitel'stvo*, 2, 14–16. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17122913> (accessed: October 10, 2021).
- Nedoseka E.V., Karbainov N.I. (2020). “Dying” or “new Life” of single-industry towns (the case study of socio-economic adaptation of residents of single-industry settlements in the North-West of Russia). *Arktika i Sever=Arctic and North*, 41, 163–181. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.41.163 (in Russian).
- O'Hagan S., Cecil B. (2007). A macro-level approach to examining Canada's primary industry towns in a knowledge economy. *Journal of Rural and Community Development*, 2, 18–43. Available at: <https://journals.brandonu.ca/jrcd/article/view/84/31>
- Peshina E.V., Animitsa E.G., Bochko V.S., Animitsa P.E. (2010). *Kontseptual'nye podkhody k razrabotke strategii razvitiya monoprofil'nogo goroda* [Conceptual Approaches to Developing a Strategy for the Development of a Single-Industry Town]. Yekaterinburg: Izd-vo UrGEU.
- Proskurnin S.D. (2020). Problems of local governments bodies of closed administrative-territorial entities and ways of their solution. *Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyi nauchn. zhurn=Regional economy and management: electronic scientific journal*, 3. Available at: <https://eee-region.ru/article/6310> (accessed: April 15, 2021; in Russian).
- Salvesen D., Renski H. (2003). *The Importance of Quality of Life in the Location Decisions of New Economy Firms*. Center for Urban and Regional Studies University of North Carolina at Chapel Hill.
- Sekushina I.A. (2019). Financial and budget provision of small and medium-sized cities (the case study of the Vologda Oblast). *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 5, 138–152. DOI: 10.15838/ptd.2019.5.103.9 (in Russian).
- Shafik N. (2018). A new social contract. *Finance & Development*, 0055 (004). DOI: <https://doi.org/10.5089/9781484386194.022>
- Shastitko A.E., Fatikhova A.F. (2019). Company towns in Russia: Some thoughts on development alternatives. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestn=Public Administration. E-journal (Russia)*, 76, 109–135. DOI: 10.24411/2070-1381-2019-10006 (in Russian).
- Silin Ya.P., Animitsa E.G., Novikova N.V. (2017). Regional aspects of new industrialization. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 13 (3), 684–696. DOI: 10.17059/2017-3-4 (in Russian).
- Yakushina T.A., Shvakov E.E. (2020). Diversification of the city-forming enterprise as a factor in the development of the economy of a single-industry city. *Ekonomika ustoichivogo razvitiya=Economics of Sustainable Development*, 4, 162–166. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44488245> (accessed: October 15, 2021; in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Dmitrii Yu. Faikov – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Head of the Department of Analysis and Internal Communications, Russian Federal Nuclear Center – All-Russian Research Institute of Experimental Physics (37, Mira Avenue, Sarov, 607188, Nizhny Novgorod Oblast, Russian Federation; e-mail: cat1611@mail.ru)

Dmitrii Yu. Baidarov – Candidate of Sciences (Law), Director of the New Business Support Department, State Atomic Energy Corporation Rosatom (24, B. Ordynka Street, Moscow, 119017, Russian Federation; e-mail: d_baydarov@mail.ru)

DOI: 10.15838/ptd.2022.1.117.3

УДК 332.1 | ББК 65.049 (2)

© Патракова С.С.

ОЦЕНКА ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНОЙ АСИММЕТРИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА ПАТРАКОВАВологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: sspatrakova@bk.ru

ORCID: 0000-0002-4834-3083; ResearcherID: B-5054-2019

Одной из стратегических задач для России на современном этапе развития выступает снижение меж- и внутрирегиональной асимметрии, проявляющейся в значительной дифференциации уровней экономического развития и инфраструктурной обустроенности территорий, обеспеченности населения услугами и других диспропорциях. Необходимость решения обозначенной задачи подчеркивается не только научным сообществом, но и органами власти и местного самоуправления. В статье поставлена цель выявить и оценить масштабы внутрирегиональной асимметрии экономического развития на примере сельскохозяйственного производства Вологодской области. В работе были использованы как общенаучные, так и специальные методы экономических исследований (инструментарий пространственной эконометрики). В результате проведенной работы выявлена и охарактеризована динамика изменения внутрирегиональной асимметрии за 1996–2020 гг. Установлено, что Великоустюгский, Вологодский, Грязовецкий, Шекснинский, Череповецкий районы в настоящее время являются наиболее крупными узлами сельхозпроизводства области, аккумулирующими в себе ресурсы развития. Дальнейшее укрепление их позиций при утрате рядом восточных районов производственного потенциала сельского хозяйства обуславливает усиление внутрирегиональной асимметрии в перспективе. Определено, что в целях снижения асимметрии и повышения сбалансированности развития муниципальных образований региона необходимо формировать новые локальные центры и полюса роста, повышать интенсивность пространственных взаимодействий между территориями. Результаты работы вносят вклад в развитие представлений о характере внутрирегиональной асимметрии сельскохозяйственного производства Вологодской области и могут быть использованы научны-

Для цитирования: Патракова С.С. (2022). Оценка внутрирегиональной асимметрии сельскохозяйственного производства Вологодской области // Проблемы развития территории. Т. 26. № 1. С. 27–42. DOI: 10.15838/ptd.2022.1.117.3

For citation: Patrakova S.S. (2022). Assessing intraregional asymmetry of agricultural production in the Vologda Oblast. *Problems of Territory's Development*, 26 (1), 27–42. DOI: 10.15838/ptd.2022.1.117.3

ми сотрудниками при проведении исследований схожей тематики, органами государственной власти субъектов РФ и местного самоуправления в рамках совершенствования политики в области социально-экономического и пространственного развития территорий.

Регион, экономическое пространство, внутрирегиональная асимметрия, сельское хозяйство, производство, индекс Морана, Вологодская область.

Благодарность

Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2022-0012 «Факторы и методы устойчивого социально-экономического развития территориальных систем в изменяющихся условиях внешней и внутренней среды».

Введение

Несбалансированность пространственного развития территорий является следствием влияния не только субъективных (политических, экономических, институциональных), но и большого числа объективных, не зависящих от человеческой деятельности факторов (неравномерности размещения природных ресурсов, различий в климатических условиях и других факторах «первой природы» (Krugman, 1993)). Как свидетельствует мировой опыт, невнимание к совокупности факторов возникновения и усиления межтерриториальных диспропорций может стать катализатором возникновения новых пространственных разрывов, усиления поляризации пространства, нарастания площади экономической периферии. В связи с обозначенным заданием нивелирования диспропорций в уровне развития отдельных территорий была и остается одним из императивов развития современной России, что зафиксировано в ряде документов стратегического планирования: Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 года № 207-р), Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утверждена Указом Президента РФ от 2 июля 2021 года № 400) и других. Это, в свою очередь, предопределяет запрос со стороны общества на проведение научных исследований, направленных на оценку масштабов и остроты существующей пространственной

несбалансированности, а также совершенствование методов, форм и инструментов ее снижения.

Цель работы – выявление и оценка масштабов внутрирегиональной асимметрии экономического развития на примере сельскохозяйственного производства Вологодской области. Объектом исследования выступает регион как сложная социально-экономическая система, предметом – внутрирегиональная асимметрия сельскохозяйственного производства.

Научная новизна исследования заключается в оценке изменения масштабов внутрирегиональной асимметрии сельскохозяйственного производства Вологодской области с использованием инструментария пространственной эконометрики и разработке на этой основе перспективных направлений ее снижения.

В ходе работы использовались как общенаучные методы (монографический, сравнительного анализа и синтеза полученной информации, систематизации, аналогии), так и специальные методы экономических исследований (инструментарий пространственной эконометрики).

Методологическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых в области региональной и пространственной экономики. Информационной базой послужили официальные данные Росстата и его территориальных органов, стратегические документы Российской Федерации и ее субъектов в области социально-экономического и пространственного развития.

Теоретико-методологические основы исследования

К настоящему времени в научном сообществе сложилось понимание экономической сущности асимметрии развития территорий как явления нарастания диспропорций, вызванного разнонаправленным воздействием совокупности внутренних и внешних факторов и значительно отличающегося от состояний дифференциации и поляризации (рис. 1). При этом основное, на наш взгляд, отличие состоит в возможности управления развитием этих явлений. Так, если дифференциация территорий, по своей сути, изначально неизбежна и мало поддается государственному регулированию, то вектор изменения асимметрии (ее снижение либо усиление и достижение стадии поляризации) в значительной степени зависит от проводимой государством политики социально-экономического и пространственного развития.

Среди зарубежных ученых значимый вклад в исследование несбалансированности развития территорий внесли Ф. Перру (в работах (Perroux, 1967; Perroux, 1968) обосновал, что неравенство является основополагающим и неотъемлемым принципом экономического развития), Дж. Фридман (в контексте обоснования научно-технического прогресса как одной из главных причин неравномерности развития (Friedmann, 1966)), Т. Паландер (в рамках изучения территориальных различий в спросе и ценообразовании (Palander, 1935)) и другие (см., например, (Kutscherauer et al., 2010; Naschold, Vogumil, 2000)).

В России вопросы теории и методологии управления асимметрией экономического пространства, повышения сбалансированности систем расселения и размещения производительных сил находятся в фокусе научных исследований с 90-х гг. XX века – момента перехода к рыночным условиям хозяйствования. Так, факторам, оказывающим влияние на процессы социально-экономического развития территорий и формирование реги-

онального неравенства, уделено внимание в работах А.Г. Гранберга (Гранберг, 2003), Н.М. Межевич и А.А. Жабрева (Межевич, Жабрев, 2011), Н.В. Зубаревич (Зубаревич, 2010), Е.А. Коломак (Коломак, 2010) и других ведущих ученых-экономистов. Развитию методологии анализа и оценки уровня дифференциации территорий посвящены работы А.А. Митрошина (Митрошин, 2013), А.О. Польшева (Польшев, 2011), С.А. Суспицына¹. Разработке новых и совершенствованию уже существующих механизмов снижения масштабов и глубины социально-экономической дифференциации территорий посвящены исследования В.А. Ильина и Т.В. Усковой (Ильин, Ускова, 2012), Е.С. Губановой и Н.В. Ворошилова (Ворошилов, Губанова, 2019) и других.

При этом российскими учеными отмечается сохранение и даже усиление в настоящее время (в сравнении с 90-ми гг. XX века) неравномерности социально-экономического развития различных субъектов РФ по линиям «север – юг», «запад – восток», «центр – периферия» и т. д. Так, по итогам 2019 года валовой региональный продукт на душу населения в Ненецком автономном округе в 52 раза превышал уровень Республики Ингушетии и в 11 раз средне-российский уровень, а разница медианного уровня денежных доходов населения составила 4,2 и 2,2 раза соответственно. Причины наблюдаемых диспропорций между регионами различны: это и проблемы институционального характера (несовершенство механизмов управления социально-экономическим и пространственным развитием территорий), и разрывы устоявшихся технологических и социокультурных связей регионов в постсоветский период, и недостаточный учет влияния пространственного фактора при формировании и реализации госпрограмм развития территорий.

Однако, как следует из работ (Татульян, 2008; Ворошилов, Губанова, 2019; Победин, 2011; Губанова, Клещ, 2019) и данных официальной статистики, не менее значительна

¹ Проект СИРЕНА: методы измерения и оценки региональной асимметрии (2002) / под ред. С.А. Суспицына. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН. 248 с.

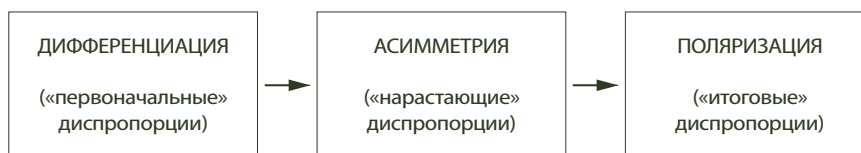

Рис. 1. Стадии неравномерности развития территорий

Составлено по: Губанова Е.С., Клещ В.С. (2017). Методологические аспекты анализа уровня неравномерности социально-экономического развития регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 10. № 1. С. 58–75. DOI: 10.15838/esc/2017.1.49.4

Таблица 1. Соотношение максимальных и минимальных значений ряда показателей, характеризующих социально-экономическое развитие муниципальных образований Вологодской области, раз

Показатель	1990 год	2000 год	2010 год	2020 год	2020 год к 1990 году (+/-)
Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата	1,3	3,3	2,2	2,1	+0,8
Оборот розничной торговли на 1 жителя	1,3	2,5	2,3	2,4	+1,1
Обеспеченность населения врачами на 10 тыс. жителей	4,7	6,8	6,2	5,4	+0,7
Площадь жилых помещений на 1 жителя	–	1,5	1,7	1,9	–
Объем отгрузки товаров собственного производства, выполненных работ и оказанных услуг* на 1 жителя	16,2	115,6	160,2	н. д.	–
Объем производства сельскохозяйственной продукции на 1 жителя	–	9,2	18,4	25,6	–
Объем инвестиций в основной капитал на 1 жителя	7,1	13,4	50,4	123,2	+116,1

* Без учета объема производства субъектов малого предпринимательства; за 1990, 2000 и 2010 гг. информация представлена по показателю «Объем производства промышленной продукции» ввиду изменения наблюдаемых статистических показателей.

Составлено по: данные Вологдастата; Патракова С.С. (2021). Внутрорегиональная асимметрия: исследование инструментами пространственного анализа // Научный журнал НИУ ИТМО. Сер.: Экономика и экологический менеджмент. № 3. С. 86–97. DOI: 10.17586/2310-1172-2021-14-3-86-97

асимметрия на внутрорегиональном уровне. Для примера в табл. 1 представлен ряд показателей, подтверждающих наличие и даже усиление неравномерности социально-экономического развития муниципальных образований (МО) Вологодской области. Так, за период 1990–2020 гг. разрыв между максимальным и минимальным значениями инвестиций в основной капитал на одного жителя увеличился с 7,1 до 123,2 раза, оборота розничной торговли – с 1,3 до 2,4 раза, среднемесячной номинальной начисленной заработной платы – с 1,3 до 2,1 раза и т. д.

Мы полагаем, что растущая асимметрия в уровне социально-экономического и пространственного развития, инфраструктурной обустроенности локальных территорий, как и диспропорции в развитии отдельных регионов РФ, несет угрозу целостности всего национального пространства. В связи с этим исследование процессов развития про-

странственной асимметрии в России на меж- и внутрорегиональном уровнях не теряет своей научной и практической значимости.

Методология проведения оценки пространственной асимметрии

Оценка масштабов, остроты асимметрии развития территорий является первым и неотъемлемым этапом на пути разработки новых и совершенствования уже имеющихся механизмов ее регулирования.

В рамках проводимого исследования оценка внутрорегиональной асимметрии основывается на расчете индекса пространственной автокорреляции Морана (Moran's index), широко используемого в российской и зарубежной практике (см., например, работы (Chen, 2013; Павлов, Королева, 2014; Семериков, 2014)). В наиболее общем виде алгоритм оценки пространственной автокорреляции включает несколько этапов:

1) расчет глобального индекса Морана и его сравнение с пороговым значением, что позволяет сделать вывод о наличии и характере пространственной автокорреляции анализируемых территорий в целом;

2) построение диаграммы рассеяния Морана и отнесение анализируемых территорий к ее четырем квадрантам (рис. 2): для территорий, относящихся к квадрантам НН и LL, характерна положительная автокорреляция, т. е. они соседствуют с территориями со схожими значениями анализируемого признака; для территорий из квадрантов LH и HL характерна отрицательная автокорреляция;

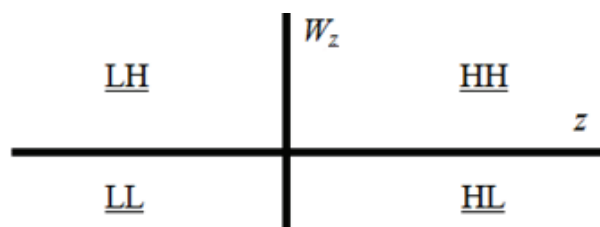

Рис. 2. Диаграмма рассеяния Морана

3) расчет локальных индексов Морана и оценка на их основе силы автокорреляции между каждой конкретной территорией и остальными анализируемыми.

В рамках проводимого исследования оценка внутрирегиональной асимметрии для муниципальных районов Вологодской области осуществлялась на основе расчета индекса Морана по показателю «объем производства сельскохозяйственной продукции», который не только является одним из результирующих показателей развития территорий, но и характеризует распределение очагов экономической активности в пространстве. При построении матрицы весов были использованы данные о протяженности автомобильных дорог между центрами муниципалитетов².

Результаты исследования

Сельское хозяйство является одной из динамично развивающихся отраслей Вологодской области. Несмотря на довольно

сложные природно-климатические условия для аграрного производства и ряд сохраняющихся с 1990-х гг. отраслевых проблем (нерациональное использование сельскохозяйственных земель, проблемы в материально-техническом, финансовом обеспечении и научном сопровождении и т. д.), в регионе активно развивается молочное и мясное животноводство, растениеводство; реализуются не только крупные инвестиционные, но и кластерные проекты в АПК (например, Молочный кластер Вологодской области); развивается система добровольной сертификации «Настоящий Вологодский продукт» и т. д. (Патракова, 2019).

Среди регионов Северо-Западного федерального округа Вологодская область имеет довольно высокий уровень обеспеченности продукцией собственного производства (табл. 2): по таким видам, как яйца и яйцопродукты, молоко и молокопродукты, картофель, овощи и бахчевые культуры, уровень ее обеспеченности выше среднего для СЗФО. При этом более чем на 57,8 и 83,4% соответственно объемы производства яиц и молока в области превышают производственное и личное потребление (за пределы региона, в т. ч. на экспорт, в 2020 году было вывезено порядка 338,8 млн шт. яиц и более 379,7 тыс. т молока и молочных продуктов).

Между тем, как отмечают аграрии Вологодской области, роль сельхозпредприятий региона заключается не только в удовлетворении потребностей населения и промышленности в сельскохозяйственной продукции и сырье, но и в сохранении рабочих мест и сокращении безработицы на селе, сохранении и развитии социальной и инженерной инфраструктуры территорий, формировании доходов местных бюджетов (табл. 3).

Таким образом, ввиду существенного значения отрасли сельского хозяйства в развитии экономики и социальной сферы, сохранении продовольственной безопасности Вологодской области исследование проблем ее развития, в том числе асимметрии сель-

² Информация с сайтов Google.Карты (URL: <https://www.google.com/maps>), Яндекс.Карты (URL: <http://yandex.ru/maps>), Автодиспетчер.Ру (URL: <https://www.avtodispatcher.ru/distance>).

Таблица 2. Обеспеченность личного и производственного потребления продукцией собственного производства (включая запасы на начало года) в 2020 году*, %

Территория	Яйца и яиче-продукты	Молоко и молоко-продукты	Картофель	Овощи и продовольственные бахчевые культуры	Мясо и мясопродукты	Фрукты и ягоды
Северо-Западный федеральный округ	99,8	55,1	119,5	75,5	80,5	21,4
Республика Карелия	7,8	49,4	76,4	35,8	7,7	19,5
Республика Коми	52,6	28,5	153,7	42,1	42,8	15,6
Архангельская область	23,6	61,4	130,6	42,7	10,2	14,0
Вологодская область	157,8	183,4	180,5	103,1	39,7	16,8
Калининградская область	82,0	89,8	151,9	78,6	110,0	59,0
Ленинградская область	421,9	116,4	96,8	125,6	182,7	52,7
Мурманская область	4,3	12,4	16,7	12,7	4,9	3,6
Новгородская область	40,7	46,1	272,9	424,3	277,9	61,8
Псковская область	54,6	114,3	255,8	116,0	404,3	39,1

* Без учета города федерального значения Санкт-Петербург.
 Рассчитано по: данные Росстата. URL: <https://www.gks.ru/compendium>

Таблица 3. Роль и значение сельхозтоваропроизводителей в социально-экономическом развитии муниципалитетов Вологодской области*

Роль и значение сельхозорганизаций	% от числа ответивших
1. Реализация товаров на местном рынке	45
2. Трудоустройство населения и сокращение безработицы	75
3. Предотвращение миграционного оттока населения	30
4. Сохранение и развитие социальной и инженерной (жилищной, транспортной и др.) инфраструктуры территории	45
5. Участие в реализации муниципальных проектов	25
6. Поддержка инициатив местных органов власти (участие в ярмарках и выставках, профорientационная работа с молодежью и т. д.)	30
7. Уплата налогов в местный бюджет	95

* Результаты ответа руководителей на вопрос «Укажите, пожалуйста, роль и значение Вашей сельхозорганизации в социально-экономическом развитии муниципалитета».
 Составлено по: данные опроса руководителей сельхозпредприятий и глав крестьянских (фермерских) хозяйств Вологодской области, проведенного сотрудниками ФГБУН ВолНЦ РАН в 2021 году; Патракова С.С. (2020). Состояние сельского хозяйства Вологодской области в оценках аграриев: итоги 2019 года // Социальное пространство. Т. 6. № 5. DOI: 10.15838/sa.2020.5.27.5. URL: <http://socialarea-journal.ru/article/28769>

хозпроизводства и размещения производительных сил отрасли, является актуальной научной и практической задачей.

Оценка пространственной автокорреляции, проведенная на основе анализа данных об объемах производства сельскохозяйственной продукции за 2020 год, сви-

детельствует о наличии положительной связи между значениями данного показателя в муниципальных образованиях Вологодской области. То есть в целом на территории области сходные величины численности населения (комбинации высокие/высокие, средние/средние, низкие/низкие) встреча-

ются чаще, чем различные (высокие/низкие). Такой вывод можно сделать в результате сопоставления величины глобального индекса Морана (0,0049) и его порогового значения («0» по (Chen, 2013) и «-0,037» из «традиционной» формулы).

Однако вывод о существовании положительной автокорреляции в целом на территории области не дает ответа на вопрос о том, где именно существует кластеризация и какие территории асимметричны друг другу. Для его решения была составлена диаграмма рассеяния и рассчитаны локальные индексы Морана (табл. 4).

Как показывают результаты расчетов, к числу т. н. «лидеров», которые характеризуются высокими объемами сельхозпроизводства, можно отнести территории, расположенные в квадрантах НН и НЛ. Районы из кластера НЛ (Великоустюгский, Тотемский) имеют относительно высокие собственные значения, но окружены территориями с относительно низкими значениями, т. е. довольно сильно выбиваются на фоне окружающих территорий, в связи с чем являются экстремумами, точками повышенной концентрации сельхозпроизводства. В свою очередь районы кластера НН уже не счита-

ются экстремальными, т. к. окружены территориями со схожими высокими значениями показателей, и не могут относиться ни к экстремуму роста, ни к периферии, но все же являются центрами сельхозпроизводства.

В целом в перечисленных муниципальных образованиях фиксируются достаточно высокие объемы производства продукции растениеводства и урожайности (например, в 2020 году урожайность зерновых в Вологодском районе составила 20,9 ц/га, в то время как в Кичменгско-Городецком в два раза меньше – 10,1 ц/га, а в Сямженском в три раза меньше – 6,2 ц/га), значительные объемы производства молока (75,1% общеобластного производства), в хозяйствах этих районов сосредоточено 67,4% поголовья крупного рогатого скота и 67,6% поголовья коров области. Именно территории из квадрантов НН и НЛ являются центрами сельхозпроизводства области, на их базе, как мы полагаем, могут быть созданы региональные сельскохозяйственные кластеры.

К периферии, расположенной вблизи центров сельхозпроизводства Вологодской области, могут быть отнесены 16 муниципальных районов (квадрант ЛН диаграммы рассеяния). Эти территории имеют относи-

Таблица 4. Показатели пространственной автокорреляции муниципальных районов Вологодской области по объему производства сельхозпродукции в 2020 году

Муниципальный район	Объем производства продукции сельского хозяйства, тыс. руб.	Локальный индекс Морана	Муниципальный район	Объем производства продукции сельского хозяйства, тыс. руб.	Локальный индекс Морана
Кластер НН			Кластер ЛН		
Грязовецкий	5407215	0,03235	Бабушкинский	305876	-0,00116
Шекснинский	3274787	0,00845	Верховажский	840591	-0,00499
Череповецкий	3374244	0,00207	Вожегодский	229406	-0,00126
Вологодский	10778606	0,00415	Кадуйский	329816	-0,00481
Кластер НЛ			Кирилловский	989210	-0,00090
Великоустюгский	1506492	-0,00010	Сокольский	744763	-0,00859
Тотемский	1729542	-0,00051	Сямженский	176512	-0,00308
Кластер ЛЛ			Усть-Кубинский	347981	-0,00614
Кичм.-Городецкий	579856	0,00040	Харовский	369989	-0,00181
Никольский	829730	0,00029	Бабаевский	250005	-0,00084
Нюксенский	233340	0,00025	Белозерский	287700	-0,00019
Тарногский	831981	0,00063	Вашкинский	160863	-0,00103
			Вытегорский	189874	-0,00068
			Чагодощенский	546546	-0,00024
			Устюженский	1352689	-0,00002

Примечание: при расчетах не учитывались ГО Вологда и ГО Череповец, т. к., согласно данным статистики, объем производства сельхозпродукции по данным территориям равен «нулю».

Источник: составлено автором.

тельно низкие собственные значения анализируемого показателя, но окружены территориями с относительно высокими значениями. Близость районов к развитым центрам сельхозпроизводства и крупным предприятиям сельхозпереработки, расположенным в Вологодском, Грязовецком, Шекснинском и Череповецком районах, городах Вологда и Череповец, обуславливает сохранение в них ресурсной базы и возможность если не развития, то сохранения существующего уровня аграрного производства.

К территориям периферии, которые имеют низкие значения собственных показателей и окружены аналогичными территориями (LL), относятся Кичменгско-Городецкий, Никольский, Нюксенский, Тарногский районы. Можно отметить, что их производственный потенциал, утраченный в период рыночных реформ, до сих пор не восстановлен (Патракова, 2019; Патракова, 2021). Это обусловлено их удаленностью от узловых точек расселения области и низким уровнем развития инфраструктуры (что затрудняет производство и сбыт сельхозпродукции), в связи с которыми бизнес-структуры не заинтересованы в развитии на данных территориях сельского хозяйства и АПК в целом.

На рис. 3–6 наглядно представлен процесс трансформации территориальных кластеров, выделяемых по признаку «объем производства сельхозпродукции» (красным

цветом выделены территории квадранта HL, зеленым – квадранта HH, желтым – квадранта HL, белым – квадранта HL). За период с 1996 до 2020 года новым экстремумом стал Тотемский район, при этом Никольский, Кичменгско-Городецкий районы перешли в кластер периферии LL. В целом глобальный индекс Морана для Вологодской области по объему сельхозпроизводства увеличился (в 1996 году его значение составило -0,040, а в 2020 году – 0,0049); следовательно, территории области стали более кластеризованными в пространстве, а асимметрия как таковая несколько снизилась.

Исходя из полученных данных, можно отметить, что основной объем сельскохозяйственной продукции производится вблизи урбанизированных территорий и непосредственно в них (в границах формирующихся Вологодской и Череповецкой агломераций, а также в Великоустюгском районе), что вполне объяснимо в контексте сельскохозяйственного штандорта. По мере удаления от крупных центров, узлов расселения объемы производства сельхозпродукции заметно снижаются.

Вместе с тем стоит отметить тот факт, что полученные в ходе оценки данные коррелируют с результатами ранее проведенного исследования внутрирегиональной асимметрии в размещении человеческого капитала (Патракова, 2021). Так, расчет индекса про-

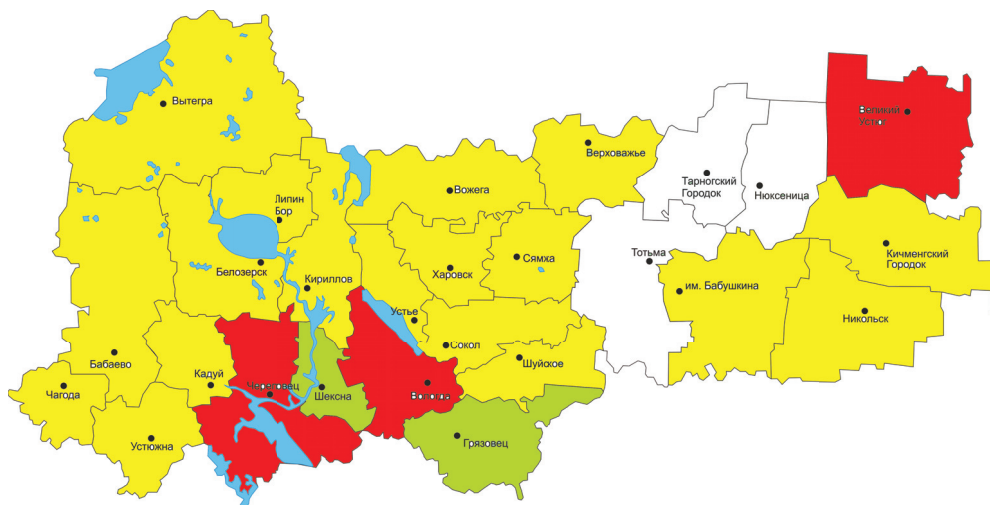

Рис. 3. Кластеры территорий Вологодской области, выявленные на основе глобального индекса Морана (объем производства сельхозпродукции), 1996 год

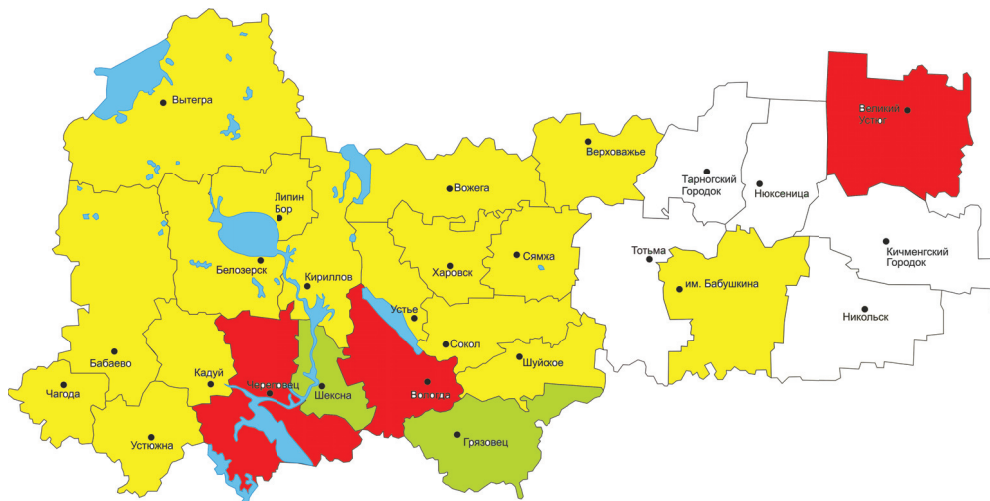

Рис. 4. Кластеры территорий Вологодской области, выявленные на основе глобального индекса Морана (объем производства сельхозпродукции), 2000 год

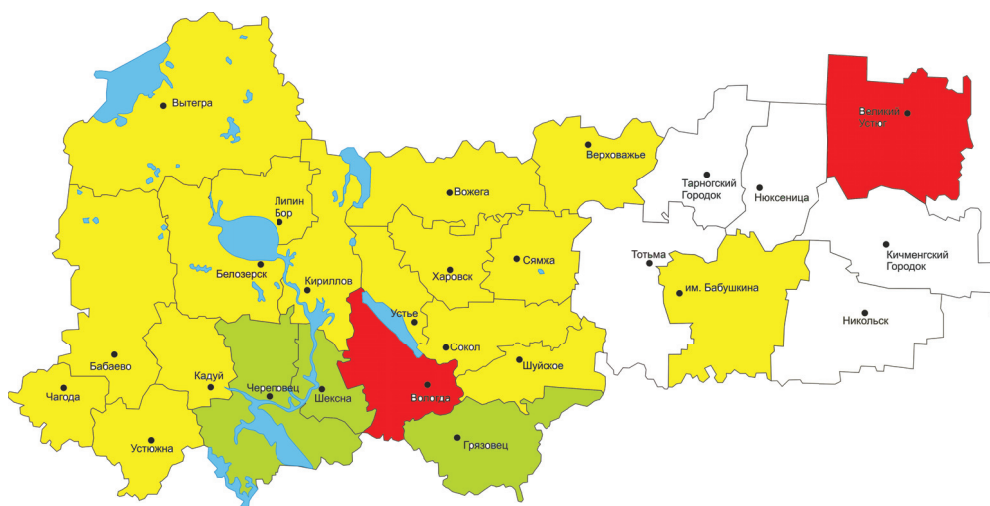

Рис. 5. Кластеры территорий Вологодской области, выявленные на основе глобального индекса Морана (объем производства сельхозпродукции), 2010 год

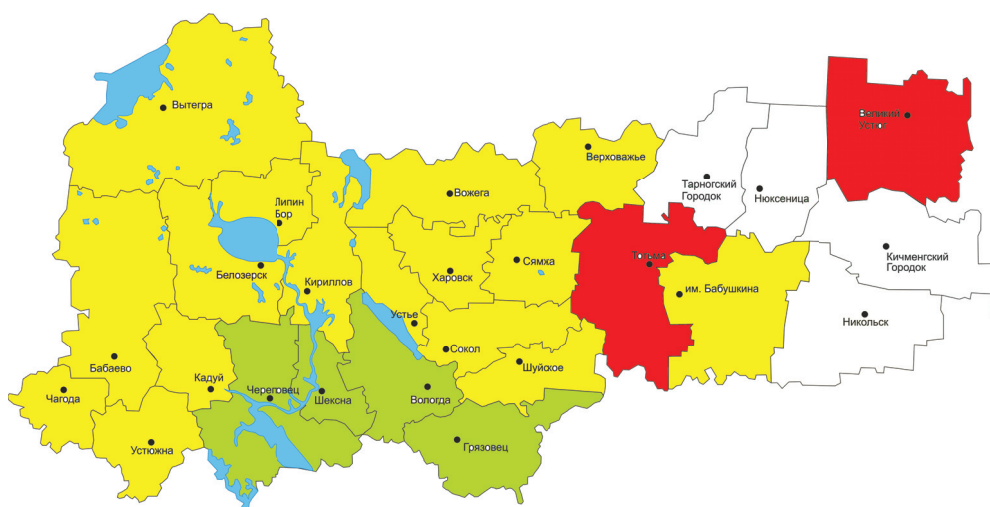

Рис. 6. Кластеры территорий Вологодской области, выявленные на основе глобального индекса Морана (объем производства сельхозпродукции), 2020 год

странственной автокорреляции по численности постоянного населения, которое рассматривалось как носитель совокупности знаний, умений, навыков, используемых для удовлетворения многообразных потребностей человека и общества, показал, что:

- Вологодский, Череповецкий, Великоустюгский районы, ГО Вологда и ГО Череповец, входящие в кластеры НН и НЛ в диаграмме рассеяния Морана, являются наиболее крупными узлами расселенческого каркаса;

- районы северо-востока области (за исключением Великоустюгского) образуют кластер территорий со сравнительно низким значением численности постоянного населения (кластер LL диаграммы Морана). При этом неразвитость инфраструктуры и сохранение сравнительно низкого уровня социально-экономического развития данных районов при укреплении позиций центральных предопределяют дальнейшее развитие внутрирегиональной асимметрии в уровне социально-экономического развития области, распределении населения.

Таким образом, основной вывод, следующий из проведенного анализа, заключается в том, что в Вологодской области сохраняется внутрирегиональная асимметрия сельскохозяйственного производства и размещения производительных сил отрасли. Вкупе с сохранением асимметрии размещения человеческих ресурсов она снижает возможности для повышения сбалансированности пространственного развития региона.

Выводы и обсуждение

Проведенное исследование позволило выявить наличие асимметрии сельскохозяйственного производства Вологодской области. Она заключается в укреплении позиций очагов аграрного производства в центральной части и северо-восточном угле региона (Великоустюгском районе) и утрате производственного потенциала сельского хозяйства рядом восточных районов. В связи с этим для региона актуальны разработка концептуальных направлений и реализация практических мер по сниже-

нию и нивелированию пространственной асимметрии.

Исходя из понимания региона как пространственной системы взаимосвязанных и взаимозависимых элементов, мы полагаем, что снижению асимметрии и повышению сбалансированности развития муниципальных образований будет способствовать, во-первых, формирование новых локальных центров и полюсов роста; во-вторых, повышение интенсивности пространственных взаимодействий между территориями.

Вывод обусловлен тем, что в современных условиях цифровизации и глобализации на социально-экономическое развитие территорий влияет не столько их географическое положение и наличие природных ресурсов, сколько уровень развития «соседей» и эффективность коммуникации с ними.

В рамках реализации первого направления крайне важно пересмотреть существующие принципы размещения производительных сил. Так, если в настоящее время при размещении предприятий в России в приоритет традиционно ставится статус места (предпочтение отдается крупным городам, городским агломерациям и т. п.; в Вологодской области 77,7% организаций находятся в ГО МО «Город Вологда» и ГО г. Череповец), то в развитых странах – его экономико-географическое положение по отношению к ближайшему центру национального или субрегионального значения и землеемкость производства.

Для примера отметим, что в Канаде в последние 30 лет традиционная промышленность (машиностроение, текстильная и т. п.) выносятся из крупных городских агломераций в соседние малые и средние города, а первичные и ресурсные виды деятельности под влиянием «противоиерархического» распределения выталкиваются к более дальним местам размещения. Малые периферийные территории «обретают шанс на развитие в виде создания ресурсных производств с малой добавленной стоимостью», в то время как в крупных городских поселениях сосредоточивается высокотехнологичная промышленность и другие виды де-

Таблица 5. Формы межмуниципального сотрудничества в Вологодской области

Формы межмуниципального сотрудничества	Муниципальные образования							
	всего	в том числе						
		муниципальные районы	городские округа	городские округа с внутригородским делением	внутригородские районы	внутригородская территория (внутригородское муниципальное образование) города федерального значения	городские поселения	сельские поселения
Наличие муниципальных образований	207	26	2	–	–	–	21	158
Число муниципальных образований, участвующих на добровольной основе в объединениях муниципальных образований, в межмуниципальных некоммерческих организациях	207	26	2	–	–	–	21	158
Число муниципальных образований, участвующих в межмуниципальных коммерческих организациях	18	5	–	–	–	–	1	12
Муниципальные унитарные предприятия	92	46	17	–	–	–	14	15
Муниципальные банки и иные финансовые организации	–	–	–	–	–	–	–	–

Источник: данные Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13263>

тельности, для развития которых остаются критически важными близость к рынку и концентрация человеческих ресурсов⁵.

Однако стоит сказать, что изменение структуры размещения производительных сил – передислокация как отдельных фирм, так и целых отраслей – это длительный трудо-, капитало-, наукоемкий процесс, возможный только при активном взаимодействии и синергии усилий государства, науки и бизнеса, концентрации инвестиций и в целом ресурсов развития, создании благоприятных институциональных условий.

При реализации второго направления – повышение интенсивности пространственных взаимодействий между территориями –

важно «связать» существующие и перспективные центры и периферию за счет более тесных пространственных взаимодействий: государственно-частного и муниципально-частного партнерства, а также межфирменного (в т. ч. в рамках удлинения цепочек создания добавленной стоимости), межмуниципального сотрудничества, создания и развития кластерных структур и кооперационных сетей, потенциал которых на сегодняшний день полностью не раскрыт.

Так, например, состав участников кластеров в Вологодской области формируется преимущественно по географическому местоположению участников, нежели по организационной близости: большая часть организаций – членов Молочного,

⁵ Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке (2020) / ред. В.М. Котляков, А.Н. Швецов, О.Б. Глезер. М.: Товарищество научных изданий КМК. 365 с.

Биотехнологического и других кластеров Вологодской области расположена в городах Вологда и Череповец и окружающих их районах⁴. Удаленные от областных центров муниципальные образования и размещенные на их территории предприятия, по сути, оказываются вне сети пространственных кластерных взаимодействий и, соответственно, доступ к инновациям, технологиям, высококвалифицированным кадрам и другим ресурсам развития для них более ограничен.

Относительно форм межмуниципального сотрудничества также можно отметить имеющиеся проблемы и недостатки. Широкое распространение в Вологодской области получили только создание межмуниципальных некоммерческих организаций и участие в объединениях муниципальных образований (по данным на 01.01.2020 участвовали все 207 образований региона; табл. 5). Наименее привлекательными формами сотрудничества остаются участие муниципальных образований в деятельности коммерческих организаций (по данным на 2020 год участвовало всего 18 из 207 муниципальных образований), муниципальных банков и иных финансовых орга-

низаций, хотя, как показывает зарубежный опыт, данные формы могут быть весьма эффективными с точки зрения укрепления экономики и социальной сферы муниципалитетов.

Вместе с тем, наряду с формированием новых локальных полюсов роста и активизацией межтерриториальных пространственных взаимодействий позитивную роль в решении задачи по снижению асимметрии могут сыграть повышение уровней диверсификации экономики и цифровизации территорий, опережающее развитие инженерной, транспортной, информационно-коммуникационной, социальной инфраструктуры, удлинение региональных цепочек создания добавленной стоимости и другие мероприятия.

Таким образом, полученные результаты вносят вклад в развитие представлений о внутрирегиональной асимметрии Вологодской области и могут быть использованы в целях совершенствования региональной политики в области социально-экономического и пространственного развития, а также при дальнейшем изучении отдельных аспектов тематики исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- Ворошилов Н.В., Губанова Е.С. (2018). Дифференциация территорий и механизм ее снижения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 11. № 6. С. 57–72. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.4
- Ворошилов Н.В., Губанова Е.С. (2019). Внутрирегиональная социально-экономическая дифференциация. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН. 211 с.
- Гранберг А.Г. (2003). Основы региональной экономики. М.: ГУ ВШЭ. 495 с.
- Губанова Е.С., Клещ В.С. (2017). Методологические аспекты анализа уровня неравномерности социально-экономического развития регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 10. № 1. С. 58–75. DOI: 10.15838/esc/2017.1.49.4
- Губанова Е.С., Клещ В.С. (2019). Преодоление социально-экономического неравенства как условие устойчивого сбалансированного пространственного развития региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 12. № 5. С. 44–57. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.3
- Зубаревич Н.В. (2010). Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М.: Независимый институт социальной политики. 160 с.
- Ильин В.А., Ускова Т.В. (2012). Методы преодоления пространственной социально-экономической дифференциации // Федерализм. 2012. № 3. С. 7–18.

⁴ URL: <https://mb35.ru/podrazdeleniya-rts-pp/tsentr-klaster-nogo-razvitiya-subektov-malogo-i-srednego-predprinimatelstva>

- Коломак Е.А. (2010). Межрегиональное неравенство в России: экономический и социальный аспекты // *Пространственная экономика*. № 1. С. 26–35.
- Межевич Н.М., Жабрев А.А. (2011). Региональная дифференциация – фактор социально-экономического развития регионов // *Экономика и управление*. № 5 (67). С. 159–158.
- Митрошин А.А. (2013). Методы оценки качества жизни населения и социально-экономической дифференциации территорий (на примере Московской области): автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. М.: б/и. 23 с.
- Павлов Ю.В., Королева Е.Н. (2014). Пространственные взаимодействия: оценка на основе глобального и локального индексов Морана // *Пространственная экономика*. № 3. С. 95–110. DOI: 10.14530/se.2014.3.95-110
- Патракова С.С. (2021). Внутрирегиональная асимметрия: исследование инструментами пространственного анализа // *Научный журнал НИУ ИТМО. Сер.: Экономика и экологический менеджмент*. № 3. С. 86–97. DOI: 10.17586/2310-1172-2021-14-3-86-97
- Патракова С.С. (2019). Роль сельского хозяйства Вологодской области в обеспечении продовольствием Европейского Севера России // *АгроЗооТехника*. Т. 2. № 4. DOI: 10.15838/alt.2019.2.4.6. URL: <http://azt-journal.ru/article/28420>
- Патракова С.С. (2020). Состояние сельского хозяйства Вологодской области в оценках аграриев: итоги 2019 года // *Социальное пространство*. Т. 6. № 5. DOI: 10.15838/sa.2020.5.27.5. URL: <http://socialarea-journal.ru/article/28769>
- Победин А. (2011). Внутрирегиональная дифференциация: диспропорции социально-экономического развития муниципальных образований и их регулирование на уровне субъекта Российской Федерации. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing. 272 с.
- Полынев А.О. (2011). Межрегиональная экономическая дифференциация: методология анализа и государственного регулирования. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС. 208 с.
- Семериков Е.В. (2014). Безработица в Западной и Восточной Германии: пространственный анализ панельных данных // *Прикладная эконометрика*. № 3 (35). С. 107–132.
- Татульян М.Е. (2008). Внутрирегиональная социально-экономическая дифференциация и механизмы ее преодоления: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Майкоп: б/и. 26 с.
- Chen Y. (2013). New approaches for calculating moran's index of spatial autocorrelation. *PLoS ONE*. Available at: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0068336>
- Friedmann J. (1966). *Regional Development Policy: A Case of Study Venezuela*. Cambridge, MA: The MIT Press. 279 p.
- Krugman P.R. (1993). First nature, second nature and metropolitan location. *Journal of Regional Science*, 33, 129–144.
- Kutscherauer A. et al. (2010). *Regional Disparities in Regional Development of the Czech Republic: Their Occurrence, Identification and Elimination*. Ostrava: VŠB-Technical University of Ostrava. 120 p.
- Naschold F., Bogumil J. (2000). *Modernisierung des Staates: New Public Management in Deutscher und Internationaler Perspektive*. Wiesbaden: Springer Fachmedien GmbH. 250 p.
- Palander T. (1935). *Beiträge zur Standortstheorie*. Uppsala: Almqvist & Wiksell. 419 p.
- Perroux F. (1967). Note sur la ville considerée comme pôle de développement et comme foyer du progrès. *Revue Tiers-Monde*, 8, 1147–1158.
- Perroux F. (1968). Les investissements multinationaux et l'analyse des pôles de développement et des pôles d'intégration. *Revue Tiers-Monde*, 9, 239–265.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Светлана Сергеевна Патракова – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: sspatrakova@bk.ru)

Patrakova S.S.

ASSESSING INTRAREGIONAL ASYMMETRY OF AGRICULTURAL PRODUCTION IN THE VOLOGDA OBLAST

One of the strategic tasks for Russia at the present stage of development is the reduction of inter- and intraregional asymmetry, manifested in a significant differentiation of the levels of economic development and infrastructure development of territories, provision of services to the population and other imbalances. The need to solve this problem is emphasized not only by the scientific community, but also by the authorities and local self-government. The article aims to identify and assess the extent of intraregional asymmetry of economic development on the example of agricultural production in the Vologda Oblast. Both general scientific and special methods of economic research (tools of spatial econometrics) were used in the work. As a result, we identified and characterized the dynamics of changes in intraregional asymmetry for 1996–2020. We found that Velikoustyugsky, Vologodsky, Gryazovetsky, Sheksninsky, Cherepovetsky districts are currently the largest nodes of agricultural production in the Oblast, accumulating development resources. Further strengthening of their positions with the loss of agricultural production potential by a number of eastern districts leads to an increase in intraregional asymmetry in the future. It is determined that in order to reduce asymmetry and improve the balance of the development of municipalities in the region, it is necessary to form new local centers and poles of growth, increase the intensity of spatial interactions between territories. The results of the work contribute to the development of ideas about the nature of intraregional asymmetry of agricultural production in the Vologda Oblast and can be used by researchers when conducting studies on similar topics, by state authorities of constituent entities the Russian Federation and local self-government in the framework of improving policies in the field of socio-economic and spatial development of territories.

Region, economic space, intraregional asymmetry, agriculture, production, Moran's I, Vologda Oblast.

REFERENCES

- Chen Y. (2013). New approaches for calculating moran's index of spatial autocorrelation. *PLoS ONE*. Available at: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0068336>
- Friedmann J. (1966). *Regional Development Policy: A Case of Study Venezuela*. Cambridge, MA: The MIT Press. 279 p.
- Granberg A.G. (2003). *Osnovy regional'noi ekonomiki* [Fundamentals of Regional Economics]. Moscow: GU VShE.
- Gubanova E.S., Kleshch V.S. (2017). Methodological aspects in analyzing the level of non-uniformity of socio-economic development of regions. *Ekonomicheskie isotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 10 (1), 58–75. DOI: 10.15838/esc/2017.1.49.4 (in Russian).
- Gubanova E.S., Kleshch V.S. (2019). Overcoming socio-economic inequality as a condition for sustainable and balanced spatial development of the region. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 12 (5), 44–57. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.3 (in Russian).

- Ilyin V.A., Uskova T.V. (2012). Methods for overcoming spatial socio-economic differentiation. *Federalizm=Federalism*, 3, 7–18 (in Russian).
- Kolomak E.A. (2010). Interregional inequality in Russia: Economic and social aspects. *Prostranstvennaya ekonomika=Spatial Economics*, 1, 26–35 (in Russian).
- Krugman P.R. (1993). First nature, second nature and metropolitan location. *Journal of Regional Science*, 33, 129–144.
- Kutscherauer A. et al. (2010). *Regional Disparities in Regional Development of the Czech Republic: Their Occurrence, Identification and Elimination*. Ostrava: VŠB-Technical University of Ostrava. 120 p.
- Mezhevich N.M., Zhabrev A.A. (2011). Regional differentiation a factor in socio-economic development of regions. *Ekonomika i upravlenie=Economics and Management*, 5(67), 159–158 (in Russian).
- Mitroshin A.A. (2013). *Metody otsenki kachestva zhizni naseleniya i sotsial'no-ekonomicheskoi differentsiatsii territorii (na primere Moskovskoi oblasti): avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk: 08.00.05* [Methods for Assessing the Quality of Life and Socio-Economic Differentiation of Territories (on the Example of the Moscow Oblast): Candidate of Sciences (Economics) Dissertation Abstract]. Moscow.
- Naschold F., Bogumil J. (2000). *Modernisierung des Staates: New Public Management in Deutscher und Internationaler Perspektive*. Wiesbaden: Springer Fachmedien GmbH. 250 p.
- Patrakova S.S. (2019). Resource Possibilities of the Vologda Oblast Agriculture in Food Supply of the European North of Russia. *AgroZooTekhnika=Agricultural and Livestock Technology*, 2 (4). DOI: 10.15838/alt.2019.2.4.6. Available at: <http://azt-journal.ru/article/28420> (in Russian).
- Patrakova S.S. (2020). State of the Vologda Oblast agriculture in farmers' estimates: Results of 2019. *Sotsial'noe prostranstvo=Social Area*, 6 (5). DOI: 10.15838/sa.2020.5.27.5. Available at: <http://socialarea-journal.ru/article/28769> (in Russian).
- Patrakova S.S. (2021). Intraregional asymmetry: Research with spatial analysis tools. *Nauchnyi zhurnal NIU ITMO. Ser.: Ekonomika i ekologicheskii menedzhment=Scientific Journal NRU ITMO. Series "Economics and Environmental Management"*, 3, 86–97. DOI: 10.17586/2310-1172-2021-14-3-86-97 (in Russian).
- Pavlov Yu.V., Koroleva E.N. (2014). Spatial interactions: Assessment based on the global and local Moran's I. *Prostranstvennaya ekonomika=Spatial Economics*, 3, 95–110. DOI: 10.14530/se.2014.3.95-110 (in Russian).
- Palander T. (1935). *Beiträge zur Standortstheorie*. Uppsala: Almqvist & Wiksell. 419 p.
- Perroux F. (1967). Note sur la ville consideree comme pole de developpement et comme foyer du progress. *Revue Tiers-Monde*, 8, 1147–1158.
- Perroux F. (1968). Les investissements multinationaux et l'analyse des poles de developpement et des poles d'integration. *Revue Tiers-Monde*, 9, 239–265.
- Pobedin A. (2011). *Vnutriregional'naya differentsiatsiya: disproportsii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya munitsipal'nykh obrazovaniy i ikh regulirovanie na urovne sub"ekta Rossiiskoi Federatsii* [Intraregional Differentiation: Disproportions of Socio-Economic Development of Municipalities and Their Regulation at the Level of the Subject of the Russian Federation]. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing.
- Polynev A.O. (2011). *Mezhregional'naya ekonomicheskaya differentsiatsiya: metodologiya analiza i gosudarstvennogo regulirovaniya. 2-e izd.* [Interregional Economic Differentiation: Methodology of Analysis and State Regulation. 2nd edition]. Moscow: Editorial URSS.
- Semerikov E.V. (2014). Unemployment in West and East Germany: Spatial analysis of panel data. *Prikladnaya ekonometrika=Applied Econometrics*, 3 (35), 107–132 (in Russian).
- Tatul'yan M.E. (2008). *Vnutriregional'naya sotsial'no-ekonomicheskaya differentsiatsiya i mekhanizmy ee preodoleniya: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk: 08.00.05* [Intraregional Socio-Economic Differentiation and Mechanisms for Its Overcoming: Candidate of Sciences (Economics) Dissertation Abstract]. Maikop.
- Voroshilov N.V., Gubanova E.S. (2018). Territorial differentiation and mechanism for its reduction. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 11 (6), 57–72. DOI: 10.15838/esc.2018.6.60.4 (in Russian).

Voroshilov N.V., Gubanova E.S. (2019). *Vnutriregional'naya sotsial'no-ekonomicheskaya differentsiatsiya* [Intraregional Socio-Economic Differentiation]. Vologda: FGBUN VolNTs RAN.

Zubarevich N.V. (2010). *Regiony Rossii: neravenstvo, krizis, modernizatsiya* [Regions of Russia: Inequality, Crisis, Modernization]. Moscow: Nezavisimyi institut sotsial'noi politiki.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana S. Patrakova – Junior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: sspatrakova@bk.ru)

DOI: 10.15838/ptd.2022.1.117.4

УДК 332.133.4, 332.146.2 | ББК 65.04, 65.31

© Колечков Д.В., Тимушев Е.Н.

ОТРАСЛЬ СТРОИТЕЛЬСТВА В РЕГИОНАХ РОССИИ: СОСТОЯНИЕ, ФАКТОРЫ И СЛЕДСТВИЯ

ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КОЛЕЧКОВ

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
Сыктывкар, Российская Федерация
e-mail: kdb1970@mail.ru
ORCID: [0000-0002-9287-4965](https://orcid.org/0000-0002-9287-4965)

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ ТИМУШЕВ

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН
Сыктывкар, Российская Федерация
e-mail: evgeny_timushev@mail.ru
ORCID: [0000-0002-5220-3841](https://orcid.org/0000-0002-5220-3841); ResearcherID: [U-3491-2018](https://orcid.org/U-3491-2018)

Авторами разработан методический инструментарий для диагностики состояния отрасли строительства, на его основе устанавливаются позиции регионов России, факторы и последствия конкурентоспособности отрасли для региональной экономики. Предлагается подход к диагностике межрегиональной конкурентоспособности отрасли строительства, предполагающий расчет интегрального индекса и индексов ресурсного, производственного и финансового потенциалов. Актуальность исследования обусловлена значимостью отрасли строительства для развития экономики – удовлетворение инвестиционного спроса остальных отраслей, в том числе в рамках реализации необходимых инфраструктурных проектов и проектов в жилищной сфере. Применяются индексный метод, метод минимаксной нормализации, метод группировки, корреляционный и регрессионный анализ. Установлено, что обладание отраслевыми межрегиональными преимуществами, которые идентифицирует оригинальный индекс межрегиональной конкурентоспособности, как правило, ведет к росту специализации регионов на отрасли строительства, то есть к росту межотраслевой конкурентоспособности в рамках экономики соответ-

Для цитирования: Колечков Д.В., Тимушев Е.Н. (2022). Отрасль строительства в регионах России: состояние, факторы и следствия // Проблемы развития территории. Т. 26. № 1. С. 43–61. DOI: 10.15838/ptd.2022.1.117.4

For citation: Kolechkov D.V., Timushev E.N. (2022). The construction industry in Russia's regions: Status, factors and implications. *Problems of Territory's Development*, 26 (1), 43–61. DOI: 10.15838/ptd.2022.1.117.4

ствующего региона. Этому способствует увеличение размера оплаты труда в отрасли, а межрегиональное преимущество сохраняется до достижения некоего оптимального уровня доходов. Найдено, что межрегиональная конкурентоспособность строительства связана не с ростом частных инвестиций или доходов физлиц, а с устойчивым спросом со стороны государственного сектора экономики. Согласно выполненным расчетам, специализация на отрасли строительства отрицательно влияет на ВРП на душу населения региона при учете остальных факторов выпуска. Практический результат работы состоит в том, что меры федеральной политики развития регионов со специализацией на отрасли строительства и с высокой межрегиональной конкурентоспособностью следует нацелить на развитие остальных видов деятельности, так как это приведет к росту выпуска в экономике и доходов населения соответствующего региона. Для развития полученных результатов целесообразно уточнить представленную методiku оценки межрегиональной конкурентоспособности с точки зрения применимости дифференцированных весов к разным потенциалам конкурентоспособности и отраслевых индексов цен для стоимостных показателей.

Межотраслевая конкурентоспособность, региональная экономика, бюджетные инвестиции, ресурсный потенциал, производственный потенциал, финансовый потенциал, специализация регионов.

Благодарность

Статья подготовлена в рамках плановой темы НИР ИСЭиЭПС ФИЦ Коми НЦ УрО РАН «Реальный сектор экономики северных регионов России: проблемы и перспективы».

Введение

Отрасль строительства¹ (далее – Строительство) является важнейшим видом экономической специализации, тесным образом связанным с остальными отраслями и комплексами. В масштабах экономики в целом оно реализует масштабные инфраструктурные проекты и выступает стороной предложения в ответ на инвестиционный спрос остальных отраслей. В частности, важной подотраслью Строительства является Жилищное строительство, которое, несмотря на общую тенденцию роста, в последние годы не может выйти на уровень 2015 года и, по прогнозам, пока не обеспечивает достижение целей, установленных в указах Президента Российской Федерации (Асаул и др., 2019), хотя и выступает одним из критериев оценки эффективности госуправления в регионах России (Кожевников, Ворошилов, 2017). Строительство зданий и сооружений, наряду с машиностроением и транспортной отраслью, относится к числу

видов деятельности с наибольшим мультипликативным эффектом с точки зрения влияния на выпуск в остальных видах деятельности и экономике в целом (Лукин, 2019).

Строительство также может рассматриваться как некий канал, по которому капитальные вложения корпораций и государства транслируются не просто в средства производства и инфраструктуру, но и социально-экономическое положение индивидов (Hooper et al., 2021). Это обуславливает актуальность разработки методологической основы для проведения диагностики состояния отрасли в рамках научных исследований – молодой и еще находящейся на этапе становления программы научного поиска (Momaуа, 2019). В региональных работах весьма популярен сравнительный подход, когда сопоставляются различные характеристики предмета исследования у разных объектов. Например, анализ можно осуществлять как в рамках самой отрасли в масшта-

¹ Код «F» по Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности (ОКВЭД), охватывающий подотрасли 41 «Строительство зданий», 42 «Строительство инженерных сооружений» и 43 «Работы строительные специализированные».

бах национальной экономики («Насколько Строительство привлекательно для факторов производства по сравнению с другими отраслями?»), так и применительно к строительным комплексам отдельных регионов («Насколько тот или иной регион успешно развивает отрасль строительства по сравнению с другими регионами?»). Встречаются работы, в которых даются сравнительные оценки состояния разных видов конечной продукции (Кирсанова, Жариков, 2016), отдельных отраслей (Шишкина, 2016) и предприятий одной отрасли, в том числе в Строительстве (Гусев и др., 2013).

Отраслевые исследования Строительства затрагивают большой спектр тем. Во-первых, это могут быть сугубо внутрисекторные темы, например, вопросы сохранения здоровья работников (Møller et al., 2021) или даже гендерные различия в рабочей силе как следствие требований к квалификации (Çınar, 2020). Во-вторых, поднимаются темы, обычно редко ассоциирующиеся со Строительством. В числе последних можно отметить разработку инструментов стимулирования инноваций в рамках сложных механизмов государственно-частного партнерства (Carbonara, Pellegrino, 2020). В целом же Строительство очень часто рассматривается как важный драйвер инновационного развития; соответственно, существует много работ, касающихся способов его стимулирования (Lindblad, Guerrero, 2020). Кроме этого, на примере строительных компаний из Китая доказано, что с конкурентоспособностью предприятий сферы Строительства взаимосвязана степень их вовлеченности в дела местного сообщества и повестку устойчивого развития (социальная ответственность) – правда, лишь до определенного предела, сверх которого позиции компании ухудшаются по причине растущих издержек (Guo, Lu, 2021). На наш взгляд, именно значимость внутриотраслевых особенностей Строительства для социально-экономического развития в целом придает актуальность исследова-

ниям методологии диагностики состояния отрасли.

Залогом успешности той или иной отрасли являются масштабы вложения в нее экономических ресурсов, прежде всего инвестиций в основной капитал (Борисов, Почукаева, 2021; Гаджиев и др., 2015), поэтому поиск количественных закономерностей в данной взаимосвязи формирует важное направление исследований. Однако в рамках отраслевых региональных работ неизбежно возникают темы о факторах, побуждающих осуществлять соответствующие вложения, и их последствиях для валового выпуска. Речь идет, во-первых, о межотраслевой конкуренции, то есть конкуренции между отраслями за экономические ресурсы (Гильмундинов, 2020), во-вторых, специализации регионов и связанных с ней выгод (и издержек) (Растворцева, Снитко, 2020). Таким образом, цель нашего исследования – разработать методический инструментарий диагностики состояния Строительства (межрегиональной конкурентоспособности отрасли) и на его основе определить позиции регионов России, факторы и последствия для региональной экономики. Для достижения цели решаются следующие задачи:

1) выявить показатели, позволяющие количественно оценить степень межрегиональной конкурентоспособности Строительства, и предложить подход к расчету интегрального индикатора конкурентоспособности;

2) произвести расчеты по предложенной методике оценки межрегиональной конкурентоспособности и осуществить многомерную группировку регионов России по уровню конкурентоспособности Строительства;

3) сформулировать подход к исследованию факторов и следствий межрегиональной конкурентоспособности Строительства;

4) проанализировать факторы межотраслевой конкурентоспособности Строительства;

5) рассмотреть следствия специализации экономики региона на отрасли строительства.

Выбор показателей и разработка методики диагностики межрегиональной конкурентоспособности Строительства

До конца 2000-х гг. на мировом рынке строительных компаний лидерские позиции занимали компании из США, но в последнее время все более конкурентоспособными становятся корпорации Китая и других стран Азии, а также Турции (Gunhan, 2020). Тем не менее, основные факторы конкурентоспособности с тех пор не изменились – технологические возможности, навыки проектного управления, финансовая поддержка со стороны государства (в том числе в рамках государственно-частного партнерства), а также сложившиеся межфирменные стратегические альянсы. Отмеченные факторы и обстоятельства позволяют сократить издержки в отрасли и ограничить рост стоимости конечной продукции (Шуваев, 2012).

Р. Флэнаган и соавторы (Flanagan et al., 2005) предлагают с десяток определений конкурентоспособности, различающихся как

участниками отношений соперничества, так и соответствующими им индикаторами. Однако при конструировании частных показателей мы в целом ориентируемся именно на их подход, предполагающий выделение трех измерений интегрального индикатора («three dimensions of competitiveness»).

Количественная оценка межрегиональной конкурентоспособности Строительства отдельного региона может выступать одним из критериев успешности социально-экономического развития. Доказано, что существует прямая зависимость между темпами роста или падения в отрасли строительства и экономикой в целом (Силка, 2014). Очевидно, что характер методики оценки зависит от состава показателей. Из большого (около 50) набора предварительно отобранных показателей, которые по-своему оценивают конкурентоспособность, в итоге мы выбрали 15 индикаторов (табл. 1). Сужение числа показателей произведено на основе

Таблица 1. Показатели оценки межрегиональной конкурентоспособности Строительства

Показатель	Единица измерения	Среднее по всем субъектам РФ	Min	Max
Ресурсный потенциал				
Введено новых основных фондов	млн руб. на одного занятого	1,9	0,4	7,0
Степень износа основных фондов*	%	46,8	25,5	68,0
Инвестиции в основной капитал	млн руб. на одного занятого	3,1	0,6	18,7
Доля инвестиций, направленных на реконструкцию и модернизацию	%	17,4	2,3	41,7
Темп роста занятых в Строительстве	%	97,8	65,2	164,0
Число высокопроизводительных рабочих мест	ед. на 1000 занятых	366,4	38,1	1820,4
Производственный потенциал				
Объем выполненных работ в Строительстве	млн руб. на одного занятого	2,6	0,7	11,8
Индекс физического объема работ, выполненных по договорам строительного подряда	%	101,2	51,5	250,0
Введено в действие общей площади жилых домов	м ² на 1000 чел. населения	511,5	23,6	1284,3
Темп ввода общей площади жилых домов	%	101,0	48,5	238,4
Стоимость строительства 1 кв. м общей площади жилых помещений (средняя фактическая)*	тыс. руб.	38,1	21,5	138,3
Финансовый потенциал				
Удельный вес прибыльных организаций	%	75,2	34,4	99,0
Рентабельность активов	%	2,0	-17,6	22,5
Коэффициент текущей ликвидности	%	128,9	44,5	747,9
Коэффициент автономии	%	19,5	0,6	74,4
* Высокое значение показателя говорит о низкой конкурентоспособности. По средним данным за 2010–2019 гг., при отсутствии данных – за 2011–2018 гг. Рассчитано по: данные ЕМИСС. URL: https://www.fedstat.ru				

результатов факторного анализа (здесь не приводятся), позволившего выявить показатели, в максимальной степени «схватывающие» вариацию групп однородных индикаторов. Далее, после сокращения количества показателей до 15 единиц, было выделено три группы (блока) частных показателей конкурентоспособности, характеризующих ресурсный, производственный и финансовый потенциалы.

Для приведения показателей к сопоставимому виду применялся метод минимаксной нормализации – определялись наибольшие и наименьшие значения частных показателей в группе изучаемых регионов и вычислялись нормированные параметры по регионам. Если увеличение количественного индикатора повышает региональную конкурентоспособность (например, ввод в действие основных фондов), вычисления нормированного частного показателя (N_i) производились по формуле (1). Наоборот, при обратной зависимости (например, при увеличении степени износа основных фондов) применялась формула (2). При расчете интегрального индекса использовались одинаковые весовые коэффициенты (веса) для каждого частного показателя.

$$N_i = \frac{X_i - \min X_i}{\max X_i - \min X_i} \quad (1)$$

$$N_i = 1 - \frac{X_i - \min X_i}{\max X_i - \min X_i} \quad (2)$$

Новизна предлагаемой методики расчета интегрального индекса межрегиональной конкурентоспособности заключается в адаптации существующих отраслевых подходов к количественному анализу при использовании показателей, характеризующих отрасль с разных сторон. Наш подход позволяет выделить и оценить три аспекта (потенциала) конкурентоспособности Строительства каждого региона: ресурсный, производственный и финансовый. Известно, что качество продукции строительного про-

изводства последовательно формируется на всех стадиях: предпроизводственной (планирование, проектирование, производство строительных материалов, их доставка на стройплощадки), производственной (строительно-монтажный процесс) и послепроизводственной (приемка и эксплуатация объекта) (Прохин, 2016). Важность выделения разных видов потенциалов определяется комплексностью понятия конкурентоспособности и высокой условностью интерпретации результатов лишь на основе анализа интегрального показателя.

Информационной базой исследования стала Единая межведомственная информационно-статистическая система Росстата (ЕМИСС)². Интегральный индекс рассчитывался по данным 83 субъектов РФ в динамике с 2010 по 2019 год, по г. Севастополю и Республике Крым – с 2014 по 2019 год. В межрегиональных сопоставлениях, корреляционном и регрессионном анализе используются усредненные значения по регионам за 2011–2018 гг.

Оценка межрегиональной конкурентоспособности Строительства

Три выделенных блока показателей выступили основой трехмерной группировки регионов России (вариант кластерного анализа³; рис. 1). Средние уровни интегрального индекса оказались малодифференцированными, особенно между Группами 1 и 2. Тем не менее, выполненная группировка позволила определить межрегиональные различия по основным аспектам межрегиональной конкурентоспособности.

Во-первых, лидерство регионов Группы 1 (19 регионов) обеспечивает наибольшие ресурсный (инвестиции в основной капитал, ввод новых основных фондов, величина занятости и производительность труда) и производственный потенциалы. Во-вторых, основанием выделения Группы 2 (6 регионов) выступает большой финансовый потенциал. На наш взгляд, это частично объясняется высокими стоимостными показателями входящих в данную группу северных регионов

² Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru>

³ С использованием процедуры иерархических кластеров Word, заложенных в программный продукт SPSS.

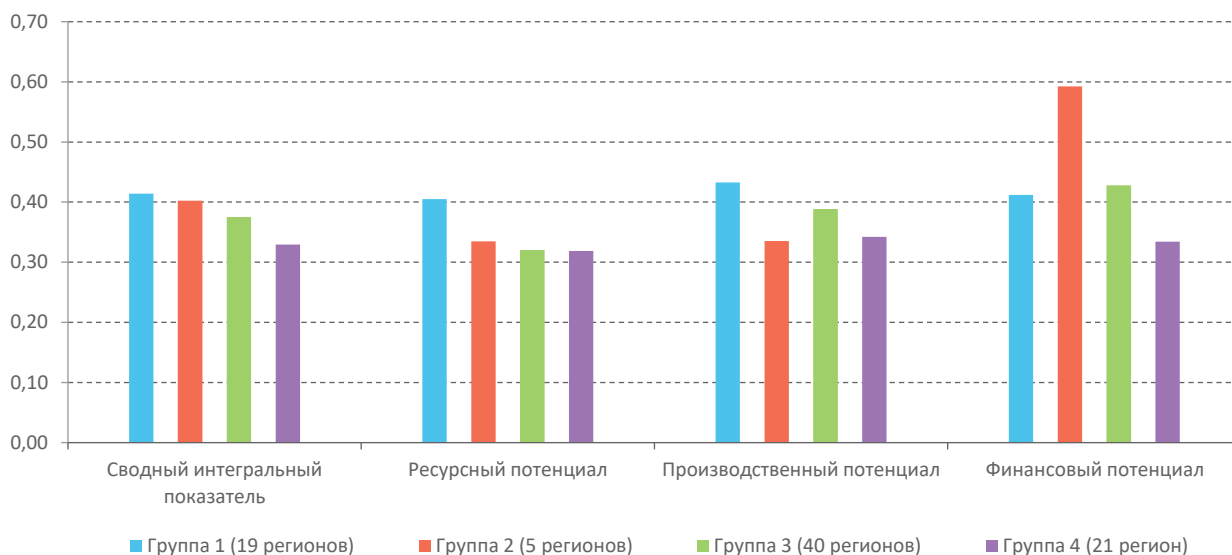

Рис. 1. Индексы межрегиональной конкурентоспособности по группам регионов России и факторам

Примечание: в скобках указано количество регионов в группе. Состав групп представлен в табл. 2.

Источник: расчеты авторов.

(тема северного удорожания затрагивается в (Дмитриева, Лаженцев, 2004; Чужмарова, 2004)): Республика Карелия, Магаданская область и Чукотский АО. В-третьих, Группа 3 (самая многочисленная, включающая 40 регионов) обладает значительным производственным и финансовым потенциалами, несмотря на отставание от Групп 1 и 2 соответственно. Однако данные субъекты, в отличие от регионов Группы 1, отстают по показателям инвестиций и объему выполненных строительных работ. Наконец, в-четвертых, территории Группы 4 (21 регион) в среднем характеризуются минимальными значениями по всем трем аспектам (потенциалам) межрегиональной конкурентоспособности.

Группу 1 отличают стабильно высокие значения индикаторов всех трех блоков (табл. 2). Например, здесь самые высокие (нормированные) значения таких показателей производственного потенциала, как «Стоимость строительства 1 кв. м общей площади жилых помещений» и «Введено в действие общей площади жилых домов». Кроме этого, на высокие показатели ресурсного потенциала первой группы повлияла низкая степень износа основных фондов в большинстве регионов, что обусловлено большими величинами инвестиций в основной капитал и числа высокопроизводительных

рабочих мест. Таким образом, в регионах первой группы наблюдается относительно низкая себестоимость строительства вследствие обновления основных фондов и роста производительности труда.

Группа 2 имеет не только наибольший финансовый потенциал, но и самый низкий производственный потенциал. Среди ее территорий особо выделяется Курская область, где фиксируются самые высокие среди всех регионов России рентабельность активов, коэффициенты автономии и текущей ликвидности. Парадоксальность заключается в том, что высокая финансовая устойчивость сочетается с низкими объемами выполненных работ и инвестициями. Таким образом, одних финансовых данных недостаточно для формулирования вывода об уровне межрегиональной конкурентоспособности региона по отдельной отрасли.

Выделение второй группы в рамках многомерной группировки обусловлено ее очень большими величинами по финансовому потенциалу, но схожие тенденции – низкие показатели инвестиций и строительных работ при эффективности использования финансовых ресурсов – характерны и для самой многочисленной (40 регионов) Группы 3.

Регионы Группы 4 отстают при анализе агрегированных данных (по средним нор-

Таблица 2. Индексы межрегиональной конкурентоспособности по группам регионов

Показатель	Группа 1*	Группа 2**	Группа 3***	Группа 4****
Интегральный индекс межрегиональной конкурентоспособности	0,41	0,40	0,38	0,33
Ресурсный потенциал	0,40	0,33	0,32	0,32
Введено новых основных фондов	0,32	0,30	0,27	0,27
Степень износа основных фондов	0,64	0,47	0,46	0,48
Инвестиции в основной капитал	0,36	0,21	0,15	0,14
Доля инвестиций, направленных на реконструкцию и модернизацию	0,40	0,35	0,48	0,44
Темп роста занятых в Строительстве	0,39	0,39	0,37	0,39
Число высокопроизводительных рабочих мест	0,31	0,29	0,19	0,17
Производственный потенциал	0,43	0,34	0,39	0,34
Объем выполненных работ в Строительстве	0,30	0,21	0,18	0,18
Индекс физического объема работ, выполненных по договорам строительного подряда	0,30	0,33	0,29	0,30
Введено в действие общей площади жилых домов	0,45	0,21	0,37	0,25
Темп ввода общей площади жилых домов	0,33	0,36	0,34	0,33
Стоимость строительства 1 кв. м общей площади жилых помещений (средняя фактическая)	0,72	0,52	0,73	0,61
Финансовый потенциал	0,41	0,59	0,43	0,33
Удельный вес прибыльных организаций	0,63	0,62	0,63	0,51
Рентабельность активов	0,49	0,64	0,52	0,45
Коэффициент текущей ликвидности	0,19	0,41	0,17	0,15
Коэффициент автономии	0,34	0,70	0,38	0,23
<p>* Республики Дагестан, Ингушетия, Хакасия, Саха (Якутия), Адыгея, Алтай, Кабардино-Балкарская; Краснодарский, Алтайский, Красноярский края; Ненецкий АО; Калужская, Ленинградская, Московская, Калининградская, Астраханская, Саратовская, Воронежская и Иркутская области.</p> <p>** Чукотский АО; Республика Карелия; Магаданская, Орловская и Курская области.</p> <p>*** Г. Санкт-Петербург; Псковская, Оренбургская, Челябинская, Новосибирская, Ростовская, Тульская, Тверская, Сахалинская, Архангельская, Нижегородская, Курганская, Свердловская, Владимирская, Волгоградская, Самарская, Вологодская, Белгородская, Ульяновская, Тамбовская, Пензенская, Кемеровская, Тюменская, Липецкая, Брянская, Кировская, Новгородская и Костромская области; Пермский край; Ханты-Мансийский АО; республики Чеченская, Коми, Башкортостан, Марий Эл, Калмыкия, Татарстан, Мордовия, Чувашская, Карачаево-Черкесская, Северная Осетия – Алания.</p> <p>**** Г. Москва, г. Севастополь; Амурская, Ивановская, Мурманская, Омская, Рязанская, Смоленская, Томская, Ярославская области; Ставропольский, Забайкальский, Хабаровский, Камчатский, Приморский края; Ямало-Ненецкий АО; Еврейская АО; республики Бурятия, Крым, Тыва, Удмуртская.</p> <p>Источник: расчеты авторов.</p>				

мированным значениям). Однако по отдельным показателям они могут занимать пусть и не лидирующие, но относительно устойчивые позиции.

Таким образом, нам удалось выделить две большие группы регионов, в одной из которых (Группа 1) в Строительстве за счет капитальных вложений поддерживаются относительно низкая себестоимость работ и высокая производительность, а в другой (регионы остальных трех групп) финансовая

ответственность скрывает относительно малые ресурсный и производственный потенциалы.

Интегральный индекс межрегиональной конкурентоспособности региона по Строительству выше при растущих общих инвестициях и экономике в целом. При этом на величину индекса оказывает сильное положительное влияние спрос со стороны государственного сектора («Доля бюджетных инвестиций в общем объеме»; табл. 3). Так, значение индекса не связано с уровнями

Таблица 3. Парная корреляция с интегральным индексом межрегиональной конкурентоспособности

Показатель	Коэффициент корреляции
Индикаторы спроса на продукцию Строительства	
Темп роста экономики региона, %	0,3
Индекс общих инвестиций, %	0,3
Частные инвестиции в основной капитал, тыс. руб. / чел.	0
Доля инвестиций в жилые помещения в общем объеме инвестиций, %	0,4
Среднемесячная начисленная заработная плата, тыс. руб. / чел.	0
Бюджетная обеспеченность региона (до распределения федеральных дотаций), ед.	-0,2
Доля бюджетных инвестиций в общем объеме	0,3
Индикаторы предложения	
Доля Строительства в ВРП региона, %	0,3
Выручка на одного занятого в МСП в Строительстве, млн руб. / чел.	0,2
Налоговые поступления в бюджетную систему РФ от Строительства, тыс. руб. / чел.	-0,2
Доля занятых в неформальном секторе, %	0,3
Примечание. Только значимые коэффициенты корреляции (по t-критерию Стьюдента). Источник: расчеты авторов.	

Индекс
межрегиональной
конкурентоспособности

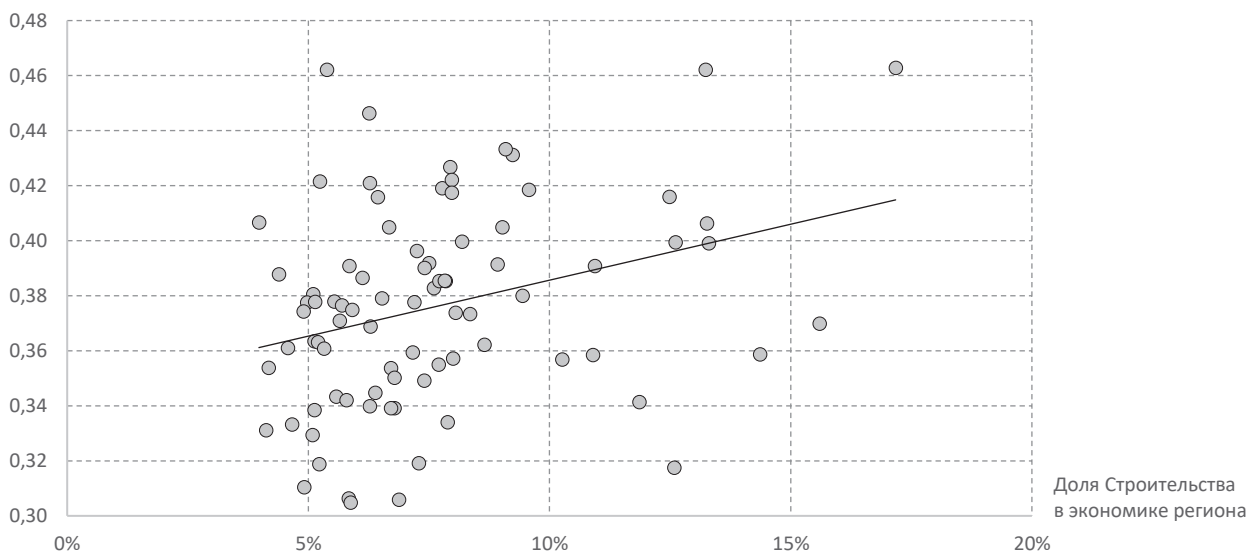

Рис. 2. Индекс межрегиональной конкурентоспособности и доля Строительства в ВРП региона

Источник: расчеты авторов.

доходов физлиц и частных инвестиций, но выше в регионах с меньшей бюджетной обеспеченностью и высокими государственными инвестициями. В части показателей предложения услуг отрасли оценки конкурентоспособности региона больше, если Строительство играет заметную роль в региональной экономике (отраслевая специали-

зация выше), в том числе через сектор малого и среднего предпринимательства. Оценки также выше при малой налоговой нагрузке и высокой доле неформальной занятости населения.

На рис. 2 проиллюстрирована прямая взаимосвязь интегрального индекса межрегиональной конкурентоспособности и доли

Строительства в ВРП региона – индикатора специализации экономики региона на данной отрасли. Мы видим, что обладание межрегиональными преимуществами, как правило, ведет к росту специализации регионов на указанном виде деятельности, с привлечением ресурсов (факторов производства) из других отраслей региональной экономики. Тем не менее, высокие объемы выполненных работ и производительности труда – факторы попадания регионов в Группу 1 по величине индекса конкурентоспособности – вызываются спросом со стороны государственного, а не частного сектора экономики, так как интегральный индекс межрегиональной конкурентоспособности имеет прямую взаимосвязь с бюджетными инвестициями, но не зависит от частных инвестиций и доходов физлиц.

Факторы и следствия межрегиональной конкурентоспособности: межотраслевая конкурентоспособность Строительства и выгоды от специализации

Средняя доля Строительства в структуре валового регионального продукта (ВРП) экономик регионов России имеет тенденцию к

уменьшению (рис. 3), в основном вследствие сокращения показателя в регионах с наибольшей специализацией. Прежде всего к ним относится большая группа регионов из Северо-Кавказского федерального округа (СКФО): Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Чеченская Республика. Также туда входят по одному-два региона из остальных федеральных округов (Тамбовская область; Ленинградская область; Ямало-Ненецкий АО; Амурская область и Еврейская АО) и Республика Крым.

Некоторые регионы России одновременно являются конкурентоспособными по отрасли Строительство (межрегиональная конкурентоспособность) и специализируются на данном виде деятельности. На это указывает прямая взаимосвязь интегрального индекса и уровня специализации, рассчитываемого через долю отрасли в ВРП. К ним относится большое число представителей СКФО: Республика Дагестан, Республика Ингушетия и Кабардино-Балкарская Республика. Это три из четырех регионов (кроме Ленинградской области),

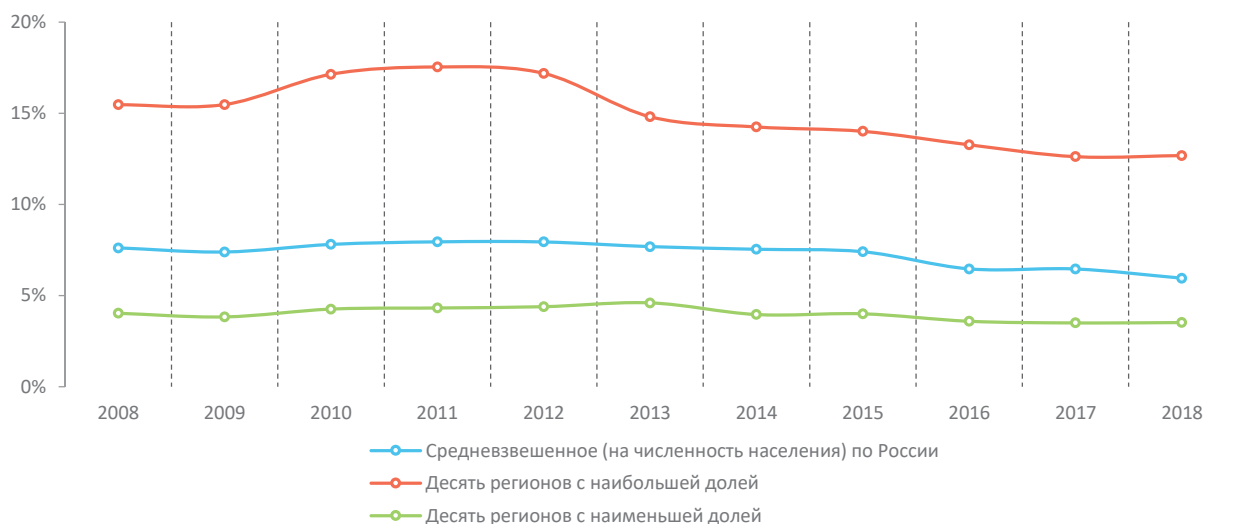

Рис. 3. Динамика доли Строительства в ВРП регионов России, %

Примечание. Регионы с наибольшей долей (10 регионов). Из них входящие в Группу 1 (наиболее конкурентоспособные по Строительству, 4 региона): Ленинградская область, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика. Из них входящие в Группу 4 (наименее конкурентоспособные, 4 региона): Ямало-Ненецкий АО, Еврейская АО, Амурская область, Республика Крым.

Регионы с наименьшей долей (все 10 регионов): Сахалинская область, Республика Хакасия, г. Москва, Республика Карелия, Ненецкий АО, Кемеровская область, Республика Марий Эл, Новосибирская область, Курганская область, Омская область.

Источники: Росстат (URL: <https://www.gks.ru>), расчеты авторов.

которые, во-первых, входят в Группу 1 по уровню интегрального индекса конкурентоспособности и, во-вторых, характеризуются высокой долей Строительства в ВРП. Так как взаимосвязь индекса и показателя специализации далеко не детерминированная, для ряда регионов (например, Ямало-Ненецкого АО и Еврейской АО; см. примечание к рис. 3) большое значение доли Строительства в ВРП сочетается с малой величиной интегрального индекса.

Полученные результаты позволяют сформулировать два исследовательских вопроса: 1) что определяет успешность Строительства не только в межрегиональной, но и межотраслевой конкуренции (то есть в сравнении с другими видами деятельности в границах одного региона), 2) как это отражается на уровне доходов региональных экономик.

Факторы межотраслевой конкурентоспособности Строительства

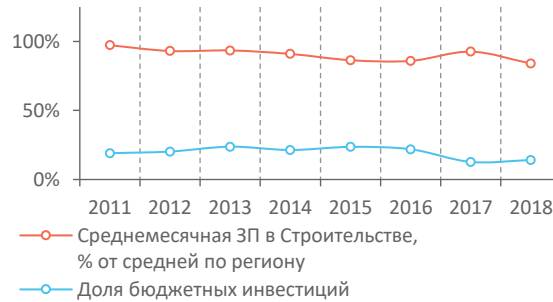
Основными факторами межотраслевой конкурентоспособности, влияющей на структурную (в разрезе видов деятельности) составляющую экономики, являются рынок труда и рынок капитала (финансовый рынок) (Гильмундинов, 2020). Межотраслевое распределение факторов труда и капитала зависит, прежде всего, от доходности факторов производства на отраслевых рынках, межотраслевой мобильности ресурсов и институциональных характеристик. К числу последних относятся, например, рыночная структура (степень монополизации) и роль государственного сектора в экономике. Конкурентные позиции отраслей также изменяются под воздействием факторов макроэкономики (валютный курс, инфляция, размер процентных ставок и т. д.). Количественно межотраслевая конкурентоспособность может быть оценена в терминах эластичности отраслевого выпуска от влияния названных факторов. Важность концепции межотраслевой конкурентоспособности состоит в значимости конкуренции отраслей за факторы производства (труд, капитал) для экономик в целом, а также влияния процесса конкуренции на стоимостные пропорции и темпы экономического роста.

Анализ изменений межотраслевой конкурентоспособности отдельной отрасли в разрезе спроса и предложения факторов производства требует самостоятельного исследования. Однако общие тенденции конкурентоспособности Строительства на региональном уровне в сравнении с другими видами деятельности можно проследить через традиционные показатели рынка труда и капитала. В данной работе мы анализируем, как меняются относительные показатели оплаты труда и насколько велики инвестиции со стороны бюджетной системы.

Уровень отраслевой конкурентоспособности Строительства во многом зависит от госсектора, формирующего спрос на продукцию отрасли (рис. 4). Так, в регионах, специализирующихся на отрасли строительства, существенно выше показатели государственных инвестиций и в среднем чуть более высокий относительный размер оплаты труда (в начале периода). Заметное снижение доходов наемных работников в 2011–2018 гг. в регионах со специализацией на Строительстве могло снизить привлекательность отрасли на рынке труда, что объясняет снижение доли Строительства в структуре ВРП (см. рис. 3); это согласуется с концепцией межотраслевой конкурентоспособности.

При учете результатов, полученных в ходе расчета индекса межрегиональной конкурентоспособности Строительства, можно заметить, что в регионах с высокой конкурентоспособностью (входящих в Группу 1 по значению индекса) доля средств бюджетной системы в инвестициях также выше, но разрыв между группами регионов не столь велик (рис. 5). То, что уровень заработной платы чуть ниже, чем в регионах с менее конкурентоспособной отраслью строительства, объясняется несколько меньшими издержками на оплату труда, что и формирует межрегиональную конкурентоспособность.

Таким образом, факторы размера оплаты труда в Строительстве и размера бюджетных инвестиций можно признать основными в формировании как межрегиональной, так и межотраслевой конкурентоспособности. Относительно высокая оплата труда ведет к

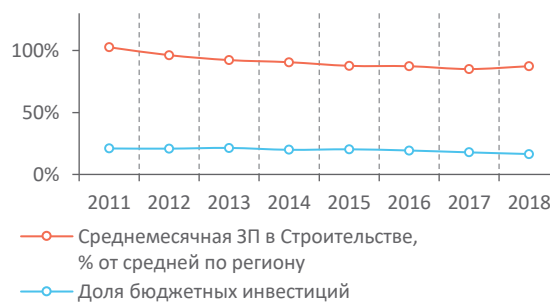
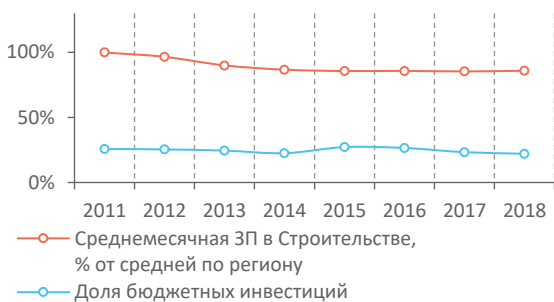
Регионы со специализацией на Строительстве (10 регионов с наибольшей межотраслевой конкурентоспособностью Строительства – наибольшей долей Строительства в ВРП)

10 регионов с наименьшей долей Строительства в ВРП

Рис. 4. Динамика индикаторов межотраслевой конкурентоспособности – по уровню специализации, %

Примечание. Рассчитаны средние простые значения по данным каждого региона.

Источники: Росстат, Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС), расчеты авторов.

Регионы с максимальным индексом межрегиональной конкурентоспособности (Группа 1)

Остальные регионы

Рис. 5. Динамика индикаторов межотраслевой конкурентоспособности – по интегральному индексу межрегиональной конкурентоспособности, %

Примечание. Рассчитаны средние простые значения по данным каждого региона.

Источники: Росстат, Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС), расчеты авторов.

росту межотраслевой конкурентоспособности Строительства, но с течением времени это негативно влияет на лидерство регионов по интегральному индексу межрегиональной конкурентоспособности. Роль фактора бюджетных инвестиций проще, так как он положительно влияет как на межотраслевую, так и межрегиональную конкурентоспособность.

Выгоды специализации на Строительстве

Структура экономики региона напрямую влияет на уровень региональных доходов (Растворцева, Снитко, 2020). Это происходит вследствие эффектов от совместного использования и территориальной концен-

трации ресурсов, инфраструктуры и институтов. В цитируемой работе преимущества от специализации региона предлагается оценивать через аддитивную модель выпуска (формула (3)), расшифровка символов – в табл. 4) с включением в анализ показателя отраслевой специализации. В нашем случае в роли показателя специализации на отрасли строительства (Cons) мы используем тот же индикатор – долю отрасли в ВРП региона, рассчитанную на средний уровень показателя по всем регионам России.

$$Y^{\alpha} = A * L^{\beta} * K^{\gamma} * Cons^{\delta} * Z^{\theta} \quad (3)$$

Таблица 4. Оценки коэффициентов регрессии (зависимая переменная: ВРП на душу населения, Y), тыс. руб. / чел.

Переменные	Коэффициент
Свободный член	0,18
стандартная ошибка	0,45
Индекс специализации на отрасли Строительства, ед. (Cons)	-0,10 *
стандартная ошибка	0,06
Фонд оплаты труда, тыс. руб. / чел. (L)	0,19 *
стандартная ошибка	0,12
Стоимость основных фондов, тыс. руб. / чел. (K)	0,66 **
стандартная ошибка	0,07
Затраты на технологические инновации, тыс. руб. / чел. (Z)	0,06 **
стандартная ошибка	0,02
R ² нормированный (adjusted)	0,89
Jarque-Bera test (нормальность ошибок)	0,69
Breusch-Pagan test (гомоскедастичность ошибок)	0,24
Durbin-Watson test (корреляция ошибок)	0,24
Кол-во наблюдений	85

Примечание. Взаимно сопоставимые коэффициенты (с учетом стандартизованных (scaled) значений переменных).
 * Коэффициенты, значимые на уровне 10%.
 ** На уровне 1%. Проверка коэффициентов на значимость учитывает требование гомоскедастичности (постоянство дисперсии ошибок). Для тестов указаны p-value, высокие значения которых свидетельствуют о соблюдении предпосылок. Расчеты по усредненным данным за 2011–2018 гг.
 Источник: расчеты авторов.

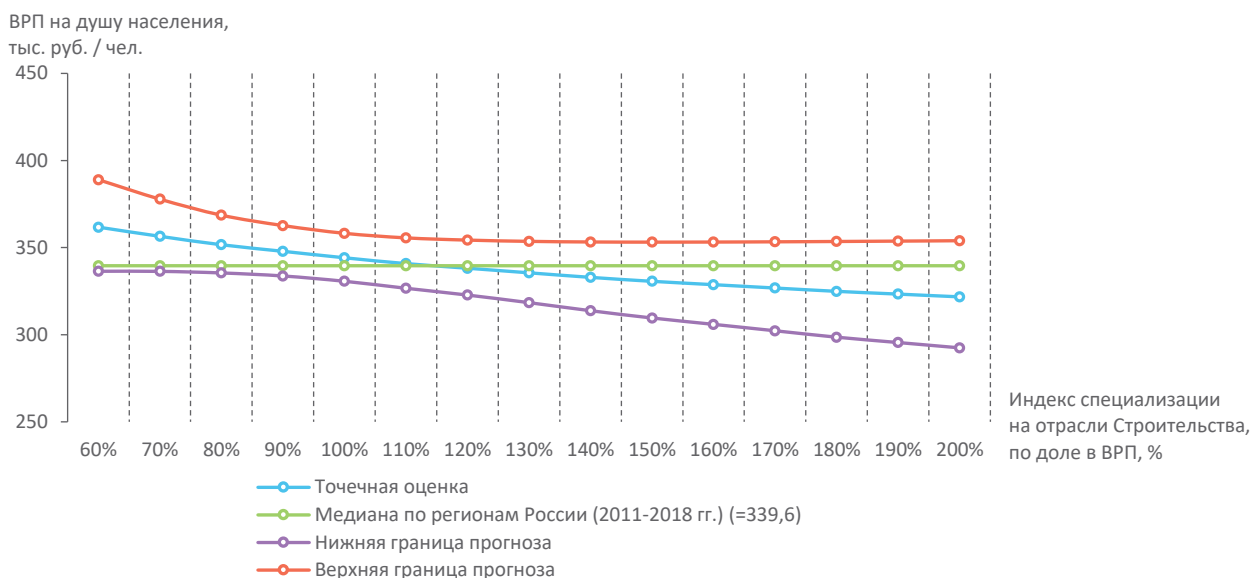

Рис. 6. Прогноз размера подушевого ВРП в регионах России в зависимости от индекса специализации на отрасли строительства

Примечание. При доверительной вероятности прогноза 95%.
 Источник: расчеты авторов.

По нашим оценкам, вклад фактора специализации региона на Строительстве в удельные доходы является отрицательным (табл. 4). Эффект несколько ниже (по модулю) поло-

жительного вклада фактора труда и намного меньше фактора физического капитала. Таким образом, высокая доля Строительства в ВРП тормозит рост уровня доходов в регионе.

Отрицательное влияние специализации экономики на Строительстве проиллюстрировано на *рис. 6*. Хотя фактическое медианное значение ВРП лежит в пределах доверительного интервала аппроксимирующей линии регрессии (с вероятностью 95%), удельный размер ВРП, по точечным оценкам, становится ниже его медианного значения при доле Строительства в ВРП выше среднероссийского уже на 20%.

Выводы

Предложенный подход к количественной оценке диагностики межрегиональной конкурентоспособности отрасли строительства позволил выделить группы регионов России с высоким объемом работ и производительностью труда и те из них, которые отстают по показателям ресурсного и производственного потенциалов.

Лидерство регионов по интегральному индексу межрегиональной конкурентоспособности Строительства обусловлено относительно низкой оплатой труда в отрасли в сравнении со среднеотраслевыми значениями в соответствующем регионе, а также высокой долей бюджетных инвестиций. Но для удержания факторов производства в Строительстве в рамках межотраслевой конкуренции и привлечения их из других видов деятельности высокого спроса со стороны бюджетной системы недостаточно. Поэтому регионы со специализацией на Строительстве обычно характеризуются и более высоким уровнем заработной платы в отрасли (по сравнению с другими отраслями).

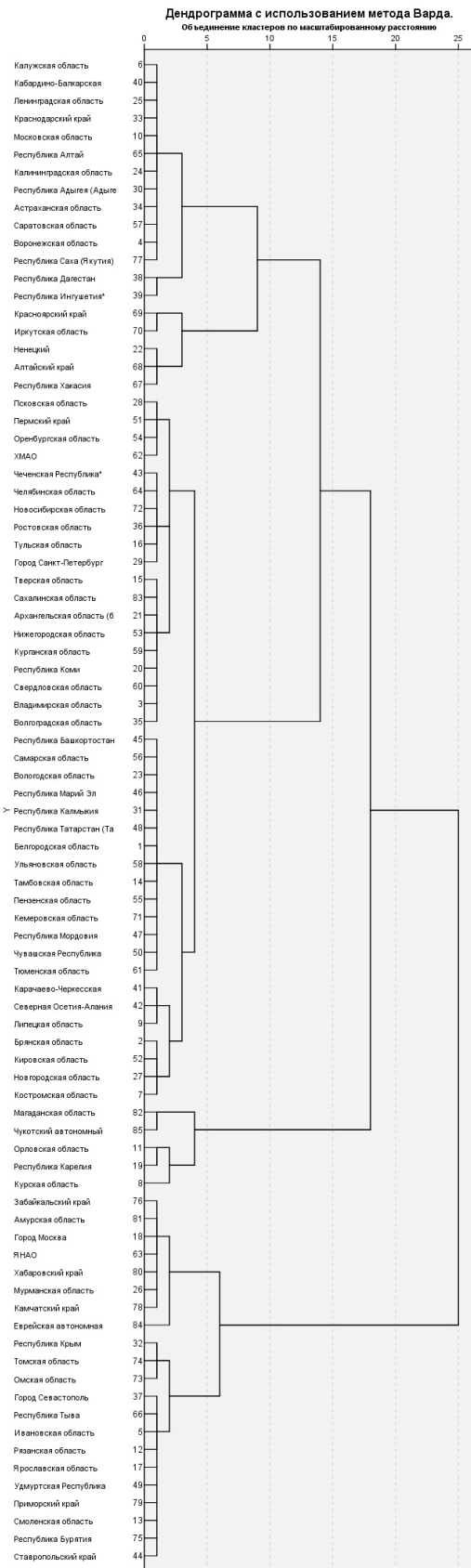
Поддержка региональных экономик со стороны государственного сектора не позво-

ляет им получать выгоду от специализации на Строительстве в терминах роста уровня доходов, хотя и поддерживает на стабильно высоком уровне количественные оценки потенциалов конкурентоспособности даже при ухудшении национальных макропоказателей. В регионах с высокой межрегиональной конкурентоспособностью отрасли Строительства и высокой специализацией (прежде всего из СКФО) данная отрасль «испытывает» малую конкуренцию со стороны других отраслей, что приводит к сохранению ее позиций, несмотря на отрицательный вклад в ВРП при росте специализации.

Практический вывод исследования состоит в том, что в рамках федеральной политики в регионах со специализацией на отрасли строительства и с высокой межрегиональной конкурентоспособностью целесообразно реализовывать меры по развитию остальных видов деятельности, что будет стимулировать конкуренцию за ресурсы и приведет к росту выпуска в экономике и доходов населения соответствующего региона.

В дальнейших исследованиях целесообразно уточнить созданную методику оценки межрегиональной конкурентоспособности Строительства, в частности обосновать применимость дифференцированных весов к разным потенциалам интегрального индекса и применить отраслевые индексы динамики цен к стоимостным показателям, с тем чтобы полнее учесть ценовой фактор. Помимо этого, дополнительного исследования заслуживают иные факторы межотраслевой конкурентоспособности Строительства, кроме размера оплаты труда и бюджетных инвестиций.

Приложение

Результаты трехмерной группировки регионов России

Индекс конкурентоспособности
Строительства по регионам России

Регион	Сводный	Ресурс- ный потенциал	Производ- ственный потенциал	Финан- совый потенциал
Россия	0,356	0,314	0,380	0,379
1-я группа	0,414	0,405	0,433	0,412
Калужская область	0,419	0,403	0,434	0,421
Кабардино-Балкарская Республика	0,418	0,403	0,430	0,423
Ленинградская область	0,399	0,365	0,462	0,377
Краснодарский край	0,406	0,369	0,480	0,379
Московская область	0,421	0,370	0,502	0,402
Республика Алтай	0,416	0,374	0,460	0,418
Калининградская область	0,379	0,330	0,449	0,368
Республика Адыгея (Адыгея)	0,378	0,338	0,429	0,371
Астраханская область	0,391	0,370	0,419	0,384
Саратовская область	0,387	0,351	0,424	0,388
Воронежская область	0,400	0,371	0,427	0,402
Республика Саха (Якутия)	0,391	0,380	0,401	0,393
Республика Дагестан	0,463	0,419	0,567	0,417
Республика Ингушетия	0,462	0,441	0,486	0,460
Красноярский край	0,405	0,497	0,350	0,382
Иркутская область	0,416	0,551	0,361	0,361
Ненецкий автономный округ	0,433	0,429	0,397	0,478
Алтайский край	0,422	0,429	0,372	0,470
Республика Хакасия	0,462	0,501	0,372	0,530
2-я группа	0,403	0,335	0,335	0,592
Магаданская область	0,355	0,347	0,264	0,487
Чукотский автономный округ	0,378	0,354	0,248	0,614
Орловская область	0,427	0,327	0,389	0,610
Республика Карелия	0,407	0,342	0,345	0,571
Курская область	0,446	0,304	0,430	0,680
3-я группа	0,375	0,320	0,388	0,428
Псковская область	0,350	0,276	0,351	0,443
Пермский край	0,354	0,276	0,358	0,449
Оренбургская область	0,340	0,250	0,384	0,408
Ханты-Мансийский автономный округ	0,343	0,242	0,373	0,449
Чеченская Республика	0,370	0,345	0,379	0,386
Челябинская область	0,369	0,330	0,380	0,399
Новосибирская область	0,374	0,340	0,404	0,381
Ростовская область	0,385	0,347	0,390	0,422
Тульская область	0,378	0,386	0,358	0,391
Город Санкт-Петербург	0,363	0,350	0,348	0,393
Тверская область	0,373	0,341	0,341	0,448
Сахалинская область	0,375	0,351	0,331	0,454

Архангельская область (без АО)	0,377	0,359	0,347	0,428
Нижегородская область	0,339	0,298	0,335	0,390
Курганская область	0,338	0,282	0,336	0,410
Республика Коми	0,357	0,303	0,350	0,429
Свердловская область	0,361	0,309	0,357	0,425
Владимирская область	0,371	0,322	0,370	0,428
Волгоградская область	0,359	0,324	0,346	0,413
Республика Башкортостан	0,385	0,329	0,416	0,419
Самарская область	0,391	0,329	0,421	0,431
Вологодская область	0,392	0,329	0,414	0,441
Республика Марий Эл	0,385	0,323	0,413	0,430
Республика Калмыкия	0,383	0,315	0,428	0,416
Республика Татарстан (Татарстан)	0,380	0,311	0,430	0,409
Белгородская область	0,396	0,333	0,447	0,418
Ульяновская область	0,390	0,322	0,450	0,410
Тамбовская область	0,399	0,341	0,449	0,415
Пензенская область	0,362	0,300	0,398	0,397
Кемеровская область (Кузбасс)	0,361	0,305	0,388	0,398
Республика Мордовия	0,358	0,294	0,387	0,405
Чувашская Республика (Чувашия)	0,374	0,309	0,404	0,418
Тюменская область	0,357	0,262	0,431	0,403
Карачаево-Черкесская Республика	0,422	0,370	0,437	0,465
Республика Северная Осетия – Алания	0,417	0,384	0,405	0,467

Липецкая область	0,431	0,348	0,465	0,496
Брянская область	0,381	0,322	0,380	0,451
Кировская область	0,388	0,325	0,380	0,473
Новгородская область	0,405	0,330	0,399	0,504
Костромская область	0,378	0,301	0,353	0,507
4-я группа	0,329	0,319	0,342	0,334
Забайкальский край	0,342	0,350	0,321	0,357
Амурская область	0,341	0,351	0,327	0,346
Город Москва	0,331	0,344	0,288	0,367
Город Севастополь	0,322	0,264	0,361	0,352
Еврейская автономная область	0,359	0,410	0,371	0,303
Ивановская область	0,333	0,274	0,362	0,373
Камчатский край	0,310	0,371	0,233	0,347
Мурманская область	0,306	0,324	0,263	0,337
Омская область	0,319	0,302	0,364	0,295
Приморский край	0,334	0,313	0,338	0,352
Республика Бурятия	0,345	0,314	0,356	0,366
Республика Крым	0,293	0,262	0,388	0,247
Республика Тыва	0,319	0,274	0,349	0,340
Рязанская область	0,363	0,337	0,402	0,354
Смоленская область	0,354	0,324	0,375	0,364
Ставропольский край	0,349	0,295	0,395	0,366
Томская область	0,305	0,241	0,393	0,300
Удмуртская Республика	0,329	0,302	0,362	0,326
Хабаровский край	0,306	0,347	0,270	0,305
Ямало-Ненецкий автономный округ	0,318	0,365	0,295	0,297
Ярославская область	0,339	0,330	0,372	0,318

ЛИТЕРАТУРА

- Асаул А.Н., Асаул М.А., Люлин П.Б., Чепаченко Н.В. (2019). Тренды жилищного строительства в России и среднесрочный прогноз // Проблемы прогнозирования. № 3 (174). С. 111–117.
- Борисов В.Н., Почукаева О.В. (2021). Анализ и прогноз конкурентоспособности российской инвестиционной техники на рынках дальнего зарубежья // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 2. С. 43–58. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.3
- Гаджиев Ю.А., Акопов В.И., Канев В.Н. (2015). Динамика инвестиций в основной капитал экономики северных регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 1 (37). С. 59–71. DOI: 10.15838/esc/2015.1.37.4
- Гильмундинов В.М. (2020). Межотраслевая конкуренция в экономике России // Проблемы прогнозирования. № 5 (182). С. 60–71.
- Гусев Е.В., Угрюмов Е.А., Обронов И.М. (2013). Оценка конкурентоспособности строительных предприятий на основе организационно-технических показателей // Вестн. ЮУрГУ. Сер.: Экономика и менеджмент. Т. 7. № 3. С. 122–127.
- Дмитриева Т.Е., Лажнецов В.Н. (2004). Актуализация проблем развития северных регионов // Север России: актуальные проблемы развития и государственный подход к их решению / под ред. А.Г. Гранберга, В.Н. Лажнецова. Москва – Сыктывкар. С. 7–14.
- Кирсанова Д.А., Жариков В.Д. (2016). Критерии и показатели конкурентоспособности машиностроительной продукции // Социально-экономические явления и процессы. № 11 (3). С. 72–76.

- Кожевников С.А., Ворошилов Н.В. (2017). Актуальные вопросы оценки эффективности государственного управления в современной России // Проблемы развития территории. № 6 (92). С. 35–52.
- Лукин Е.В. (2019). Отраслевая и территориальная специфика цепочек добавленной стоимости в России: межотраслевой подход // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 12. № 6. С. 129–149. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.7
- Прохин Е.А., Белянцева О.М., Сафонова Н.А. (2016). Драйверы конкурентоспособности инвестиционно-строительного комплекса в условиях экономического кризиса // Социально-экономические явления и процессы. № 6. С. 51–57.
- Растворцева С.Н., Снитко Л.Т. (2020). Региональная специализация и агломерационные эффекты в экономике России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 3. С. 46–58. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.4
- Силка Д.Н., Ермолаев Е.Е. (2014). Методологические аспекты новой модели развития строительного комплекса // Вестн. евразийской науки. № 1 (20). С. 30–34.
- Чужмарова С.И. (2014). Методология формирования и реализации налоговой политики в северных регионах России: монография / под общ. ред. А.Г. Шеломенцева, В.В. Фаузера. М.: ЭКОН-ИНФОРМ. 385 с.
- Шишкина Н.П. (2016). Аналитическая оценка конкурентоспособности пищевой промышленности Забайкальского края // Baikal Research Journal. Т. 7. № 1. С. 7. DOI: 10.17150/2411-6262.2016.7(1).7
- Шуваев М.А. (2012). Методический подход к оценке рейтинга конкурентоспособности строительного предприятия // Проблемы современной экономики. № 1. С. 135–138.
- Carbonara N., Pellegrino R. (2020). The role of public private partnerships in fostering innovation. *Construction Management and Economics*, 38 (2), 140–156. DOI: <https://doi.org/10.1080/01446193.2019.1610184>
- Çınar S. (2020). Construction labour, subcontracting and masculinity: construction is a man's job. *Construction Management and Economics*, 38 (3), 275–290. DOI: <https://doi.org/10.1080/01446193.2019.1690155>
- Flanagan R. et al. (2005). *Measuring Construction Competitiveness in Selected Countries*. University of Reading Team Report. Available at: <https://www.reading.ac.uk/icrc/Projects/icrc-projects-25-Measuring-Construction-Competitiveness.aspx> (accessed 29.06.2021).
- Gunhan S. (2020). Factors affecting international contractors' performance in the 21st Century. *Practice Periodical on Structural Design and Construction*, 25 (4), 05020011. DOI: [https://doi.org/10.1061/\(ASCE\)SC.1943-5576.0000522](https://doi.org/10.1061/(ASCE)SC.1943-5576.0000522)
- Guo H., Lu W. (2021). The inverse U-shaped relationship between corporate social responsibility and competitiveness: Evidence from Chinese international construction companies. *Journal of Cleaner Production*, 295, 126374. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.126374>
- Hooper E., Peters S., Pintus P.A. (2021). The impact of infrastructure investments on income inequality: Evidence from US states. *Economics of Transition and Institutional Change*, 29 (2), 227–256. DOI: <https://doi.org/10.1111/ecot.12266>
- Lindblad H., Guerrero J.R. (2020). Client's role in promoting BIM implementation and innovation in construction. *Construction Management and Economics*, 38 (5), 468–482. DOI: <https://doi.org/10.1080/01446193.2020.1716989>
- Møller J.L. et al. (2021). The competences of successful safety and health coordinators in construction projects. *Construction Management and Economics*, 39 (3), 199–211. DOI: <https://doi.org/10.1080/01446193.2020.1818800>
- Momaya K.S. (2019). The past and the future of competitiveness research: A review in an emerging context of innovation and EMNEs. *International Journal of Global Business and Competitiveness*, 14 (1), 1–10. DOI: 10.1007/s42943-019-00002-3

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дмитрий Васильевич Колечков – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера, ФИЦ Коми научный центр Уральского отделения РАН (Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: kdb1970@mail.ru)

Евгений Николаевич Тимушев – научный сотрудник, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера, ФИЦ Коми научный центр Уральского отделения РАН (Российская Федерация, 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: evgeny_timushev@mail.ru)

Kolechkov D.V., Timushev E.N.

THE CONSTRUCTION INDUSTRY IN RUSSIA'S REGIONS: STATUS, FACTORS AND IMPLICATIONS

The authors developed a methodological set of tools for assessing the state of the construction industry, and on its basis established the position of Russian regions, drivers and consequences of competitiveness of the industry for the regional economy. We propose an approach to the diagnosis of interregional competitiveness of the construction industry, involving the calculation of the integral index and indices of resource, production and financial potentials. The relevance of the study is due to the importance of the construction industry for economic development – meeting the investment demand of other industries, including the implementation of necessary infrastructure projects and projects in the housing sector. We apply the method of index numbers, min-max normalization method, grouping method, correlation and regression analysis. We found that the possession of sectoral interregional advantages, which are identified by the original index of interregional competitiveness, usually leads to an increase in regional specialization in the construction industry, i.e. an increase in inter-industry competitiveness within the economy of the corresponding region. This is facilitated by an increase in wages in the industry, and the interregional advantage is maintained until some optimal income level is reached. We revealed that the interregional competitiveness of construction is related not to the growth of private investment or income of individuals, but to the steady demand from the public sector of the economy. According to the calculations performed, specialization in the construction industry has a negative impact on GRP per capita of the region considering other factors of output. The practical result of the work consists in the fact that the measures of the federal policy of development of regions with specialization in the construction industry and with high interregional competitiveness should be aimed at the development of other types of activity, as it will lead to the growth of output in the economy and incomes of the population in the corresponding region. For developing the results obtained, it is advisable to refine the presented methodology for assessing interregional competitiveness in terms of the applicability of differential weights to various competitiveness potentials and sectoral price indices for value indicators.

Intersectoral competitiveness, regional economy, budget investments, resource potential, production potential, financial potential, specialization of regions.

REFERENCES

- Asaul A.N., Asaul M.A., Lyulin P.B., Chepachenko N.V. (2019). Housing construction in Russia: Trends and medium-range forecasts. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*, 3 (174), 111–117 (in Russian).
- Borisov V.N., Pochukaeva O.V. (2021). Analysis and forecast of competitiveness of Russian investment equipment in the foreign markets. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 14 (2), 43–58. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.3 (in Russian).
- Gadzhiev Yu.A., Akopov V.I., Kanev V.N. (2015). Dynamics of investment in fixed capital in the economy of the Northern regions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 1 (37), 59–71. DOI: 10.15838/esc/2015.1.37.4 (in Russian).
- Gil'mundinov V.M. (2020). Interindustry competition in the Russia's economy. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*, 5 (182), 60–71 (in Russian).
- Gusev E.V., Ugryumov E.A., Obronov I.M. (2013). The competitiveness assessment for construction enterprises based on organizational and technical indicators. *Vestn. YuUrGU. Ser.: Ekonomika i menedzhment=Bulletin of SUSU, Series Economics and Management*, 7 (3), 122–127 (in Russian).
- Dmitrieva T.E., Lazhentsev V.N. (2004). Mainstreaming the development problems of the northern regions. In: Granberg A.G., Lazhentsev V.N. (Eds.). *Sever Rossii: aktual'nye problemy razvitiya i gosudarstvennyi podkhod k ikh resheniyu* [The North of Russia: Current Development Problems and the State Approach to Solving Them]. Moscow – Syktyvkar (in Russian).
- Kirsanova D.A., Zharikov V.D. (2016). Criteria and indicators of competitiveness of engineering products. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy=Social-Economic Phenomena and Processes*, 11 (3), 72–76 (in Russian).
- Kozhevnikov S.A., Voroshilov N.V. (2017). Topical issues of assessing the effectiveness of public management in modern Russia. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 6 (92), 35–52 (in Russian).
- Lukin E.V. (2019). Sectoral and territorial specifics of value-added chains in Russia: The input-output approach. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 12 (6), 129–149. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.7 (in Russian).
- Prokhin E.A., Belyantseva O.M., Safonova N.A. (2016). Drivers of competitiveness of the investment and construction complex in the conditions of the economic crisis. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy=Social-Economic Phenomena and Processes*, 6, 51–57 (in Russian).
- Rastvortseva S.N., Snitko L.T. (2020). Regional specialization and agglomeration effects in the Russian economy. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 13 (3), 46–58. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.4 (in Russian).
- Silka D.N., Ermolaev E.E. (2014). Methodological aspects of the new model of development of the construction complex. *Vestn. evraziiskoi nauki=Bulletin of Eurasian Science*, 1 (20), 30–34 (in Russian).
- Chuzhmarova S.I. (2014). *Metodologiya formirovaniya i realizatsii nalogovoi politiki v severnykh regionakh Rossii: Monografiya* [Methodology of Formation and Implementation of Tax Policy in the Northern Regions of Russia: Monograph]. Moscow: EKON-INFORM.
- Shishkina N.P. (2016). Analytical assessment of food industry competitiveness in Zabaikalsky Krai. *Baikal Research Journal*, 7 (1), 7. DOI: 10.17150/2411-6262.2016.7(1).7 (in Russian).
- Shuvaev M.A. (2012). A methodical approach to assessing the competitiveness rating of a construction company. *Problemy sovremennoi ekonomiki=Problems of Modern Economics*, 1, 135–138 (in Russian).
- Carbonara N., Pellegrino R. (2020). The role of public private partnerships in fostering innovation. *Construction Management and Economics*, 38 (2), 140–156. DOI: <https://doi.org/10.1080/01446193.2019.1610184>

- Çınar S. (2020). Construction labour, subcontracting and masculinity: construction is a man's job. *Construction Management and Economics*, 38 (3), 275–290. DOI: <https://doi.org/10.1080/01446193.2019.1690155>
- Flanagan R. et al. (2005). *Measuring Construction Competitiveness in Selected Countries*. University of Reading Team Report. Available at: <https://www.reading.ac.uk/icrc/Projects/icrc-projects-25-Measuring-Construction-Competitiveness.aspx> (accessed: June 29, 2021).
- Gunhan S. (2020). Factors affecting international contractors' performance in the 21st Century. *Practice Periodical on Structural Design and Construction*, 25 (4), 05020011. DOI: [https://doi.org/10.1061/\(ASCE\)SC.1943-5576.0000522](https://doi.org/10.1061/(ASCE)SC.1943-5576.0000522)
- Guo H., Lu W. (2021). The inverse U-shaped relationship between corporate social responsibility and competitiveness: Evidence from Chinese international construction companies. *Journal of Cleaner Production*, 295, 126374. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2021.126374>
- Hooper E., Peters S., Pintus P.A. (2021). The impact of infrastructure investments on income inequality: Evidence from US states. *Economics of Transition and Institutional Change*, 29 (2), 227–256. DOI: <https://doi.org/10.1111/ecot.12266>
- Lindblad H., Guerrero J.R. (2020). Client's role in promoting BIM implementation and innovation in construction. *Construction Management and Economics*, 38 (5), 468–482. DOI: <https://doi.org/10.1080/01446193.2020.1716989>
- Møller J.L. et al. (2021). The competences of successful safety and health coordinators in construction projects. *Construction Management and Economics*, 39 (3), 199–211. DOI: <https://doi.org/10.1080/01446193.2020.1818800>
- Momaya K.S. (2019). The past and the future of competitiveness research: A review in an emerging context of innovation and EMNEs. *International Journal of Global Business and Competitiveness*, 14 (1), 1–10. DOI: 10.1007/s42943-019-00002-3

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Dmitrii V. Kolechkov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Federal Research Center “Komi Science Center”, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, Komi Republic, Russian Federation; e-mail: kdb1970@mail.ru)

Evgenii N. Timushev – Researcher, Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Federal Research Center “Komi Science Center”, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya Street, Syktyvkar, Komi Republic, Russian Federation; e-mail: evgeny_timushev@mail.ru)

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.15838/ptd.2022.1.117.5

УДК 332.15 | ББК 65.054

© Кириллова С.А., Атаева А.Г.

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОСОБЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОН ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОГО ТИПА В РЕГИОНАХ РОССИИ

СВЕТЛАНА АЛЕКСАНДРОВНА КИРИЛЛОВА

Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН

Уфа, Российская Федерация

e-mail: isei@anrb.ru

ORCID: [0000-0002-0622-5185](https://orcid.org/0000-0002-0622-5185); ResearcherID: [O-4905-2015](https://orcid.org/0-4905-2015)

АЙСЫЛУ ГАРИФУЛЛОВНА АТАЕВА

Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН

Уфа, Российская Федерация

e-mail: ice_lu@mail.ru

ORCID: [0000-0002-2835-0147](https://orcid.org/0000-0002-2835-0147); ResearcherID: [O-4507-2015](https://orcid.org/0-4507-2015)

Одним из эффектов пандемии явилось приоритетное развитие внутреннего туризма не только в России, но и за рубежом на ближайшую и долгосрочную перспективу. В качестве одного из инструментов развития туристской сферы, привлечения прямых инвестиций рассматриваются особые экономические зоны туристско-рекреационного типа, создающиеся для развития туризма, санаторно-курортной сферы на части территории региона, на которой действует льготный режим предпринимательской деятельности. Вместе с многочисленными плюсами создание и функционирование таких зон сопряжено с рядом проблем нормативно-правового, методологического и практического характера, ограничивающих их развитие. Несмотря на то, что создание и функционирование особых экономических зон регулируются нормативными правовыми актами Российской Федерации, ряд вопросов остается недостаточно раскрытым. Речь идет об отсутствии критериев отнесения части территории региона, формирующей свободную экономическую зону, а также «территории, прилегающей к особой экономической зоне». Достаточно высокая степень субъективизма присутствует при определении приоритетных инвестици-

Для цитирования: Кириллова С.А., Атаева А.Г. (2022). Проблемы организации особых экономических зон туристско-рекреационного типа в регионах России // Проблемы развития территории. Т. 26. № 1. С. 62–79. DOI: 10.15838/ptd.2022.1.117.5

For citation: Kirillova S.A., Ataeva A.G. (2022). Problems of organization of special economic zones of the tourist and recreational type in Russia's regions. *Problems of Territory's Development*, 26 (1), 62–79. DOI: 10.15838/ptd.2022.1.117.5

онных проектов по созданию туристской инфраструктуры в зоне, оценке экономической эффективности ее создания и др. Цель исследования состоит в формировании рекомендаций по решению проблем методологического, нормативно-правового и практического характера на примере разработки концепции создания особой экономической зоны туристско-рекреационного типа «Урал», размещающейся на территории Республики Башкортостан. Представлена степень изученности проблематики, выполнен анализ вклада туризма в социально-экономическое развитие регионов России, а также эффективности функционирования данного типа особых экономических зон. Сделан вывод о том, что учет практического опыта создания особой экономической зоны «Урал» при проектировании зон подобного типа будет способствовать их эффективному функционированию, привлечению потенциальных инвесторов и, в конечном итоге, повышению конкурентоспособности не только территорий размещения, но и региона в целом. Исследование носит прикладной характер, предложенные авторами рекомендации могут быть использованы государственными и муниципальными органами власти в качестве информационной и методологической базы при разработке конкурсных заявок на создание особых экономических зон туристско-рекреационного типа.

Особая экономическая зона, туристический кластер, туризм, рекреация, туристическая отрасль, земельный участок, резидент, инвестор, инвестиционный проект, туристская инфраструктура, обеспечивающая инфраструктура.

Благодарность

Исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-00504-21-00 на 2022 год.

Введение

На протяжении десяти лет после глобального экономического кризиса 2009 года туризм эффективно развивался. В результате число международных туристских прибытий в 2019 году составило 1,5 млрд чел. (в 1959 году 25 млн чел.). Однако в 2020 году устойчивое развитие туризма, как и многих других отраслей экономики, было прервано под влиянием пандемии COVID-19. Если в России за период 2011–2019 гг. доля отрасли в ВВП выросла с 3,0 до 3,9%¹, доля занятости в туризме от общей занятости составила 5,6%, то в 2020 году выручка 95,0% компаний туристической отрасли (большинство из которых являются субъектами малого и среднего предпринимательства) упала до нуля, загрузка коллективных средств

размещения (далее – КСР) снизилась до уровня 0–3%².

Заккрытие внешних границ, многочисленные ограничения, введенные правительствами большинства стран, обусловили приоритетное развитие внутреннего туризма, что в совокупности с повсеместной его цифровизацией становится основным трендом этой отрасли на ближайшую и долгосрочную перспективу. По оценкам экспертов, сроки восстановления сферы туризма в России составляют от 2 до 3 лет³.

Одним из наиболее значимых факторов развития внутреннего туризма, привлечения прямых инвестиций является создание особых экономических зон туристско-рекреационного типа (далее – ОЭЗ ТРТ), которые формируются для развития и оказания

¹ Статистические показатели, характеризующие развитие туристской отрасли в Российской Федерации // Федеральное агентство по туризму. URL: <https://tourism.gov.ru/contents/analytics/statistics> (дата обращения 11.09.2021).

² АСИ собрало лучшие мировые практики по поддержке туризма в условиях пандемии // Агентство стратегических инициатив. URL: <https://asi.ru/news/121744> (дата обращения 02.10.2021).

³ Влияние пандемии COVID-19 на сферу туризма в РФ. Текущая ситуация и перспективы восстановления // КПМГ. URL: <https://home.kpmg/ru/ru/home/insights/2020/12/tourism-in-russia-current-situation-and-recovery-prospects.html> (дата обращения 11.09.2021).

услуг в сфере туризма на одном или нескольких участках территорий регионов России⁴.

Исходя из этого, цель исследования – формирование рекомендаций по решению проблем методологического, нормативно-правового и практического характера на примере разработки концепции создания особой экономической зоны туристско-рекреационного типа «Урал», размещающейся на территории Республики Башкортостан (далее – ОЭЗ «Урал»). Достижение указанной цели определяет решение следующих задач: анализ эффективности функционирования ОЭЗ ТРТ; выявление основных проблем методологического, нормативно-правового и практического характера, ограничивающих создание и развитие ОЭЗ на примере разработки концепции создания и развития ОЭЗ «Урал»; оценка экономической эффективности создания ОЭЗ на примере ОЭЗ «Урал».

В настоящее время создано десять ОЭЗ ТРТ в десяти субъектах Федерации (Республике Бурятия, Алтайском крае, Иркутской и Тверской областях, в том числе в туристическом кластере, состоящем из шести ОЭЗ, в Карачаево-Черкесской, Чеченской и Кабардино-Балкарской республиках, а также республиках Ингушетии, Дагестан и Северной Осетии – Алании), при этом месторасположение ОЭЗ не всегда связано с вкладом туристической отрасли в экономику региона. Например, ОЭЗ ТРТ отсутствуют в таких туристических регионах, как Республика Крым и г. Севастополь (что связано с созданием в 2014 году свободной экономической зоны на всей территории региона), Краснодарский край и Калининградская область, тогда как в Карачаево-Черкесской, Чеченской республиках, Республике Ингушетии, Иркутской области, где вклад туризма в формирование

занятости и ВРП не столь очевиден, такие зоны созданы (табл. 1).

Сложившаяся ситуация объясняется тем, что создание ОЭЗ реализуется в рамках кластерного подхода к развитию туризма в регионах, где имеется значительный потенциал для привлечения туристов, но слабо развиты туристская и обеспечивающая инфраструктура, неудовлетворительное состояние или несформированность объектов туристской аттракции, отсутствуют в достаточном количестве квалифицированные кадры, что обуславливает недостаточно высокий уровень качества туристских услуг, несоответствие цены и качества их предоставления. Возможность реализации туристского потенциала таких территорий ограничивают также отсутствие доступных долгосрочных кредитных инструментов с низкими кредитными ставками, низкий уровень информационного обеспечения и маркетингового продвижения региона как привлекательного направления для туризма на внутреннем и мировом туристских рынках, отсутствие имиджа, бренда территории.

Созданные ОЭЗ ТРТ, согласно результатам анализа Минэкономразвития РФ, имеют разную эффективность функционирования (рис. 1), обусловленную влиянием различных факторов⁵. Так, низкие позиции в рейтинге ОЭЗ ТРТ, расположенных в Кабардино-Балкарии, Дагестане и Северной Осетии – Алании, определяются отсутствием резидентов и, соответственно, отсутствием созданных рабочих мест, инвестиций, выручки и др.

Несмотря на то, что по состоянию на 31 декабря 2020 года на территориях российских ОЭЗ ТРТ зарегистрировано 40 резидентов, создано 286 рабочих мест, объем инвестиций, в том числе капитальных вложений,

⁴ Об особых экономических зонах в Российской Федерации: Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54599 (дата обращения 01.10.2021).

⁵ Эффективность функционирования ОЭЗ ТРТ определена в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 7 июля 2016 года № 643 «О порядке оценки эффективности функционирования особых экономических зон» (с изменениями на 24 июня 2020 года). Оценка произведена по двадцати пяти абсолютным и относительным количественным показателям. Ограничением подхода являются достоверность и полнота оценки, так как данные предоставляются органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Таблица 1. Типология регионов Российской Федерации по вкладу туризма в формирование занятости и ВРП

		Доля объема платных туристских услуг в ВРП региона в 2018 году, %				
		менее 0,1	0,11–0,2	0,21–0,3	0,31–0,4	более 0,41
Доля занятых в деятельности гостиниц и предприятий общественного питания в 2018 году от общего количества занятых в регионе, %	Более 4,0			г. Севастополь	Краснодарский край	Республика Крым
	От 3,0 до 3,9	Республика Калмыкия	Астраханская область, г. Санкт-Петербург, Республика Северная Осетия – Алания		Калининградская, Томская области	
	От 2,0 до 2,9	Республики Адыгея, Ингушетия, Карачаево-Черкесия, Ленинградская, Магаданская, Новгородская, Сахалинская, Смоленская области, Республика Тыва, Тюменская область, Республика Хакасия	г. Москва, Белгородская, Воронежская области, Еврейский АО, Иркутская область, Республика Марий Эл, Московская, Самарская, Саратовская, Тульская области, республики Татарстан, Удмуртская, Ярославская область	Республика Башкортостан, Архангельская, Волгоградская, Костромская, Курская, Мурманская, Омская, Пензенская Новосибирская области, Пермский, Ставропольский, Хабаровский край	Владимирская, Кемеровская, Псковская, Орловская области, Камчатский, Приморский края, республики Алтай, Карелия, Чувашия	Амурская, Свердловская, Челябинская области, республики Бурятия, Дагестан, Кабардино-Балкария, Пермский край
	Менее 1,9	Республика Саха (Якутия)	Калужская область, Красноярский край, Липецкая, Оренбургская, Рязанская, Тамбовская области, Чеченская Республика, Чукотский АО	Алтайский, Забайкальский края, Брянская, Кировская, Ростовская, Ульяновская области, Республики Коми, Мордовия	Тверская, Вологодская области	Нижегородская, Ивановская, Курганская области

Составлено по: данные Росстата.

осуществленных резидентами за 2020 год, составил 578,69 млн руб.⁶, объем федеральных инвестиций на создание объектов инженерной, транспортной, социальной, инновационной и иной инфраструктуры – 134,03 млн руб., ОЭЗ ТРТ демонстрируют достаточно низкие экономические показатели функционирования, уровень которых в среднем ниже, чем у ОЭЗ других типов.

Так, по оценке Счетной палаты РФ, с 2014 года на создание и функционирование ОЭЗ израсходовано 157 млрд руб. из бюджетов различных уровней. Высокую эффективность за это время показали лишь пять ОЭЗ, являющихся зонами промышленно-производственного и высокотехнологичного типа. Объем инвестиций в ОЭЗ ТРТ достаточно небольшой и по состоянию на январь 2019

⁶ Данные представлены без учета туристского кластера.

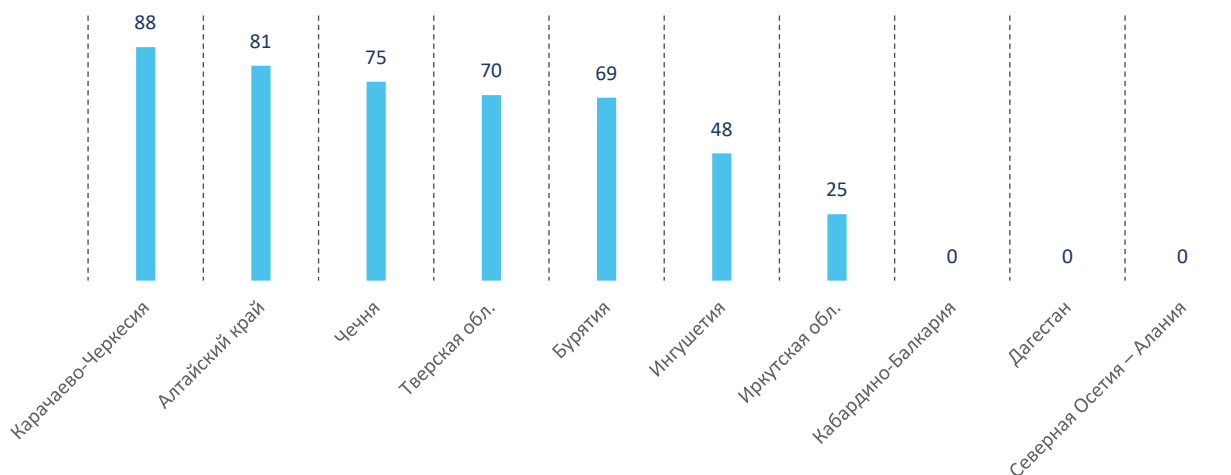

Рис. 1. Сводный показатель эффективности функционирования ОЭЗ ТРТ России с начала функционирования до 2020 года, %

Источник: Отчет о результатах функционирования особых экономических зон за 2020 год и за период с начала функционирования особых экономических зон. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/d81684a2b470ab010eac0c0149dca363/Otchet_oez_2020.pdf

года равнялся лишь 0,6% от общего объема инвестиций⁷.

Существуют и экспертные оценки эффективности функционирования российских ОЭЗ. По итогам IV Национального рейтинга особых экономических зон России, сформированного Ассоциацией кластеров, технопарков и ОЭЗ России в 2020 году, в рейтинг вошло 16 ОЭЗ из 13 регионов России, но ни одной ОЭЗ ТРТ в нем не представлено.

Таким образом, создание ОЭЗ ТРТ является перспективным видом государственной поддержки развития внутреннего туризма, который может способствовать решению многих экономических и социальных проблем территорий размещения, способствуя как привлечению значительных инвестиций в бюджет ОЭЗ и финансовых поступлений в виде налогов в различные уровни бюджетной системы, так и созданию новых рабочих мест. При этом формирование и функционирование ОЭЗ данного типа сопряжено с рядом проблем нормативно-правового, методологического и практического характера. Во многом они связаны с определением территориального состава и границ ОЭЗ ТРТ, просчетами в оценке экономико-географических факторов и уче-

та их влияния, отсутствием эффективных стратегий развития и соответствующей законодательной базы на региональном и местном уровнях, несовершенством организации межмуниципального сотрудничества и отсутствием эффективного взаимодействия между органами власти различных уровней.

Кроме того, зачастую проблемы возникают вследствие отведения под ОЭЗ значительных по площади территорий, различных по уровню социально-экономического и инфраструктурного развития, что снижает эффективность управления, тем самым обуславливая низкую эффективность их функционирования. Важной проблемой является и привлечение якорных или ключевых инвесторов, что обусловлено низким уровнем доверия инвесторов региональным и федеральным органам власти, а также большим количеством бюрократических препятствий.

Наличие вышеуказанных и других проблем, в особенности тех, которые возникают на этапе подготовки конкурсной заявки, требует поиска объективных решений, способствующих повышению эффективности создания и функционирования таких зон.

⁷ Счетная палата Российской Федерации не увидела прорывного влияния преференциальных режимов на экономику России // Счетная палата РФ. URL: <https://ach.gov.ru/checks/sp-ne-uidela-proryvnogo-vliyaniya-preferentsialnykh-rezhimov-na-ekonomiku-rossii> (дата обращения 11.11.2021).

Для решения поставленных в статье задач использовались общенаучные методы – системный подход, метод структурно-генетического анализа и синтеза, табличные и графические методы визуализации результатов исследования. Базовым методом исследования проблем, возникающих при создании ОЭЗ ТРТ, являлся метод структурно-генетического анализа и синтеза, посредством которого из множества частных проблем, возникших в процессе формирования концепции создания ОЭЗ, отобран ряд ключевых, имеющих определяющее влияние на все другие стороны объекта исследования. В результате выделено и связано со структурой конкурсной заявки на создание ОЭЗ согласно приказу Минэкономразвития РФ от 19 июля 2012 года № 439 «Об утверждении порядка оформления и подачи заявки на создание особой экономической зоны, в том числе перечня документов, прилагающихся к заявке» пять блоков ключевых проблем:

– *определение земельных участков в пределах ОЭЗ, а также прилегающей к ним территории*; сюда включаются вопросы, связанные с документами по перечню, определению местоположения границ земельных участков ОЭЗ, письменным согласием собственников (арендаторов, землепользователей, землевладельцев) на включение земельных участков в границы ОЭЗ, согласием собственников объектов недвижимости на включение их в границы ОЭЗ, выписками из ЕГРН);

– *низкая степень ответственности административных муниципальных образований и уровня межмуниципального взаимодействия*, выражающаяся в отсутствии оперативного предоставления необходимой для разработки заявки информации, в том числе схем территориального планирования, определения перечня объектов инфраструктуры (инженерной, транспортной, инновационной, социальной и др.), имеющих либо планируемых к созданию на территории ОЭЗ, а также на прилегающих к ней территориях, отсутствии портфеля инвестиционных проектов по развитию туристской инфраструктуры, отсутствию заинтересованности

в разработке единой концепции создания и развития зоны, формирования межмуниципальных объектов туристской и обеспечивающей инфраструктуры;

– *привлечение ключевых резидентов и потенциальных инвесторов*, связанное с продолжительным сроком окупаемости инвестиционных проектов, реализуемых в сфере туризма, отсутствием доступных долгосрочных кредитов, а также низкой степенью доверия субъектов малого и среднего предпринимательства органам государственной власти;

– *определение приоритетных инвестиционных проектов по созданию туристской инфраструктуры ОЭЗ*, обусловленное отсутствием портфеля инвестиционных проектов необходимого профиля либо весьма ограниченным их количеством, низким качеством разработки;

– *оценка экономической эффективности создания ОЭЗ*, связанная с высокой степенью неопределенности формирующих и воздействующих факторов, наличием различного рода рисков.

Данный подход к выделению групп проблем, возникающих при создании ОЭЗ, не является универсальным и исчерпывающим, а логически следует из практического опыта авторов по разработке концепции создания и развития ОЭЗ ТРТ «Урал». Тем не менее, с нашей точки зрения, он может быть применен при разработке конкурсных заявок на создание ОЭЗ ТРТ в любом другом регионе России.

Степень изученности тематики

Вклад туристической отрасли в региональную экономику является объектом множества исследований как в России, так и за рубежом. Среди них можно выделить отдельную группу, связанную с разработкой эконометрических моделей влияния туризма на рост экономики (ВВП на душу населения, вклад в ВВП и др.) (Výrostová et al., 2021; Antonakakis et al., 2015; Balaguer, Cantavella-Jordá, 2002; Ветитнев, Торгашева, 2013; Караулова, 2015; Колесникова, Крутик, 2013; Савельев, Толстогузов, 2008; Скорописова, Скорописов, 2013; Гомилевская, Сергиенко, 2014).

Большой пласт исследований касается анализа влияния пандемии COVID-19 на туристическую отрасль (Li et al., 2021; Fotiadis et al., 2021; Gössling et al., 2020; Zamora, 2021). Значительное количество работ посвящено кластерной модели развития туризма. В отечественных исследованиях представлена характеристика отдельных ОЭЗ ТРТ с позиции анализа опыта их функционирования либо вклада в социально-экономическое развитие конкретного региона. Например, рассмотрена подготовительная деятельность Правительства Ставропольского края по развитию ОЭЗ ТРТ «Гранд Спа Юца», заключающаяся в проработке вопросов внешней инфраструктуры, постановки на кадастровый учет всех земельных участков (Трухачев, Селеванова, 2014), оценен мультипликативный эффект от создания инфраструктуры в ОЭЗ ТРТ «Ворота Байкала» и «Байкальская Гавань» по методике Марка Занди (Бубаева, 2011), определены проблемы проектирования ОЭЗ ТРТ, экономические и социальные эффекты для Ставропольского края от отдельных проектов развития ОЭЗ (Кольчугина, 2011).

В ряде исследований отмечена ключевая роль туризма в возрождении экономики региона (Kim, Kim, 2021; Ускова и др., 2016), в других рассматриваются вопросы умной специализации туристической отрасли (Biagi et al., 2020) с точки зрения максимизации ее вклада в региональное развитие. Ряд работ посвящен анализу опыта функционирования особых экономических зон (далее – ОЭЗ) в различных странах мира: развитых промышленных (США, Англия, Япония, Германия) и развивающихся (Шри-Ланка, Гватемала и др.) (Кравченко, Горячих, 2017).

Несмотря на наличие отечественных исследований отдельных ОЭЗ ТРТ (Трухачев, Селеванова, 2014; Бубаева, 2011; Кольчугина, 2011; Мальцев, Вязовская, 2012), практически отсутствуют работы по методологическим аспектам и проблемам формирования ОЭЗ ТРТ, труды, связанные с анализом административных и иных проблем формирования заявок на организацию ОЭЗ в регионах России, хотя уже на этом этапе возникает

множество вопросов, от верного решения которых зависит эффективное функционирование создаваемых зон. В представленных исследованиях, как правило, рассматриваются различные аспекты оценки эффективности функционирования ОЭЗ (Тихонович, Жемерикина, 2015). Среди работ, где сделана попытка методологически оформить развитие ОЭЗ, можно выделить статью М.А. Рыльской, П.В. Павлова. В ней в рамках концептуальной модели раскрываются вопросы определения «целей и принципов создания ОЭЗ в России, территориальной дислокации ОЭЗ, развития инфраструктуры ОЭЗ, контроля за доступом в ОЭЗ, организации хозяйственно-экономической деятельности в ОЭЗ» (Рыльская, Павлов, 2015).

Основные проблемы проектирования особой экономической зоны туристско-рекреационного типа (на примере Республики Башкортостан)

Решением Правительства Республики Башкортостан ОЭЗ ТРТ «Урал» запланирована к созданию на территориях Абзелиловского, Белорецкого, Бурзянского и Учалинского муниципальных районов. В них сконцентрировано значительное количество объектов туристской аттракции, они обладают достаточно развитой туристской инфраструктурой, высоким туристско-рекреационным потенциалом, поэтому формируют привлекательную для развития внутреннего и въездного туризма территорию. В числе конкурентных преимуществ для развития туризма – относительная близость к крупным городам России (в радиусе 300 км находятся города-миллионники Уфа и Челябинск, а также г. Стерлитамак, в радиусе 200 км – города Миасс и Сатка Челябинской области, г. Сибай Республики Башкортостан, в радиусе 100 км – г. Магнитогорск Челябинской области, непосредственно на территории районов расположены города Белорецк и Учалы).

Проблема определения земельных участков в пределах ОЭЗ, а также прилегающей к ним территории

Данная проблема, по нашему мнению, является ключевой в перечне вышеуказанных и состоит в наличии недостатков нор-

мативного регулирования вопросов, связанных с территорией ОЭЗ и прилегающих к ней территорий. Вопросы, касающиеся территории ОЭЗ, регулируются Федеральным законом от 22 июля 2005 года № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» (далее – ФЗ-116). Согласно ему особые экономические зоны туристско-рекреационного типа создаются на одном или нескольких участках территории. Однако определение категорий «участок территории», «прилегающая территория» в ФЗ-116 отсутствует, как и критериев отнесения земель к ней, а также способа определения ее границ. В ст. 4 ФЗ-116 есть лишь указание на то, что «особая экономическая зона может располагаться на территории одного или нескольких муниципальных образований в пределах территории одного или нескольких субъектов Российской Федерации» (при этом не допускается создание ОЭЗ в зоне территориального развития). В отличие от других видов ОЭЗ (промышленно-производственных, технико-внедренческих, портовых) требования к площади территории ОЭЗ ТРТ в ФЗ-116 не предъявляются. Что касается площади прилегающей к ОЭЗ территории, то в ФЗ-116 лишь указано, что ее размер не может превышать площадь территории ОЭЗ.

Небольшую ясность вносит ст. 5 ФЗ-116: особые экономические зоны могут создаваться на «земельных участках», что, по крайней мере, определяет территориальную единицу ОЭЗ. Согласно ст. 6 Земельного кодекса РФ⁸ «земельный участок является недвижимой вещью, которая представляет собой часть земной поверхности и имеет характеристики, позволяющие определить ее в качестве индивидуально определенной вещи», эти характеристики отражаются в документах государственной регистрации. В совокупности можно установить, что границы ОЭЗ должны определяться по границам земельных участков на территории одного или нескольких муниципальных образова-

ний или регионов, при этом площадь может быть любой.

На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что действующее законодательство об ОЭЗ ТРТ, в том числе Земельный кодекс РФ, не содержит указания на метод определения границ ни территории самой зоны, ни прилегающей к ОЭЗ территории, как и на необходимость наличия общей границы зоны и прилегающей к ней территории.

Отсутствие единого подхода в определении участков, формирующих ОЭЗ ТРТ и прилегающие к ней территории, указания на максимальную площадь ОЭЗ, количества земельных участков, входящих в нее, и непонимание разницы между «территорией ОЭЗ ТРТ» и «прилегающей территорией» порождают ряд значимых проблем, связанных с субъективным восприятием того, какую территорию целесообразно включать в ОЭЗ. Так, одни муниципалитеты планируют под ОЭЗ значительные площади своей территории, другие предпочитают включать перспективные для развития туризма территории в иные проекты (например, туристско-рекреационные кластеры либо развивать туристские объекты под эгидой администрации муниципального района). Некоторые муниципалитеты определяют несколько компактных земельных участков ОЭЗ на одной территории с общими границами, другие выбирают несколько (либо значительное количество) земельных участков, разбросанных по всей территории муниципального образования.

Например, в ОЭЗ ТРТ «Урал» вошли 30 земельных участков площадью от 0,4 до 33,2 га (рис. 2, табл. 2). Участки, формирующие прилегающие территории, были определены с позиций необходимости размещения на них объектов инженерной инфраструктуры, а также возможности перспективного включения в общую территорию зоны.

Зачастую при определении земельных участков органы местного самоуправления

⁸ Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773 (дата обращения 01.11.2021).

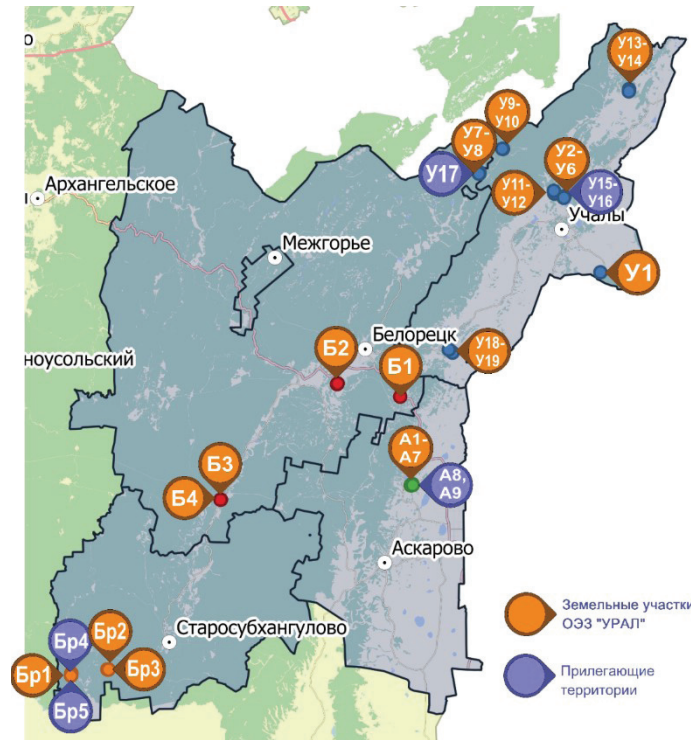

Рис. 2. Карта земельных участков и прилегающей территории ООО «Урал»

Источник: составлено авторами.

Таблица 2. Географическое положение земельных участков ООО «Урал» и туристская инфраструктура этих территорий

	Кол-во ЗУ ООО «Урал»	Ближайшие природные объекты	Имеющаяся на земельных участках туристская инфраструктура	Площадь, га
Абзелиловский район	A1-A7	Природный парк «Крыкты», оз. Якты-Куль, горы Южного Урала	Санаторий «Якты-Куль», ГЛЦ «Банное», базы отдыха, гостиницы	48,08
	A8-A9, ПТ		Гидротехнические сооружения	6,00
Белорецкий район	B1	Южноуральский хребет Крыкты-Тау	ГЛЦ «Абзаково», аквапарк, зоопарк	19,20
	B2	Урочище Арский камень, памятник природы	Белорецкая база отдыха «Арский камень», туристические стоянки	11,01
	B3-B4	Родник «Сажелка», Свято-Никольский храм	Турбаза «Тенгри», турбаза «Агидель»	3,34
Бурзянский район	Br1	Пещера, ИКП «Шульган-Таш», Колодная пасека	Туристические маршруты, пасеки, учебное пчеловодство	11,14
	Br2-Br3	Пещера «Сказка», ИКП «Шульган-Таш»	Стоянка катамаранов, туристические маршруты, пасеки	20,77
	Br4-Br5 ПТ	Пещера, ИКП «Шульган-Таш», Колодная пасека	Туристический комплекс: эко-деревня «АГАТ», пчеловодство	2,83
Учалинский район	У1	Ахуновские менгиры	Музей-заповедник, туристические маршруты	8,00
	У2-У6	Озеро Унгур	Детский оздоровительный лагерь, гостевой дом	9,00
	У7-У8	Гора Иремель	База отдыха, Горный приют	2,43
	У9-У10	Природный парк «Иремель»	Строительство туристической базы	5,20
	У11-У12	Озеро Калкан, Чубтекуль	Рыбалка, палаточный отдых	2,74
	У13-У14	Озеро Аушкуль, гора Ауштау, святой источник «Аулия»	Места паломничества, палаточный отдых	39,27
	У15-У16	Озеро Узункуль	Рыбалка, палаточный отдых	35,34
	У17-У18, ПТ	Озеро Унгур	Детский оздоровительный лагерь, гостевой дом	0,75
	У19, ПТ	Гора Иремель	База отдыха, Горный приют	5,68
ИТОГО земельные участки ООО «Урал»			2156051 кв. м, или 215,61 га	
ИТОГО земельные участки ООО «Урал» с прилегающей территорией			2308726 кв. м, или 230,87 га	
Обозначения: ЗУ – земельные участки; ПТ – прилегающие территории; ГЛЦ – горнолыжный центр.				
Источник: составлено авторами.				

не учитывают их форму собственности. Так, например, 24 земельных участка (77,5% площади территории) ОЗ «Урал» относятся к муниципальной собственности. Однако на территории зоны присутствуют два участка общей площадью 14,67 га, на которые оформлены права собственности (частная), не отраженные в государственном кадастре недвижимости. Также зона включает два участка площадью 3,34 га, находящихся в неразграниченной государственной собственности. В дальнейшем при регистрации земельных участков в ОЭЗ и предоставлении резидентам необходимо будет оформить их соответствующим образом.

Географически земельные участки ОЭЗ «Урал» распределены по территории четырех муниципальных районов и по большей части располагаются на вытянутом поясе длиной 265 км от юго-запада Бурзянского района до северо-запада Учалинского района. Фактически – это огромная территория, включающая практически четверть территории Республики Башкортостан. В Абзелиловском и Бурзянском районах земельные участки располагаются относительно компактно, в Белорецком и Учалинском – на значительном удалении друг от друга. Большое количество земельных участков и их отдаленность друг от друга в дальнейшем усложнят как инфраструктурное оформление ОЭЗ «Урал», так и управление ею.

Проблемы межмуниципального взаимодействия при определении границ и выборе инвестиционных проектов на территории ОЭЗ

Проблема межмуниципального взаимодействия – одна из ключевых проблем, которая возникает при разработке проектов на территории нескольких муниципалитетов. Отчасти она связана с тем, что Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» не содержит термин «вопросы местного значения межмуниципального характера» и не регулирует порядок их решения. «Это создает проблемы в разграничении полномочий и как следствие –

затрудняет решение вопросов финансирования в рамках межмуниципального сотрудничества», что обуславливает отсутствие опыта совместного решения общих проблем и невидение перспектив межмуниципального взаимодействия при создании ОЭЗ⁹. Органы местного самоуправления посредством реализации проекта по созданию ОЭЗ пытаются решить проблемы исключительно собственного муниципального образования, а не развития туризма на всей территории особой зоны.

При разработке концепции создания и развития ОЭЗ «Урал» данная проблема особенно остро проявилась при определении перечня объектов обеспечивающей инфраструктуры. С одной стороны, поскольку ОЭЗ должна разместиться на территории четырех муниципальных образований, общая площадь которых составляет практически 25% территории Республики Башкортостан, и для включения в состав зоны выбирается большое количество земельных участков, разбросанных на значительном удалении друг от друга, это обуславливает необходимость финансирования дополнительной инженерной и транспортной инфраструктуры. Ее создание выступает прерогативой всех уровней бюджетной системы и составляет основную статью расходов местного и регионального бюджетов при создании ОЭЗ.

С другой стороны, именно наличие обеспечивающей инфраструктуры является важным фактором не только туристской привлекательности, обеспечивающим создание высококачественного и конкурентоспособного комплексного туристского продукта с предоставлением туристских услуг на уровне мировых стандартов, но и привлекательности территории для резидентов ОЭЗ, в особенности для ОЭЗ туристско-рекреационного типа. Так, по мнению экспертов, «строительство инфраструктуры за счет средств бюджетов всех уровней позволит снизить издержки резидентов на 8–12%, а концентрация производства позволит избежать дополнительных расходов в размере

⁹ Материалы к заседанию Совета Федерации Российской Федерации на тему «Межмуниципальное сотрудничество: эффективные практики, проблемы и перспективы развития». М., 2020. С. 24.

3–7% от стоимости инвестиционных проектов» (Чернова, 2007).

С учетом того, что проблема инфраструктурного обеспечения связана с проблемой межмуниципального взаимодействия, формирование стратегических решений по инфраструктурному обеспечению ОЭЗ ТРТ вступает в противоречие с текущими выгодами и интересами органов местного самоуправления. Например, в ОЭЗ «Урал» все четыре района различаются по площади, природно-климатическим и рельефным особенностям. Различия проявляются в размерах земельных участков, находящихся в муниципальных образованиях и планируемых для включения в ОЭЗ (например, 31,9 га в Бурзянском районе и 102,0 га в Учалинском районе), количестве и качестве рекреационных ресурсов (более 90% туристических маршрутов проходят по территории Белорецкого района), уровне развития туристской и обеспечивающей инфраструктуры, сложившейся системе управления, социально-экономических условиях развития территорий и др.

Так, в Белорецком районе с учетом выбранных для вхождения в ОЭЗ земельных участков предполагается строительство участка автомобильной дороги местного значения и подъездного пути к детскому комплексу с организацией их освещения, а также бурение резервной скважины. Соответственно, расходы на создание обеспечивающей инфраструктуры в Белорецком районе составляют лишь 0,7% от общих расходов на ОЭЗ и полностью финансируются из местного бюджета. Тогда как в Абзелиловском районе запланированы строительство и реконструкция дорог протяженностью более 50 км, строительство газопровода, прокладка 4,3 км линий электро-снабжения, строительство системы водоотведения и четвертой очереди биологических очистных сооружений. Общий объем инвестиций может составить почти 1,5 млрд руб., преимущественно за счет средств федерального бюджета, то есть более 50% всех расходов на инфраструктуру ОЭЗ. Безусловно, это связано с уровнем развития инфраструктуры на конкретных земельных участках, пла-

нируемых к включению в ОЭЗ, тем не менее, такая ситуация демотивирует органы местного самоуправления Белорецкого района к участию в ОЭЗ «Урал».

Проблемы определения ключевых резидентов и потенциальных инвесторов

На этапе проектирования ОЭЗ принципиальным является наличие достоверной информации о ключевых резидентах и потенциальных инвесторах, планирующих развитие туризма с созданием объектов туристской инфраструктуры на определенных участках территории зоны. В ином случае после создания ОЭЗ ТРТ возникают проблемы поиска инвесторов для части земельных участков, в отношении которых на этапе проектирования отсутствует закрепление за конкретным инвестором. Кроме того, могут возникнуть риски отказа инвесторов, ранее высказавших готовность принять участие в проекте, от инвестиций в создание объектов туристской инфраструктуры или риски досрочного прекращения существования зоны, если в течение трех лет подряд ее резиденты не осуществляют туристско-рекреационную деятельность (116-ФЗ, ст. 6, п. 7).

Так, при проектировании ОЭЗ «Урал» потенциальные инвесторы были определены для 14 из 30 земельных участков: ПАО «Магнитогорский металлургический комбинат», ООО «Нотера», ООО «Ямар», МБУ «Отдых» г. Магнитогорска, ООО «Анир», ИП Курко Е.А., ООО Белорецкая база отдыха «Арский камень», ООО «Урал-Тенгри», ИП Рахматуллин Н.З. Якорные резиденты на этапе проектирования отсутствовали. В целях нивелирования рисков отказа потенциальных инвесторов от участия в создании и развитии ОЭЗ «Урал» с ними могут быть заключены «соглашения о намерениях», которые отражают их задокументированную инвестиционную заинтересованность в создании зоны.

Следует добавить, что в рамках контроля выполнения соглашения о создании особой экономической зоны органами управления ОЭЗ не реже чем один раз в квартал в печатных и электронных средствах массовой информации, определяемых уполномоченным

Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти, публикуются сведения о наличии земельных участков, государственного и (или) муниципального имущества, расположенных в границах особой экономической зоны и не сданных в аренду (116-ФЗ, ст. 8, п. 5.1). Это также должно способствовать активной работе управляющей компании по привлечению инвесторов и, тем самым, повышению эффективности функционирования зоны.

Проблемы определения приоритетных инвестиционных проектов по созданию туристской инфраструктуры ОЭЗ

Проблема поиска якорных резидентов и потенциальных инвесторов взаимосвязана с проблемой определения приоритетных инвестиционных проектов, их масштабы, креативности, качества разработки и нацеленности на конечный результат. Так, у двоих из девяти отобранных потенциальных инвесторов ОЭЗ «Урал» отсутствовали не только реальные инвестиционные проекты, но и формально оформленные идеи для инвестирования. Во многом это связано с различной эффективностью работы органов местного самоуправления на территориях размещения ОЭЗ, результатом которой является наличие или отсутствие портфеля инвестиционных проектов, в данном случае ориентированных на развитие туристской сферы. Например, в Абзелиловском районе на всех семи земельных участках ОЭЗ «Урал» запланировано строительство туристических объектов с конкретными инвесторами и инвестиционными проектами (строительство двух гостиничных комплексов и агропарка), тогда как в Учалинском районе на 16 земельных участках планируется создать туристические объекты, но и потенциальные инвесторы, и инвестиционные проекты для них отсутствуют.

Проблемы оценки экономической эффективности создания ОЭЗ

Отсутствие качественно проработанных инвестиционных проектов, а также нестабильность и вероятностный характер трансформации макро- и микроэкономической среды, обуславливающие необходимость принятия решений в условиях неопреде-

ленности, влекут за собой низкую точность оценки экономической эффективности создания и развития ОЭЗ, искажение прогнозных значений ее функционирования. В целях повышения точности оценки, а также объективности выбора планируемых к созданию объектов туристской, инженерной и транспортной инфраструктуры, обеспечивающих достижение поставленных целевых установок развития зоны, представляется целесообразным вести расчеты методами математического моделирования путем решения многокритериальной задачи с использованием аппарата теории нечетких множеств, позволяющего формализовать и включить в состав модели различные допущения, принимаемые при разработке алгоритма решения поставленной задачи. Расчеты велись на основе сценарного планирования – инструмента стратегического планирования на среднюю и долгосрочную перспективу в неопределенных условиях, позволяющего в значительной степени сократить имеющуюся неопределенность и охватывающего временной горизонт 2020–2030 гг., в пространственных границах Абзелиловского, Белорецкого, Бурзянского и Учалинского районов Республики Башкортостан в мультипроектной среде, для набора монопроектов по планируемым к строительству объектов туристской и обеспечивающей инфраструктуры, ориентированных на достижение единых целей – создание и эффективное функционирование ОЭЗ «Урал».

Оценка экономической эффективности создания ОЭЗ «Урал», выполненная с учетом вышеуказанных позиций, позволила сформировать перечень объектов туристской и обеспечивающей инфраструктуры для получения следующих прогнозно-плановых показателей эффективности функционирования ОЭЗ на десятилетний период: чистая приведенная стоимость проекта – 237,983 млн руб., индекс доходности – 27%; срок окупаемости – 9 лет; внутренняя норма доходности – 11,37%.

Показатели эффективности реализации проекта, детализированные по годам, а также целевые индикаторы достижения его окупаемости представлены в табл. 3, 4.

Таблица 3. Показатели эффективности реализации проекта создания и развития ОЭЗ «Урал»

Показатель	Год									
	2021	2022	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030
Количество резидентов ОЭЗ, ед.	5	3	2	1	1	2	1	1	2	1
Количество новых и сохраненных рабочих мест, созданных резидентами ОЭЗ, ед.	145	112	65	124	76	135	126	115	91	104
Объем инвестиций, осуществленных резидентами на территории ОЭЗ, млн руб.	230,0	431,5	510,5	648,0	382,5	465,0	385,0	0,0	0,0	0,0
Объем выручки от продажи товаров, работ, услуг за вычетом НДС, млн руб.	133,7	138,2	150,4	157,1	581,4	948,9	948,9	948,9	948,9	948,9
Объем средств федерального бюджета, бюджета РБ и местных бюджетов, направленных на финансирование создания объектов инфраструктуры ОЭЗ, млн руб.	18,8	0,2	157,5	497,8	667,1	599,7	431,2	289,7	7,0	0,0
Объем налогов, уплаченных резидентами ОЭЗ в бюджеты всех уровней бюджетной системы РФ, млн руб.	28,1	29,3	32,1	38,0	124,2	204,9	204,9	211,3	211,3	251,1
Источник: составлено авторами.										

Таблица 4. Целевые ориентиры, необходимые для достижения окупаемости проекта создания и развития ОЭЗ «Урал»

Показатель	Год									
	2021	2022	2023	2024	2025	2026	2027	2028	2029	2030
Бурзянский район										
Общая сумма расходов посетителей в поездке, млн руб.	0,0	0,0	0,0	0,0	284,2	284,2	284,2	284,2	284,2	284,2
Кол-во ночевков, тыс. ед. / год	0	0	0	0	104,7	104,7	104,7	104,7	104,7	104,7
Белорецкий район										
Общая сумма расходов посетителей в поездке, млн руб.	160,5	165,8	180,5	188,6	188,6	188,6	188,6	188,6	188,6	188,6
Кол-во ночевков, тыс. ед. / год	192,6	192,6	199,1	284,3	391,6	391,6	391,6	391,6	391,6	391,6
Абзелиловский район										
Общая сумма расходов посетителей в поездке, млн руб.	0,0	0,0	0,0	0,0	183,0	365,9	365,9	404,0	404,0	404,0
Кол-во ночевков, тыс. ед. / год	0	0	0	0	191,6	383,3	383,3	646,7	646,7	646,7
Учалинский район										
Общая сумма расходов посетителей в поездке, млн руб.	0,0	0,0	0,0	0,0	42,0	300,0	300,0	300,0	300,0	300,0
Кол-во ночевков, тыс. ед. / год	0	0	0	0	19,7	100,3	100,3	100,3	100,3	100,3
Всего по ОЭЗ «Урал»										
Общая сумма расходов посетителей в поездке, млн руб.	160,5	165,8	180,5	188,6	697,7	1138,7	1138,7	1176,8	1176,8	1176,8
Кол-во ночевков, тыс. ед. / год	192,6	192,6	199,1	284,3	707,6	979,8	979,8	1243,3	1243,3	1243,3
Источник: составлено авторами.										

Заключение

На основании вышесказанного можно сделать следующие выводы.

Проектирование ОЭЗ ТРТ целесообразно осуществлять на компактной территории

одного-двух муниципальных образований, обладающих высоким туристско-рекреационным потенциалом с включением в состав ОЭЗ наиболее перспективных с точки зрения развития туризма земельных участ-

ков. Это позволит сконцентрировать на ней различного вида ресурсы, снизить издержки на инфраструктурное развитие, обеспечив адекватный уровень управления и высокую эффективность функционирования особой зоны в долгосрочной перспективе. Кроме того, на этапе проектирования зоны не стоит преследовать цель максимально полного включения значительного количества участков. Более рационально предусмотреть возможность ее перспективного расширения за счет прилегающих территорий.

С учетом того, что действующее законодательство не содержит инструкций относительно способа определения границ прилегающих к ОЭЗ ТРТ территорий, необходимости наличия общих с территорией ОЭЗ границ, а также их максимальной площади, требуется совершенствовать нормативно-правовое обеспечение, регулирующее вышеуказанные недостатки.

В целях достижения баланса интересов всех муниципалитетов, на территории которых создается ОЭЗ, необходима разработка единого подхода к формированию обеспечивающей инфраструктуры. Для оптимизации затрат на создание обеспечивающей инфраструктуры целесообразно задействовать площади с имеющимся инфраструктурным обеспечением, требующим лишь определенной донстройки недостающими элементами. Использование данного критерия при формировании ОЭЗ ТРТ облегчит задачу выбора подходящих земельных участков и позволит сэкономить бюджетные инвестиции, повышая бюджетную и финансовую эффективность ее создания и развития.

Привлечение якорных резидентов и потенциальных инвесторов требует разработки органами управления ОЭЗ целого комплекса мер, включающих применение механизмов государственной поддержки, анализ лучших практик, своевременную подготов-

ку на территориях, планируемых под создание ОЭЗ, концептуально и инфраструктурно оформленных инвестиционных площадок, организацию широких рекламных кампаний в России и за рубежом, направленных на популяризацию ОЭЗ как перспективного места развития туризма.

Необходимо мотивировать органы местного самоуправления для ведения постоянной целенаправленной работы по формированию портфеля инвестиционных проектов соответствующего профиля.

Целесообразно проводить оценку эффективности создания и развития ОЭЗ на основе сценарного планирования в мультипроектной среде как инструмента стратегического планирования, позволяющего в значительной степени нивелировать имеющиеся риски и неопределенность.

Научная новизна результатов исследования состоит в выявлении институциональных, организационных, проектно-инструментальных ограничений создания ОЭЗ на различных этапах формирования конкурсной заявки. Практическая значимость исследования определяется возможностью применения полученных результатов в практической деятельности государственными и муниципальными органами власти в качестве информационной и методологической базы при разработке конкурсных заявок на создание ОЭЗ ТРТ.

В целом эффективное взаимодействие органов местного самоуправления, региональных и федеральных органов исполнительной власти, наличие развитой туристской и обеспечивающей инфраструктуры, совершенствование нормативных правовых актов создания ОЭЗ ТРТ будут способствовать эффективному функционированию зон, привлечению потенциальных инвесторов и, в конечном итоге, повышению конкурентоспособности не только территорий размещения, но и всего региона.

ЛИТЕРАТУРА

- Бубаева Т.Ю. (2011). Особая экономическая зона туристско-рекреационного типа как фактор социально-экономического развития Республики Бурятия // *Стратегия устойчивого развития регионов России*. № 5. С. 241–244.
- Ветитнев А.М., Торгашева А.А. (2013). Определение влияния лечебно-оздоровительного туризма на экономику региона // *Проблемы современной экономики*. № 4 (48). С. 352–355.
- Гомилевская А.А., Сергиенко Ю.Ю. (2014). Анализ методических подходов оценки вклада туризма в экономику региона (на примере приморского края) // *Современные проблемы науки и образования*. № 6. С. 1–11.
- Караулова Н.М. (2015). Мультипликативное воздействие въездного туризма на экономику принимающей страны // *Вестн. ассоциации вузов туризма и сервиса*. Т. 9. № 4. С. 76–81.
- Колесникова Ю.Ю., Крутик А.Б. (2013). Оценка мультипликативного эффекта туризма и развитие венчурного предпринимательства // *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки*. № 5 (180). С. 182–187.
- Кольчугина Т.А. (2011). Особые экономические зоны туристско-рекреационного типа в Ставропольском крае: задачи и проблемы функционирования и развития // *Современные проблемы сервиса и туризма*. № 1. С. 45–51.
- Кравченко Л.А., Горячих М.В. (2017). Особые экономические зоны: зарубежный опыт и перспективы функционирования в России // *Вестн. ТвГУ. Сер.: Экономика и управление*. № 4. С. 7–13.
- Мальцев А.А., Вязовская В.В. (2012). Туристско-рекреационные особые экономические зоны как фактор развития экономики региона // *Изв. Урал. гос. экон. ун-та*. № 1 (39). С. 105–110.
- Рыльская М.А., Павлов П.В. (2015). Концептуальная модель развития особых экономических зон на территории Российской Федерации // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. Т. 11. № 11 (296). С. 2–15.
- Скорописова Л.И., Скорописов М.Г. (2013). Усовершенствование расчета мультипликатора туризма // *Современные фундаментальные и прикладные исследования*. Т. 2. № 1 (8). С. 136–142.
- Тихонович Э.А., Жемерикина Е.Б. (2015). Методология анализа экономических эффектов функционирования особых экономических зон // *Теория и практика современной науки*. № 6 (6). С. 1474–1479.
- Трухачев А.В., Селеванова Е.В. (2014). Состояние и перспективы развития особой экономической зоны туристско-рекреационного типа в Ставропольском крае // *Гуманитарные и социально-экономические науки*. № 5 (78). С. 141–145.
- Ускова Т.В., Егоров В.К., Леонидова Е.Г. (2016). Туризм в Российской Федерации: возможности для импортозамещения // *Проблемы развития территории*. № 4 (84). С. 32–46.
- Савельев Ю.В., Толстогузов О.В. (ред.) (2008). *Управление развитием туризма в регионе. Опыт реализации Стратегии Республики Карелии*. Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН. 141 с.
- Чернова С.А. (2007). Проблемы развития особых экономических зон Российской Федерации с позиций формирования общего экономического пространства (ОЭП) с участием России // *Проблемы управления сферой науки и инноваций*. № 2. С. 384–396.
- Antonakakis N., Dragouni M., Filis G. (2015). How strong is the linkage between tourism and economic growth in Europe? *Economic Modelling*, 44, 142–155. DOI: 10.1016/j.econmod.2014.10.018
- Balaguer J., Cantavella-Jordá M. (2002). Tourism as a long-run economic growth factor: The Spanish case. *Applied Economics*, 34 (7), 877–884. DOI: 10.1080/00036840110058923
- Biagi B., Brandano M.G., Ortega-Argiles R. (2021). Smart specialisation and tourism: Understanding the priority choices in EU regions. *Socio-Economic Planning Sciences*, 74, 100883. DOI: 10.1016/j.seps.2020.100883

- Fotiadis A., Polyzos S., Huan T.-C.T.C. (2021). The good, the bad and the ugly on COVID-19 tourism recovery. *Annals of Tourism Research*, 87, 1–15. DOI: 10.1016/j.annals.2020.103117
- Gössling S., Scott D., Hall C.M. (2020). Pandemics, tourism and global change: A rapid assessment of COVID-19. *Journal of Sustainable Tourism*, 29, 1–20. DOI: 10.1080/09669582.2020.1758708
- Kim H., Kim E.J. (2021). Tourism as a key for regional revitalization? A quantitative evaluation of tourism zone development in Japan. *Sustainability (Switzerland)*, 13 (13), 1–24. DOI: 10.3390/su13137478
- Li X., Gong J., Gao B., Yuan P. (2021). Impacts of COVID-19 on tourists' destination preferences: Evidence from China. *Annals of Tourism Research*, 90, 1–11. DOI: 10.1016/j.annals.2021.103258
- Výrostová E., Hrabovská Z., Dioba A. (2021). Tourism and regional growth in the Carpathian Euroregion – A panel data approach. *European Journal of Tourism*, 29, 2911, 1–22. DOI: <https://doi.org/10.54055/ejtr.v29i.2438>
- Zamora J.G. (2021). Sectorial and regional differences of the economic recession caused by the COVID-19 pandemic in Mexico and public policy measures to face it. *Investigaciones Geograficas*, 105, 1–16. DOI: <https://doi.org/10.14350/rig.60391>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Светлана Александровна Кириллова – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований, УФИЦ РАН (Российская Федерация, 450054, г. Уфа, пр-т Октября, д. 71; e-mail: isei@anrb.ru)

Айсылу Гарифулловна Атаева – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований, УФИЦ РАН (Российская Федерация, 450054, г. Уфа, пр-т Октября, д. 71; e-mail: ice_lu@mail.ru)

Kirillova S.A., Ataeva A.G.

PROBLEMS OF ORGANIZATION OF SPECIAL ECONOMIC ZONES OF THE TOURIST AND RECREATIONAL TYPE IN RUSSIA'S REGIONS

One of the effects of the pandemic was the priority development of domestic tourism not only in Russia, but also abroad in the near and long term. As one of the tools for the development of the tourism sector and attracting direct investment, special economic zones of the tourist and recreational type are considered, they are created for the development of tourism and the resort sector in part of the territory of the region with the preferential regime of entrepreneurial activity. Along with numerous advantages, the creation and functioning of such zones is associated with a number of regulatory, methodological and practical issues that impede their development. Despite the fact that the creation and functioning of special economic zones are regulated by legal acts of the Russian Federation, a number of issues remain insufficiently disclosed. We mean the absence of criteria for defining a part of the territory of the region forming a free economic zone, as well as “the territory adjacent to a special economic zone”. A fairly high degree of subjectivity is present when determining priority investment projects for the creation of tourist infrastructure in the zone, assessing the economic efficiency of its creation, etc. The purpose of the study is to form recommendations for solving methodological, regulatory and practical problems on the example of developing a concept for creating a special economic zone of the tourist and recreational type “Ural” located on the territory of the Republic of Bashkortostan. We review the extent of elaboration of the problem, analyze the contribution of tourism to the socio-economic development of the regions of Russia, as well as the effectiveness of the functioning of this type of

special economic zones. We conclude that taking into account the practical experience of creating a special economic zone “Ural” when designing zones of this type will contribute to their effective functioning, attract potential investors and, ultimately, increase the competitiveness of not only the territories of their location, but also the region as a whole. The research is of an applied nature, the recommendations we propose can be used by state and municipal authorities as an information and methodological basis for the development of competitive applications for the creation of special economic zones of the tourist and recreational type.

Special economic zone, tourist cluster, tourism, recreation, tourism industry, land plot, resident, investor, investment project, tourist infrastructure, providing infrastructure.

REFERENCES

- Antonakakis N., Dragouni M., Filis G. (2015). How strong is the linkage between tourism and economic growth in Europe? *Economic Modelling*, 44, 142–155. DOI: 10.1016/j.econmod.2014.10.018
- Balaguer J., Cantavella-Jordá M. (2002). Tourism as a long-run economic growth factor: The Spanish case. *Applied Economics*, 34 (7), 877–884. DOI: 10.1080/00036840110058923
- Biagi B., Brandano M.G., Ortega-Argiles R. (2021). Smart specialisation and tourism: Understanding the priority choices in EU regions. *Socio-Economic Planning Sciences*, 74, 100883. DOI: 10.1016/j.seps.2020.100883
- Bubaeva T.Yu. (2011). Special economic zone of tourist and recreational type as a factor in the socio-economic development of the Republic of Buryatia. *Strategiya ustoichivogo razvitiya regionov Rossii=Strategy for Sustainable Development of Russia’s Regions*, 5, 241–244 (in Russian).
- Chernova S.A. (2007). Problems of the development of special economic zones of the Russian Federation from the standpoint of the formation of a common economic space with the participation of Russia. *Problemy upravleniya sferoi nauki i innovatsii=Problems of Management of the Sphere of Science and Innovation*, 2, 384–396 (in Russian).
- Fotiadis A., Polyzos S., Huan T.-C.T.C. (2021). The good, the bad and the ugly on COVID-19 tourism recovery. *Annals of Tourism Research*, 87, 1–15. DOI: 10.1016/j.annals.2020.103117
- Gomilevskaya A.A., Sergienko Yu.Yu. (2014). Analysis of methodological approaches to assessing the contribution of tourism to the economy of the region (on the example of Primorsky Krai). *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya=Modern Problems of Science and Education*, 6, 1–11 (in Russian).
- Gössling S., Scott D., Hall C.M. (2020). Pandemics, tourism and global change: a rapid assessment of COVID-19. *Journal of Sustainable Tourism*, 29, 1–20. DOI: 10.1080/09669582.2020.1758708
- Karaulova N.M. (2015). Multiplicative impact of inbound tourism on the economy of the host country. *Vestn. assotsiatsii vuzov turizma i servisa=Bulletin of the Association of Tourism and Service Universities*, 9 (4), 76–81 (in Russian).
- Kim H., Kim E.J. (2021). Tourism as a key for regional revitalization? A quantitative evaluation of tourism zone development in Japan. *Sustainability (Switzerland)*, 13 (13), 1–24. DOI: 10.3390/su13137478
- Kolesnikova Yu.Yu., Krutik A.B. (2013). Evaluation of the multiplicative effect of tourism and the development of venture entrepreneurship. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskie nauki=St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*, 5 (180), 182–187 (in Russian).
- Kol’chugina T.A. (2011). Special economic zones of the tourist and recreational type in Stavropol Krai: Tasks and problems of functioning and development. *Sovremennye problemy servisa i turizma=Modern Problems of Service and Tourism*, 1, 45–51 (in Russian).
- Kravchenko L.A., Goryachikh M.V. (2017). Special economic zones: Foreign experience and prospects of functioning in Russia. *Vestn. TvGU. Ser.: Ekonomika i upravlenie=Bulletin of Tver State University. Series: Economics and Management*, 4, 7–13 (in Russian).

- Li X., Gong J., Gao B., Yuan P. (2021). Impacts of COVID-19 on tourists' destination preferences: Evidence from China. *Annals of Tourism Research*, 90, 1–11. DOI: 10.1016/j.annals.2021.103258
- Mal'tsev A.A., Vyazovskaya V.V. (2012). Tourist and recreational special economic zones as a factor in the development of the region's economy. *Izv. Ural. gos. ekon. un-ta=Bulletin of Urals State University of Economics*, 1 (39), 105–110 (in Russian).
- Ryl'skaya M.A., Pavlov P.V. (2015). Conceptual model of development of special economic zones on the territory of the Russian Federation *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'=National Interests: Priorities and Security*, 11, 11 (296), 2–15 (in Russian).
- Savel'ev Yu.V., Tolstoguzov O.V. (Eds.) (2008). *Upravlenie razvitiem turizma v regione. Opyt realizatsii Strategii Respubliki Karelii* [Managing Tourism Development in the Region. Experience in Implementing the Strategy by the Republic of Karelia]. Petrozavodsk: Izd-vo KarNTs RAN.
- Skoropisova L.I., Skoropisov M.G. (2013). Improving the calculation of the tourism multiplier. *Mezhdunarodnoe nauchnoe izdanie Sovremennye fundamental'nye i prikladnye issledovaniya=International Scientific Publication Modern Fundamental and Applied Research*, 2, 1 (8), 136–142 (in Russian).
- Tikhonovich E.A., Zhemerikina E.B. (2015). Methodology for analyzing the economic effects of the functioning of special economic zones. *Teoriya i praktika sovremennoi nauki=Theory and Practice of Modern Science*, 6 (6), 1474–1479 (in Russian).
- Trukhachev A.V., Selevanova E.V. (2014). The state and prospects of development of a special economic zone of tourist and recreational type in Stavropol Krai. *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki=Humanities and Socio-Economic Sciences*, 5 (78), 141–145 (in Russian).
- Uskova T.V., Egorov V.K., Leonidova E.G. (2016). Tourism in the Russian Federation: Opportunities for import substitution. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 4 (84), 32–46 (in Russian).
- Vetitnev A.M., Torgasheva A.A. (2013). Determination of the influence of medical and health tourism on the economy of the region. *Problemy sovremennoi ekonomiki=Problems of Modern Economics*, 4 (48), 352–355 (in Russian).
- Výrostová E., Hrabovská Z., Dioba A. (2021). Tourism and regional growth in the Carpathian Euroregion – A panel data approach. *European Journal of Tourism*, 29, 2911, 1–22. DOI: <https://doi.org/10.54055/ejtr.v29i.2438>
- Zamora J.G. (2021). Sectorial and regional differences of the economic recession caused by the COVID-19 pandemic in Mexico and public policy measures to face it. *Investigaciones Geograficas*, 105, 1–16. DOI: <https://doi.org/10.14350/rig.60391>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Svetlana A. Kirillova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Socio-Economic Research – a separate structural subdivision of Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (71, Oktyabrya Avenue, Ufa, 450054, Russian Federation; e-mail: isei@anrb.ru)

Aisylu G. Atayeva – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Socio-Economic Research – a separate structural subdivision of Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (71, Oktyabrya Avenue, Ufa, 450054, Russian Federation; e-mail: ice_lu@mail.ru)

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

DOI: 10.15838/ptd.2022.1.117.6

УДК 316.42 | ББК 60.54

© Недосека Е.В.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА В СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННЫХ СУБЪЕКТОВ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РФ

ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА НЕДОСЕКА

Социологический институт ФНИСЦ РАН

Санкт-Петербург, Российская Федерация

e-mail: nedelena@socinst.ru

ORCID: 0000-0003-1944-0367

Субъекты Арктической зоны Российской Федерации представляют собой особую пространственную организацию, где экологическая повестка все чаще становится объектом пристального внимания. Данное обстоятельство во многом обусловлено факторами, детерминирующими специфику региона: объективными (природно-климатического характера); субъективными (историческими, связанными с особенностями освоения территорий в советское время, и социально-экономическими, определяющими ключевую роль промышленных производств в Арктической зоне). В работе обозначена противоречивость управленческого видения региона, которая, с одной стороны, направлена на достижение целей устойчивого развития, а с другой – на закрепление и усиление развития промышленного потенциала агрессивных производств. В ситуации, когда население не имеет доступа к объективной, достоверной и своевременной информации о состоянии окружающей среды в местах непосредственного проживания и о глобальной экологической ситуации, уровень доверия официальным источникам (власти и бизнесу) оказывается низким. Это приводит к стихийному формированию экологической повестки, которая зачастую носит протестный характер. Цель работы заключается в исследовании содержательного и оценочного компонентов экологической повестки жителей Арктического региона РФ. В качестве теоретико-методологической рамки исследования выступила теория активации нормы Ш. Шварца, изучавшего взаимосвязь между ценностями, установками и поведением и предложившего теоретическую модель формирования альтруистического поведения. В ходе эмпирического исследования были выявлены уровень обеспокоенности экологической ситуацией по различным территориям; оценка респондентами значимости конкретных экологических про-

Для цитирования: Недосека Е.В. (2022). Экологическая повестка в сознании жителей промышленных субъектов Арктической зоны РФ // Проблемы развития территории. Т. 26. № 1. С. 80–92. DOI: 10.15838/ptd.2022.1.117.6

For citation: Nedoseka E.V. (2022). Environmental agenda in the consciousness of residents of industrial regions of the Arctic zone of the Russian Federation. *Problems of Territory's Development*, 26 (1), 80–92. DOI: 10.15838/ptd.2022.1.117.6

блем; уровень доверия различным источникам по вопросам экологического состояния, а также степень осознания личной причастности и возможности повлиять на ситуацию. Объектом исследования выступили жители арктических территорий Республики Карелии и Мурманской области. Количество опрошенных – 1505 человек, выборка неслучайная, квотная.

Арктическая зона Российской Федерации, экология, экологическая повестка, экологические проблемы, экологическое сознание.

Введение

Последствия интенсивного антропогенного воздействия на природные экосистемы актуализируют необходимость формирования нового экологического мышления. Нарастающий экологический кризис остро обозначает проблему поиска новых стратегий по достижению целей устойчивого развития и защиты окружающей среды, которые, в конечном счете, должны привести к изменению сложившихся паттернов экологического поведения. В связи с этим особое значение приобретает исследование содержательного и оценочного компонентов экологической повестки как элементов экологического сознания населения. Под экологической повесткой в нашей работе понимается информированность о состоянии и отношении населения к основным экологическим проблемам.

Без преувеличения можно констатировать, что экологическая повестка является неотъемлемой частью информационного поля современного человека как объекта сетевой культуры (Кастельс, 2000; Castells, 2009), вовлекая его в разные уровни дискурса – от политического до публичного. В то же время, как отмечают Т.А. Орешкина, В.А. Коняшкин, население не имеет доступа к объективной, достоверной и своевременной информации о состоянии окружающей среды в местах своего непосредственного проживания и, тем более, о глобальной экологической ситуации (Орешкина, Коняшкин, 2018).

Последствиями недостатка информации и знаний об экологической ситуации становятся рост мифологизации и алармизма сознания населения (Соколов и др., 2017). Этим обстоятельствам способствует усложнение экологической обстановки как в мире, так и в регионе проживания, что находит отражение в исследованиях общественного мнения. Согласно данным опроса, проведенного ВЦИОМ в 2006 году¹, экологические проблемы занимали 4 место в структуре основных тревог россиян, в 2020 году Левада-Центр* зафиксировал доминирующую позицию проблем окружающей среды среди существующих мировых угроз (на втором месте – мировой терроризм)².

Следует отметить, что большинство граждан России имеют свое представление о том, что такое благоприятная окружающая среда, в том числе в месте проживания, и какие экологические проблемы региона являются наиболее важными. Несмотря на актуализацию экологической проблематики, сформированных личных представлений, рост общественного внимания к ней носит скорее ситуативный характер, как правило, протестный. Чаще всего триггером выступают чрезвычайные ситуации, новое строительство или планы размещения полигонов для хранения отходов, что подтверждается данными всероссийских опросов³.

Понимание и интерпретация экологических проблем, отношение к ним во многом определяются объективными социальными

¹ Данные опроса, проведенного в 2006 году ВЦИОМ, представлены в статье: Тихомиров Д.А., Кисткина И.А. Проблемы осознания экологической угрозы в России // Горизонты гуманитарного знания. 2017. № 2. С. 56.

² Россияне назвали загрязнение природы угрозой страшнее терроризма / Публикация в прессе. 23.01.2020 // Левада-Центр*. URL: <https://www.levada.ru/2020/01/23/rossiyane-nazvali-zagryaznenie-prirody-ugrozoj-strashnee-terrorizma>

³ Экологическая повестка: за десять месяцев до выборов в Госдуму / Аналитический обзор ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ehkologicheskaja-povestka-za-desjat-mesjacev-do-vyborov-v-gosdumu>

* Внесен в реестр иностранных агентов.

характеристиками населения, такими как уровень образования, доход, пол, вид поселения и пр., в последнее время все чаще попадают в зону внимания исследователей (Калиева, 2010; Давыденко, Ромашкина, 2017).

Важным исследовательским вопросом является понимание содержательного и оценочного компонентов экологической повестки в сознании населения в структуре по территориям. Уровень экологических угроз зависит от различных внутренних (антропогенной нагрузки) и внешних (природно-климатических особенностей) факторов, влияющих на экологическую ситуацию конкретной территории, а соответственно и уровень ее восприятия населением. В связи с этим исследовательский интерес представляет Арктическая зона Российской Федерации (АЗРФ) как особая пространственная организация, где экологическая повестка все чаще становится объектом пристального внимания.

Озабоченность экологическим состоянием Российской Арктики находит отражение во вновь утвержденной 5 марта 2020 года Президентом РФ Стратегии развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года⁴, что принципиально отличает документ от предыдущей Стратегии развития АЗРФ до 2020 года.

Сохранение экологического баланса и биологического разнообразия АЗРФ – краеугольный камень экологической политики РФ. С одной стороны, на перспективу экономические возможности субъектов зоны связываются с разработкой природных ресурсов (наличие крупных месторождений углеводородов), добыча которых в настоящих условиях далека от экологических стандартов. С другой стороны, уже имеющийся производственный потенциал территорий во многом зависит от горнодобывающих и металлургических предприятий, нанесших за десятилетия своей деятельности значительный экологический ущерб, в том числе в виде накопленных отходов (Лукин, 2013;

Соколов, 2013). Большинство инвестиционных проектов, реализующихся или планирующихся к реализации в Арктической зоне, также требуют серьезной экспертной экологической оценки.

Важно и то, что субъекты Арктической зоны РФ располагаются в условиях экстремально низких температур, удаленности и труднодоступности. Это преимущественно урбанизированные, промышленные территории, несущие бремя политики индустриализации советского прошлого. В Российской Арктике выделяются 30 основных «горячих точек» из 100, оказывающих наиболее неблагоприятное влияние на окружающую среду и здоровье населения (Лукин, 2013). В данной ситуации сама среда проживания значительной части населения субъектов АЗРФ является проблемной зоной из-за нанесенного экологического ущерба. Следовательно, важным исследовательским вопросом становится изучение содержательного и оценочного компонентов экологической повестки жителей субъектов АЗРФ. Необходимо отметить, что повестка отражает состояние экологического сознания общества, которое через преобладающие в нем ценности и установки не только влияет на выбор стратегии поведения, но и в целом формирует отношение к возникающим социальным проблемам, их принятие и реакцию на соответствующую государственную политику и политические инструменты.

Теоретико-методологический фрейм

Теоретико-методологический фрейм статьи прежде всего связан с определением экологического сознания. Экологическое сознание понимается нами как ядро экологической культуры и отражает отношение населения к природной среде, жизненному пространству, что трансформируется в экологическое поведение. Содержательными компонентами экологического сознания выступают знания, установки, нормы, ценности.

⁴ Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года: Указ Президента Российской Федерации от 26 октября 2020 г. № 645. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74710556>

В отечественной социологической литературе распространено понимание экологического сознания как совокупности представлений населения об экологической ситуации, проявляющейся в его озабоченности состоянием окружающей среды (Яницкий, 2007; Халий, 2017). В.И. Медведев (Медведев, Алдашева, 2001), И.А. Халий (Халий, 2017), П.О. Ермолаева, Ю.В. Ермолаева (Ермолаева, 2010; Ермолаева, Ермолаева, 2019) рассматривают «озабоченность» как определенное состояние, характеризующееся высшей степенью тревожности, обеспокоенности состоянием окружающей среды. Экологические знания в качестве элемента экологического сознания исследовались О.Н. Яницким (Яницкий, 2014), И.А. Сосуновой (Сосунова, 2008), Т.А. Орешкиной (Орешкина, 2012), И.А. Зайцевой (Зайцева, 2019). Авторы акцентировали внимание на взаимосвязи экологического сознания с уровнем информированности населения об экологических проблемах. Степень осознания экологических проблем в общественном мнении нашла отражение в работах Б.З. Докторов, В.В. Сафронова, Б.М. Фирсова (Докторов и др., 1990), Д.А. Тихомирова, И.А. Кисткиной (Тихомиров, Кисткина, 2017). Экологические ценности и нормы рассматривались П.О. Ермолаевой, Ю.В. Ермолаевой (Ермолаева, 2010; Ермолаева, Ермолаева, 2019).

Связь компонентов экологического сознания (ценностей, установок) с поведением изучалась в теориях зарубежных исследователей Ш. Шварца (Schawrtz, 1994), Б. Стила (Steel, 1996), П. Штерна (Stern, 1995), Р. Инглехарта (Inglehart, 1990), предложивших собственные модели трансформации и классификации экологических ценностей и норм.

В нашей статье в качестве методологической рамки выступила социально-психологическая «теория активации нормы» Ш. Шварца (Schawrtz, 1994). Автор исследовал факторы, определяющие альтруистическое поведение, и пришел к выводу о том, что данный тип поведения во многом зависит от чувства морального долга, которое формируется в соответствии с личными

нормами. При этом личные нормы редко бывают устойчивыми когнитивными структурами. Ш. Шварц отмечает, что это реконструкции, во многом зависящие от факторов внешней среды. Он обозначил ключевые механизмы активации нормы, при которых экологические установки трансформируются в поведение: 1) чувство обеспокоенности, обязательства по поводу экологической проблемы; 2) чувство личной причастности (ответственности) к ее появлению, способность осознать последствия своего поведения или ситуации; 3) чувство возможности оказывать влияние на ее изменение (Schawrtz, 1994).

Чувство морального долга в отношении каждого конкретного действия порождается соотношением воздействия этого акта на нормы и ценности, с которыми оно связано. Чем важнее соответствующие нормы и ценности для самооценки, тем сильнее испытываемое чувство долга. Размер и направление несоответствия, ожидаемого между положением дел, которое может возникнуть в результате действия, и идеальным состоянием, определяемым интернализированной нормой или ценностью, также вносят свой вклад в интенсивность и характер чувства.

Одним из критических факторов, влияющих на начальную активацию, является осознание последствий своего поведения для других. Чем больше индивид воспринимает ситуацию с точки зрения последствий, к которым приводит его собственное поведение, тем с большей вероятностью он будет уделять внимание ценностям и нормам, относящимся к этим межличностным последствиям, и вызывать чувство долга, выражающее эти нормы.

Несмотря на существующий научный задел по изучаемой проблематике, необходимо отметить, что требуется более детальное исследование содержательного и оценочного компонентов экологической повестки (отношение населения и уровень информированности об экологических проблемах), в т. ч. с учетом особенностей территорий. Более того, важно понимать, какое влияние на отношение к экологическим проблемам

оказывают структурные факторы (пол, возраст, уровень образования и доход). Цель статьи заключается в изучении содержательного и оценочного компонентов экологической повестки в экологическом сознании жителей Арктического региона РФ. Операционализация механизмов активации нормы в эмпирическом исследовании была произведена посредством следующих показателей:

- чувство обеспокоенности экологической проблемой, которое измерялось через оценку удовлетворенности состоянием окружающей среды в разрезе по различным территориям; субъективное самоощущение жителей относительно экологической ситуации в темпоральном измерении; степень обеспокоенности конкретными экологическими проблемами и уровень доверия жителей к различным источникам по вопросам экологического состояния;

- осознание личной причастности и возможности повлиять на ситуацию; измерялось через согласие/несогласие респондентов с рядом утверждений.

Методы исследования

Эмпирическое исследование проводилось в августе – ноябре 2020 года на территориях Республики Карелии и Мурманской области. Количество опрошенных 1505 человек, из них 1102 жителя Республики Карелии и 403 – Мурманской области. Исследование осуществлялось в промышленных центрах, а именно в Кемском, Лоухском, Беломорском, Костомукшском, Сегежском, Калевальском районах Республики Карелии и в городах Мурманской области: Мурманск, Апатиты, Ковдор. Среди опрошенных доля женщин составила 54,5%, мужчин – 45,5%. Возраст опрошенных от 16 до 75 лет, выборка представлена четырьмя возрастными группами: от 16 до 20 (2,3%), от 21 до 35 (36,7%), от 36 до 55 (42,7%) и от 56 до 75 (18,3%) лет. Выборка неслучайная, квотная.

Содержательный анализ экологической повестки населения арктических террито-

рий с особым экологическим статусом начинается с оценки экологической ситуации в целом. Для формирования наиболее полного представления было решено сопоставить данные об оценке экологической ситуации в месте непосредственного проживания, в регионе проживания, в Арктике, в стране и в мире. Переменные, которые касались удовлетворенности респондентов состоянием окружающей среды на различных территориях, для удобства восприятия проанализированы по средним значениям с применением методики Т-критерия Стьюдента⁵ (табл. 1).

Таблица 1. Сравнение средних (Т-критерий) по степени удовлетворенности населения состоянием окружающей среды, в структуре по различным территориям (среднее значение по пятибалльной шкале)

Насколько Вас удовлетворяет состояние окружающей среды:	Республика Карелия	Мурманская область
	среднее значение	
– в месте Вашего непосредственного проживания (город, район)	3,4	2,8
– в регионе проживания (в области, республике)	3,4	2,8
– в Арктике	3,2	2,9
– в России	2,9	2,8
– в мире	2,9	2,9
Источник: результаты авторского исследования.		

Данные табл. 1 демонстрируют, что в Мурманской области зафиксирован фактически одинаковый уровень удовлетворенности жителей окружающей средой в разрезе по территориям (ср. зн. 2,8–2,9). Ситуация оценивается как «скорее неудовлетворительная». Оценки жителей Республики Карелии отличаются от оценок респондентов Мурманской области: самые высокие значения были выбраны по альтернативам места непосредственного проживания, региона проживания (ср. зн. 3,4), а также по Арктике (ср. зн. 3,2). Более укрупненные группы территорий (Россия и мир) набрали

⁵ Т-критерий Стьюдента с поправкой Бонфферони используется для сравнения средних значений в двух независимых выборках.

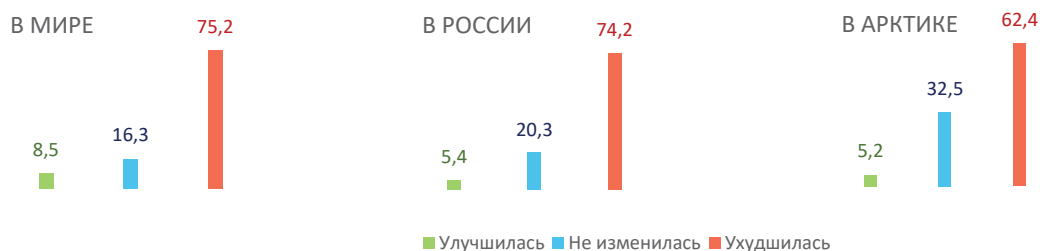

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос об изменении экологической ситуации в мире, России, Арктике (закрытый вопрос, один ответ), % от числа опрошенных

одинаковое количество средних значений на уровне 2,9 («скорее неудовлетворительное»).

В ходе исследования удовлетворенности была выявлена статистическая связь по хи-квадрату Пирсона по полу респондентов. Асимптотическая значимость критерия хи-квадрата составляет 0,000, что указывает на наличие связи между переменными с вероятностью свыше 99,9%⁶. Каждый третий молодой человек в возрасте до 20 лет выбрал альтернативу «полностью не удовлетворен состоянием окружающей среды» в городе непосредственного проживания и в Арктике, каждый второй в этой возрастной группе отметил, что экологическая ситуация в России и в мире их абсолютно не удовлетворяет. Респонденты в возрастной группе 56+ более положительно по сравнению с другими подгруппами оценивают ситуацию в регионе (области проживания), но 40,0% считают, что обстановка с окружающей средой в России очень плохая.

Важным выводом выступила статистическая связь по хи-квадрату Пирсона по оценке материального положения семьи. Несмотря на то, что при ответе на вопрос об удовлетворенности состоянием окружающей среды треть респондентов выбирали альтернативу «затрудняюсь ответить», статистическая значимость в конкретных мнениях оказалась существенной. Чем ниже оценка материального благополучия, тем выше неудовлетворенность состоянием окружающей среды и наоборот.

В целом можно заключить, что население исследуемых арктических субъектов оценивает состояние окружающей среды ближе к неудовлетворительному. Это отличает оценки, полученные в данных регионах, от оценок респондентов, представленных во всероссийском опросе ВЦИОМ в 2020 году⁷.

Важно отметить, что, оценивая динамику экологической ситуации за последние 10 лет, более половины опрошенных отметили ухудшение ситуации по всем типам территорий. Причем наибольшие значения в отрицательной экологической динамике были отмечены в мире (75,2%), России (74,2%) и Арктике (62,4%; рис. 1).

Статистическая связь по хи-квадрату между переменными выявлена по возрасту в отношении ситуации в Арктике, 49,4% в возрастной группе 56+ отмечали альтернативу «ухудшилась». Чуть меньше (42–43%) данная альтернатива заняла в возрастной группе до 20 лет и 36–55 лет. Опрошенные в подгруппах до 20 лет и 56+ в большей степени продемонстрировали негативные оценки в отношении динамики ухудшения экологической ситуации в России (выше 60,0%). Информанты женского пола были более категоричны во мнениях о ситуации в мире и отвечали «ухудшилась» чаще, чем мужчины, что тоже подтверждено статистической связью по хи-квадрату Пирсона.

В отношении места непосредственного проживания и региона проживания в оценках изменений преобладает отрицательная динамика (более 50,0% ответов). По данным

⁶ Здесь и далее связь между номинальными признаками проверялась по хи-квадрату Пирсона при уровне значимости не более 0,05.

⁷ Экологическая повестка в России: за десять месяцев до выборов в Госдуму // ВЦИОМ. Новости: Экологическая повестка: за десять месяцев до выборов в Госдуму (wciom.ru).

показателям выявлена и статистическая взаимосвязь по хи-квадрату Пирсона. Жители Карелии в большей мере демонстрировали отрицательные значения (58,3 против 48,9% по месту проживания и 56,3 против 48,1% по региону), чем жители Мурманской области (рис. 2).

Между переменными найдена статистическая связь по хи-квадрату Пирсона, жители Карелии в большей мере отмечали отрицательные значения (61,1 против 59,9% по месту проживания и 60,3 против 58,5% по региону), чем жители Мурманской области, по полу и возрасту различий не обнаружено.

Особый интерес представляет актуальность конкретных экологических проблем в существующей повестке. К наиболее значимым респонденты отнесли загрязнение воздуха (промышленная пыль, например угольная или цементная, кислотные дожди, отходы производства и пр.; 64%), загрязнение воды (62%), образование промышленных (60%) и бытовых (56%) отходов (рис. 3). Такое распределение является, с нашей точки зрения, логичным, прежде всего по причине наличия экологически агрессивных производств в местах опроса. Самыми уязвимыми в исследуемых субъектах оказываются качество

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос об изменении экологической ситуации в месте непосредственного проживания (город, село) и регионе проживания (республика, область) (закрытый вопрос, один ответ), % от числа опрошенных

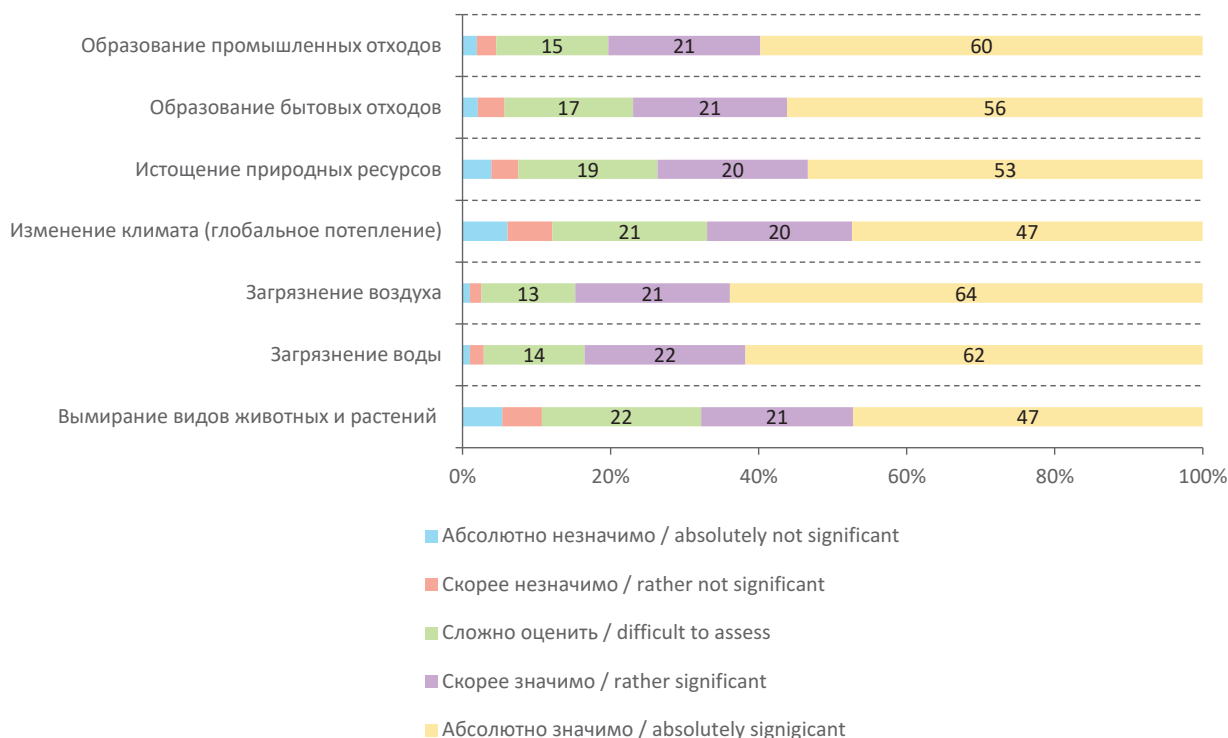

Рис. 3. Распределение оценок респондентов на вопрос о значимости экологических проблем (закрытый вопрос, один ответ), % от числа опрошенных

Таблица 2. Распределение ответов респондентов на вопрос о степени доверия различным источникам информации относительно экологических проблем (закрытый вопрос, один ответ), % от числа опрошенных

Источник	Полностью доверяю	Скорее доверяю, чем не доверяю	Скорее не доверяю, чем доверяю	Совершенно не доверяю	Затрудняюсь ответить
Исследователи, ученые и эксперты	32,9	41,4	7,7	3,7	14,3
Федеральные органы власти	11,0	25,5	32,5	17,0	14,0
Региональные и местные власти	9,2	26,6	32,0	18,5	13,7
Экологические организации, НКО	22,6	38,3	15,0	7,1	16,9
Представители бизнеса	3,2	12,2	38,6	25,7	20,3
СМИ	8,6	31,6	28,6	17,7	13,5
Знания родственников, друзей	9,2	41,3	19,4	11,2	18,9

Источник: результаты авторского исследования.

воздуха и воды из-за деятельности целлюлозно-бумажных комбинатов, металлургических и горнодобывающих предприятий, которые оставляют серьезный след в виде накопленных промышленных отходов. На втором месте (ближе к 50%) по абсолютной значимости оказались альтернативы, связанные с изменениями климата и вымиранием видов животных и растений (по 47%).

Проблемы образования промышленных отходов и загрязнения воды оказались более значимы для женщин, чем для мужчин. Истощение природных ресурсов беспокоит молодежь до 20 лет и старшую группу респондентов от 56 лет больше, чем остальные подгруппы.

Важно отметить, что 77,7% респондентов считают, что вопросам экологического состояния уделяется мало внимания в государственной политике.

Согласно данным всероссийских опросов, основным источником информации об экологической ситуации выступают социальные интернет-сети (ВКонтакте, Фейсбук, Инстаграм, Твиттер) – 39%, далее по популярности региональное и местное телевидение – 32%, разговоры с родными и друзьями – 26%, федеральные ТВ-каналы – 25% и пр.⁸ В ходе проведенного нами исследования внимание было уделено выявлению степени доверия

различным источникам информации об экологических проблемах (табл. 2).

Значительным потенциалом доверия у опрошенного населения пользуются исследователи, ученые и эксперты, им практически полностью доверяют 74,0%. На втором месте экологические организации и НКО (60,9%). Доверяют, но проверяют мнения и оценки своего ближайшего окружения 41,3%, информацию, предоставляемую СМИ, – 31,6% респондентов. Треть опрошенных «скорее не доверяет, чем доверяет» информации, предоставляемой властью различного уровня и бизнесом.

Важно отметить, что в отношении доверия информации о состоянии экологии от федеральных и региональных органов власти статистическая связь была выявлена по возрастным группам. Во всех возрастных группах каждый шестой затруднился ответить, в подгруппе до 20 лет это четверть опрошенных. В возрастных подгруппах от 14 до 55 лет вектор доверия направлен в сторону скорее недоверия и абсолютного недоверия (50–55%), а в 56–75 лет, наоборот, в сторону скорее доверия и абсолютного доверия (около 40%). В отношении доверия СМИ выявилась зависимость, которую кратко можно выразить в следующей формулировке: чем младше, тем критичнее, причем взаи-

⁸ ВЦИОМ. Новости: Экологическая повестка: за десять месяцев до выборов в Госдуму (wciom.ru).

Таблица 3. Распределение ответов респондентов о степени согласия с утверждениями (закрытый вопрос, один ответ), % от числа опрошенных

Утверждение	Полностью согласен	Скорее согласен, чем не согласен	Скорее не согласен, чем согласен	Совершенно не согласен	Затрудняюсь ответить
Я не буду заботиться об окружающей среде, если другие не будут заботиться	6,6	11,8	24,9	49,1	7,6
Экологические проблемы должны решать будущие поколения	7,8	12,8	28,8	40,6	10,0
Я готов(а) поменять мой нынешний образ жизни на благо окружающей среды	17,3	34,6	18,5	12,1	17,5
Экологическая политика не должна стоить мне лишних денег	39,5	29,4	14,1	6,0	11,1

Источник: результаты авторского исследования.

мосвязь была обнаружена по полу, женщины критичнее воспринимают информацию по экологии из СМИ, чем мужчины. Своему ближайшему окружению в большей степени доверяют респонденты в возрастных подгруппах 21–35, 36–55 лет (каждый второй респондент из данных групп).

По всем предложенным альтернативам указанного вопроса была выявлена статистическая связь по уровню доходов. Наиболее ярко выражен уровень доверия федеральным и региональным властям: категории респондентов с субъективной оценкой материального положения «денег не хватает даже на еду, приходится занимать у друзей и знакомых» продемонстрировали самый высокий уровень доверия к властным структурам (более 30% по каждой альтернативе). Опрошенные с четырьмя другими альтернативами субъективной оценки материального положения продемонстрировали абсолютное доверие не выше 17,2%.

Личная ответственность, моральный долг являются важными компонентами активации нормы и механизма формирования экологического поведения. В табл. 3 представлены оценки респондентов по ряду утверждений относительно измерения ценностных установок.

Полученные нами данные свидетельствуют о том, что респонденты признают себя ответственными за решение экологических проблем (74,0%) в настоящем и преимущественно не согласны с тем, что это вопрос будущего и следующих поколений (69,4%). По этой альтернативе была выявлена статистически значимая взаимосвязь по полу респондентов. Женщины (56,1%) чаще отмечали альтернативу «совершенно не согласен/а», чем мужчины (32,8%). Готовность поменять образ жизни на благо окружающей среды однозначно высказали 17,3%, а 34,6% отметили альтернативу «скорее согласен, чем не согласен». Большая часть респондентов (68,9%) считает, что экоинициативы не должны стоить лишних денег.

Заклучение

Главной проблемой при исследовании экологического сознания населения остается вопрос о его влиянии на непосредственное действие (поведение). Возвращаясь к теоретической рамке исследования, а именно к теории активации нормы Ш. Шварца, мы эмпирически выявили наличие чувства обеспокоенности как первичного компонента будущего действия. Население Республики Карелии и Мурманской области признает экологическую ситуацию проблемной и отмечает ухудшения в состоянии окружающей среды. Основные экологические проблемы, связанные с качественными показателями окружающей среды в непосредственном месте проживания, вызывают серьезные опасения. Обращает на себя внимание тот факт, что, отвечая на вопросы анкеты, ка-

сающиеся оценок экологической ситуации и отношения к конкретным экологическим проблемам, респонденты практически не выбирали альтернативы «затрудняюсь ответить», что свидетельствует о сформированных установках, которые уверенно транслируются.

В ходе исследования мы зафиксировали чувство личной причастности респондентов и выяснили, что значительная часть опрошенных понимает ответственность своего поколения за решение экологических проблем и готова оказывать влияние на изменение экологической ситуации.

Важно отметить выявленный уровень недоверия информации о состоянии экологии, источниками которой выступают федеральные, региональные власти и бизнес. Данное обстоятельство свидетельствует об аккумуляции информации в рамках неформальных гражданских установок, которые заведомо содержат конфликтный потенциал, при этом он максимально сосредоточен в установках экономически активного населения (вывод сделан на основании выявленной корреляции между уровнем субъективной оценки материального положения и уровнем доверия органам власти). С нашей точки зрения, очевидно противоречие, когда, с одной стороны, жители исследуемых территорий продемонстрировали личную

ответственность, подкрепленную уверенностью в том, что экологическая политика и инициативы не должны стоить лишних денег, переключая тем самым ответственность «наверх», с другой стороны – показывают уровень серьезного недоверия власти.

В ходе исследования была выявлена специфика мнений по полу и возрасту опрошиваемых. Самыми категоричными в оценках оказались респонденты женского пола, а если говорить о возрастных группах, это молодежь до 20 лет и старшее поколение от 56+. Обращает на себя внимание некоторая пассивность в оценках наиболее экономически активной части населения от 21 до 55 лет, статистические различия в этих группах практически ни по одному из вопросов выявлены не были. Результаты исследования продемонстрировали актуальность экологической повестки в сознании жителей, а также ее противоречивость и потенциал к протестному содержанию. Практическая значимость статьи проявляется в возможности использования данных представителями муниципальной и региональной власти в работе с населением. Специалистам экологических НКО полученные результаты могут помочь при выстраивании просветительской работы с населением, исходя из выявленных особенностей понимания экологических проблем разными группами.

ЛИТЕРАТУРА

- Давыденко В.А., Ромашкина Г.Ф. (2017). Оценки восприимчивости к компонентам социального пространства и к уровням экологических угроз // Социальное пространство. № 3 (10). С. 1–18.
- Докторов Б.З., Сафронов В.В., Фирсов Б.М. (1990). Уровень осознания экологических проблем: профили общественного мнения // Разработка научных основ изучения и формирования экологического сознания населения страны / отв. ред. Б.М. Фирсов. М.: б/и. С. 253–298.
- Ермолаева П.О. (2010). Концептуализация понятия «экологическая культура» в американской и российской традициях // Уч. зап. Казан. ун-та. Т. 152. № 5. С. 58–64.
- Ермолаева П.О., Ермолаева Ю.В. (2019). Критический анализ зарубежных теорий экологического поведения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 4. С. 323–346. DOI: 10.14515/monitoring.2019.4.16
- Зайцева И.А. (2019). Региональная экологическая политика: социально-политический аспект // Теории и проблемы политических исследований. Т. 8. № 6А. С. 153–158. DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.113
- Калиева А.Д. (2010). Влияние экологической ситуации России на формирование экологического сознания населения региона: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Астрахань: б/и. 24 с.

- Кастельс М. (2000). Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ. 608 с.
- Лукин Ю.Ф. (2013). «Горячие точки» российской Арктики // Арктика и Север. № 11. С. 4–38.
- Медведев В.И., Алдашева А.А. (2001). Экологическое сознание. М.: Логос. 311 с.
- Орешкина Т.А. (2012). Социологический анализ экологического сознания населения как объекта управления // Социол. журн. № 4. С. 94–105.
- Орешкина Т.А., Коняшкин В.А. (2018). Экологическое сознание и экологические дискурсы цивилизации // Ойкумена. № 4. С. 133–144.
- Соколов Ю.И. (2013). Арктика: к проблеме накопления экологического ущерба // Арктика: экология и экономика. 2013. № 2 (10). С. 18–27. URL: [http://www.ibrae.ac.ru/docs/2\(10\)/018_027_ARКТИКА_2.pdf](http://www.ibrae.ac.ru/docs/2(10)/018_027_ARКТИКА_2.pdf)
- Соколов Н.В., Библин А.М., Репин Л.В., Рехтина Л.С. (2017). Проблемы риск-коммуникации при обеспечении радиационной безопасности: представление о радиации и атомной отрасли в массовом сознании по результатам социологических исследований в Санкт-Петербурге, Ленинградской и Мурманской областях // Радиационная гигиена. № 10 (3). С. 45–56. URL: <https://doi.org/10.21514/1998-426X-2017-10-3-45-56>
- Сосунова И.А. (2008). Экологическая культура как основа образования для устойчивого развития // Вестн. Междунар. акад. наук. Русская секция. Вып. 2. С. 33–41.
- Тихомиров Д.А., Кисткина И.А. (2017). Проблемы осознания экологической угрозы в России // Горизонты гуманитарного знания. № 2. С. 55–61.
- Халий И.А. (2017). Экологическое сознание населения России // Асимметрия жизни современного российского общества: соотношение традиций и инноваций / отв. ред. О.В. Аксенова. М.: ФНИСЦ РАН. 207 с.
- Яницкий О.Н. (1997). Экологическая социология // ЭСМ: Федеральный образовательный портал. URL: <https://ecsocman.hse.ru/data/998/698/1219/023Glava20.pdf>
- Яницкий О.Н. (2014). К вопросу о концепции экосоциального знания // Социологические исследования. № 4. С. 3–13.
- Castells M. (2009). *Communication Power*. USA: Oxford University Press.
- Inglehart R. (1990). *Culture Shift in Advanced Western Society*. Princeton University Press, Princeton, New Jersey.
- Schwartz S.H. (1994). Are there universal aspects in the structure and content of human values? *Journal of Social Issues*, 50 (4), 19–45.
- Steel B. (1996). Thinking globally and acting locally? Environmental attitudes, behavior and activism. *Journal of Environmental Management*, 47, 27–36.
- Stern P.C., Dietz T., Kalof L., Uagnano G. (1995). Values, beliefs, and pro-environmental action: Attitude formation toward emergent attitude objects. *Journal of Applied Social Psychology*, 25, 1611–1636.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Елена Владимировна Недосека – кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Социологический институт, ФНИСЦ РАН (Российская Федерация, 190005, г. Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25; e-mail: nedelena@socinst.ru)

Nedoseka E.V.

ENVIRONMENTAL AGENDA IN THE CONSCIOUSNESS OF RESIDENTS OF INDUSTRIAL REGIONS OF THE ARCTIC ZONE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The regions of the Arctic zone of the Russian Federation represent a special spatial organization, where the environmental agenda is increasingly becoming the object of close attention. This circumstance is largely due to factors that determine the specifics of the region: objective (natural and climatic nature); subjective (historical, associated with the peculiarities of the development of territories in the Soviet era and socio-economic, determining the key role of industrial production in the Russian Arctic). The paper identifies the inconsistency in the management vision of the region, which, on the one hand, is aimed at achieving sustainable development goals, and on the other hand, at consolidating and strengthening the development of the industrial potential of aggressive industries. In a situation where the population does not have access to objective, reliable and timely information about the state of the environment in their places of direct residence and the global environmental situation, the level of trust in official sources (government and business) turns out to be low. This leads to the spontaneous formation of an environmental agenda, which is often of a protest nature. The purpose of the article is to study the substantive component of the environmental agenda of the inhabitants of the Arctic region of the Russian Federation. The theoretical and methodological framework of the study was the theory of norm activation by Sh. Schwartz, who investigated the relationship between values, attitudes and behavior and proposed a theoretical model for the formation of altruistic behavior. In the course of empirical research, the following was revealed: the level of concern about the ecological situation in the structure in different territories; respondents' assessment of the significance of specific environmental problems; the level of trust in various sources on environmental issues, as well as the degree of awareness of personal involvement and the ability to influence the situation. The object of the study was the inhabitants of the Arctic territories of the Republic of Karelia and the Murmansk region. The number of respondents is 1,505, the sample is carried, quoted.

Arctic zone of Russian Federation, ecology, environmental agenda, environmental problems, environmental consciousness.

REFERENCES

- Castells M. (2000). *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura* [The Information Age: Economy, Society and Culture]. Moscow: GU VShE.
- Castells M. (2009). *Communication Power*. USA: Oxford University Press.
- Davydenko V.A., Romashkina G.F. (2017). Assessments of susceptibility to the components of social space and to the levels of environmental threats. *Sotsial'noe prostranstvo=Social Area*, 3 (10), 1–18 (in Russian).
- Doktorov B.Z., Safronov V.V., Firsov B.M. (1990). The level of awareness of environmental problems: Public opinion profiles In: Firsov B.M. (Ed.). *Razrabotka nauchnykh osnov izucheniya i formirovaniya ekologicheskogo soznaniya naseleniya strany* [Development of Scientific Foundations for the Study and Formation of Ecological Consciousness of the Population of the Country]. Moscow.
- Ermolaeva P.O. (2010). Conceptualization of the term “ecological culture” in the American and Russian traditions. *Uch. zap. Kazan. un-ta=Academic Notes of Kazan University*, 152 (5), 58–64 (in Russian).
- Ermolaeva P.O., Ermolaeva Yu.V. (2019). Critical analysis of foreign theories of environmental behavior. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny=Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 4, 323–346. DOI: 10.14515/monitoring.2019.4.16

- Inglehart R. (1990). *Culture Shift in Advanced Western Society*. Princeton University Press, Princeton, New Jersey.
- Kalieva A.D. (2010). *Vliyanie ekologicheskoi situatsii Rossii na formirovanie ekologicheskogo soznaniya naseleniya regiona: avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk: 22.00.04* [The Influence of the Ecological Situation in Russia on the Formation of Ecological Consciousness in Residents of the Region: Candidate of Sciences (Sociology) Dissertation Abstract]. Astrakhan.
- Khalii I.A. (2017). Ecological consciousness of the population of Russia. In: Aksenova O.V. (Ed.). *Asimetriya zhizni sovremennogo rossiiskogo obshchestva: sootnoshenie traditsii i innovatsii* [Asymmetry of the Life of Modern Russian Society: Correlation of Traditions and Innovations]. Moscow: FNISTS RAN.
- Lukin Yu.F. (2013). "Hot spots" of the Russian Arctic. *Arktika i Sever=Arctic and the North*, 11, 4–38 (in Russian).
- Medvedev V.I., Aldasheva A.A. (2001). *Ekologicheskoe soznanie* [Ecological Consciousness]. Moscow: Logos.
- Oreshkina T.A. (2012). Sociological analysis of the ecological consciousness of the population as an object of management. *Sotsiol. zhurn.=Sociological Journal*, 4, 94–105 (in Russian).
- Oreshkina T.A., Konyashkin V.A. (2018). Ecological consciousness and ecological discourses of civilization. *Oikumena*, 4, 133–144 (in Russian).
- Schwartz S.H. (1994). Are there universal aspects in the structure and content of human values? *Journal of Social Issues*, 50 (4), 19–45.
- Sokolov N.V., Biblin A.M., Repin L.V., Rekhtina L.S. (2017). Risk-communication issues in radiation safety: Evaluation of public awareness in St. Petersburg and the Leningrad region on the activities of the nuclear industry and public understanding of the hazards. *Radiatsionnaya gigiena= Radiation Hygiene*, 10 (3), 45–56. Available at: <https://doi.org/10.21514/1998-426X-2017-10-3-45-56> (in Russian).
- Sokolov Yu.I. (2013). Arctic: to the problem of accumulation of environmental damage. *Arktika: ekologiya i ekonomika=Arctic: Ecology and Economics*, 2 (10), 18–27. Available at: [http://www.ibrae.ac.ru/docs/2\(10\)/018_027_ARKTIKA_2.pdf](http://www.ibrae.ac.ru/docs/2(10)/018_027_ARKTIKA_2.pdf) (in Russian).
- Sosunova I.A. (2008). Ecological culture as the basis of education for sustainable development. *Vestn. Mezhdunar. akad. nauk. Russkaya sektsiya=Bulletin of the International Academy of Sciences. Russian Section*, 2, 33–41 (in Russian).
- Steel B. (1996). Thinking globally and acting locally? Environmental attitudes, behavior and activism. *Journal of Environmental Management*, 47, 27–36.
- Stern P.C., Dietz T., Kalof L., Uagnano G. (1995). Values, beliefs, and pro-environmental action: Attitude formation toward emergent attitude objects. *Journal of Applied Social Psychology*, 25, 1611–1636.
- Tikhomirov D.A., Kistkina I.A. (2017). Problems of awareness of the environmental threat in Russia. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya=Horizons of Humanitarian Knowledge*, 2, 55–61 (in Russian).
- Yanitskii O.N. (1997). Ecological sociology. *ESM: Federal Educational Portal*. Available at: <https://ecsocman.hse.ru/data/998/698/1219/023Glava20.pdf> (in Russian).
- Yanitskii O.N. (2014). On the issue of the concept of eco-social knowledge. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 4, 3–13 (in Russian).
- Zaitseva I.A. (2019). Regional environmental policy: Socio-political dimension. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy=Theories and Problems of Political Studies*, 8 (6A), 153–158. DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.113

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Nedoseka – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Senior Researcher, RAS Sociological Institute – branch of the Federal Research Sociological Institute (25, Sedmaya Krasnoarmeyskaya Street, Saint Petersburg, 190005, Russian Federation; e-mail: nedelena@socinst.ru)

DOI: 10.15838/ptd.2022.1.117.7

УДК 314.44 | ББК 60.7

© Нацун Л.Н.

ОСОБЕННОСТИ ИНВАЛИДНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В 2017–2021 ГГ.

ЛЕЙЛА НАТИГОВНА НАЦУН

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: leyla.natsun@yandex.ru

ORCID: [0000-0002-9829-8866](https://orcid.org/0000-0002-9829-8866); ResearcherID: [1-8415-2016](https://orcid.org/1-8415-2016)

Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, пандемия коронавирусной инфекции обострила проблемы предоставления плановой и профилактической медицинской помощи населению, что в перспективе может привести к нарастанию разрыва между значениями показателей ожидаемой продолжительности жизни и продолжительности здоровой жизни, а следовательно — к увеличению бремени инвалидности. Для России в целом и ее регионов в частности эти проблемы имеют первостепенное значение. Растущее бремя инвалидности определяет необходимость комплексного подхода к профилактике инвалидизирующих заболеваний среди населения, особенно в старших возрастах, а также актуализирует разработку эффективных мер по содействию социальному участию инвалидов. Решение задачи по снижению потерь общественного здоровья от инвалидности предполагает, в том числе, ведение мониторинга соответствующих статистических показателей. Вологодская область является одним из регионов, где показатели инвалидности населения соотносятся со среднероссийскими. Цель исследования состояла в выявлении особенностей инвалидности населения в Вологодской области на фоне ситуации в регионах Северо-Западного федерального округа в 2017–2021 гг. Проведенный анализ свидетельствует, что значения и тренды показателей инвалидности населения Вологодской области близки к средним значениям по федеральному округу. В то же время регион обладает некоторыми специфическими чертами, характеризующими возрастную структуру детской инвалидности и участие инвалидов в трудовой деятельности. В частности, если в России и Северо-Западном федеральном округе максимальный прирост численности детей-инвалидов в 2017–2021 гг. регистрировался среди подростков 15–17 лет, то в Вологодской области наиболее значительно возросла численность группы 8–14 лет. В регионе доля инвалидов второй группы

Для цитирования: Нацун Л.Н. (2022). Особенности инвалидности населения Вологодской области в 2017–2021 гг. // Проблемы развития территории. Т. 26. № 1. С. 93–109. DOI: 10.15838/ptd.2022.1.117.7

For citation: Natsun L.N. (2022). Statistical analysis of disability of the Vologda Oblast population in 2017–2021. *Problems of Territory's Development*, 26 (1), 93–109. DOI: 10.15838/ptd.2022.1.117.7

среди работающих инвалидов трудоспособного возраста существенно ниже, чем в среднем по России и большинстве регионов Северо-Западного федерального округа. Этот факт указывает, что в области меньше возможностей для трудоустройства инвалидов, нуждающихся в специальных условиях труда или оборудованных рабочих местах. Учет названных особенностей позволяет более точно определить ключевые направления профилактики инвалидности в регионе, а также мероприятия по содействию трудоустройству инвалидов.

Инвалидность, группы инвалидности, численность инвалидов, структура инвалидности, региональные особенности инвалидности.

Введение

Инвалидность служит одной из основных характеристик состояния общественного здоровья. На фоне увеличения ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) в мире растет среднее число лет, прожитых с инвалидностью¹. По данным Всемирной организации здравоохранения, значительная часть жизни в странах с высоким показателем ее продолжительности приходится на годы, прожитые с инвалидностью². Утрата здоровья в пожилом возрасте выступает одним из основных факторов, препятствующих росту ожидаемой продолжительности здоровой жизни (ОПЗЖ). Негативные процессы в общественном здоровье, спровоцированные пандемией COVID-19, проявились, в том числе, в сокращении прироста показателей ОПЖ и ОПЗЖ, что поставило перед мировым сообществом вопрос достижения целей в области устойчивого развития³. Прямым демографическим последствием пандемии стала избыточная смертность, которую фиксировали во многих странах мира (Землянова, Иванова, 2020; García-Guerrero, Beltrán-Sánchez, 2021; Vanella et al., 2021; Wilson et al., 2021). Российские авторы отмечают негативное воздействие пандемии на продолжительность жизни населения (Иванова, 2020). В то же время зарубежные исследования наглядно демонстрируют, что пандемия COVID-19 в большей степени повлияла на увеличение абсолютных пока-

зателей смертности в европейских странах, нежели на рост показателя потерянных лет жизни, поскольку большая часть летальных исходов пришлось на старшие возрастные группы населения (Vieira et al., 2021). Причем данные исследования, проведенного на примере двух канадских провинций, свидетельствуют, что среди пожилых наиболее уязвимыми оказались те, кто проживал в домах престарелых, а не в частных домохозяйствах (Décarie, Michaud, 2021).

Эксперты прогнозируют сохранение в последующие годы негативных последствий пандемии, несмотря на снижение регистрируемых показателей заболеваемости и смертности. Ущерб для общества будет обусловлен в основном отрицательным влиянием снижения доступности плановой и профилактической медицинской помощи, ухудшения условий жизни семей, снижения качества образования на психическое и физическое здоровье населения (Кислицына, 2021).

Проблема инвалидизации населения в старших возрастах имеет социально-экономические эффекты, которые нуждаются в регулировании со стороны власти. Так, в европейских странах на фоне роста продолжительности жизни населения обсуждаются вопросы повышения возраста выхода на пенсию по старости. Однако в последнее время в контексте исследований групп риска, наиболее пострадавших в период пандемии,

¹ Инвалидность: инф. бюл. Цели в области устойчивого развития: задачи в области здравоохранения // Европейское бюро Всемирной организации здравоохранения. URL: https://www.euro.who.int/_data/assets/pdf_file/0006/426219/SDF_factsheet-disability-Rus.pdf (дата обращения 11.10.2021).

² Инвалидность. Проект Глобального плана ВОЗ по инвалидности на 2014–2021 гг.: Лучшее здоровье для всех людей с инвалидностью. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/175505/B134_16-ru.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения 11.10.2021).

³ По данным ВОЗ, продолжительность жизни и уровень здоровья людей повысились, однако существует риск потерять достигнутые позиции из-за COVID-19 // Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/news/item/13-05-2020-people-living-longer-and-healthier-lives-but-covid-19-threatens-to-throw-progress-off-track> (дата обращения 11.10.2021).

исследователи вновь обращают внимание на неравенство в здоровье и уязвимое положение пожилых людей. Рассматривается связь между утратой здоровья в пожилом возрасте и социальным статусом (Bernardi et al., 2021). В частности, обосновывается, что в старших возрастах высокий уровень образования сопряжен с высокой экономической активностью и лучшими показателями здоровья по сравнению с низким уровнем образования (Weber, Loichinger, 2020).

В ближайшем будущем эксперты прогнозируют рост инвалидности среди российского населения старше 60 лет (Васин, 2017). Для людей инвалидность часто сопряжена с риском социального исключения, бедности и одиночества⁴. Негативным последствием инвалидизации населения для общества в целом становится нарастание так называемого «бремени инвалидности», включающего экономические издержки, которые несут сами инвалиды и их семьи, а также потери государства, связанные с ростом расходов на выплату пенсий, пособий и льгот, оплату труда обслуживающего персонала, осуществляющего уход за инвалидами (Шабунова и др., 2014).

Инвалидность не является проблемой, сопровождающей исключительно население старших возрастов. В России на протяжении последних лет растет общая численность детей-инвалидов и увеличивается их удельный вес в составе общего контингента инвалидов⁵. Причины регистрируемого тренда связаны с общим неудовлетворительным состоянием здоровья детского населения. Высокая детская инвалидность отчасти обусловлена реализацией рисков врожденных аномалий и пороков развития у недоношенных детей (Авилов и др., 2017). Их число и выживаемость в последние годы возросли благодаря применению более совершенных технологий выхаживания таких младенцев. В старших возрастах детей ведущее место среди причин инвалидности занимает такой класс болезней, как психические расстрой-

ства и расстройства поведения (Яковлева и др., 2018). Дополнительные риски для психического здоровья детей школьного возраста сформировались в период пандемии коронавирусной инфекции, которая отрицательно повлияла на текущее самочувствие детей, переведенных на дистанционное обучение. Эксперты прогнозируют, что негативный эффект этого периода будет отражаться на здоровье подрастающего поколения и в последующие годы (Кислицына, 2021). В связи с ростом детской инвалидности актуализируются задачи в области профилактики наследственных рисков ее развития, а также ранней диагностики и лечения потенциально инвалидизирующих заболеваний у детей.

Инвалидность в трудоспособных возрастах также является серьезным вызовом для общества, поскольку отрицательно влияет на качество жизни. В ее профилактике ведущая роль принадлежит первичному звену здравоохранения и повышению медицинской активности самого населения (Белова, Дюльдин, 2015). Оценка рисков инвалидности, проведенная отечественными авторами, показывает, что вероятность стать инвалидом для россиян заметно повышается после 50 лет, а после 60 лет достигает 3–4%, причем более высокие риски сопровождают представителей отдельных профессиональных групп (Кучмаева и др., 2020). Эти факты свидетельствуют о необходимости реализации профилактических мероприятий, ориентированных на защиту здоровья населения непосредственно на рабочих местах.

Материалы и методы

В работах отечественных исследователей проблема инвалидности рассматривается в общем контексте здоровья населения России, федеральных округов (Веригина и др., 2018; Сидорова, 2018; Коврижных, Запарий, 2018; Запарий и др., 2019; Дымочка и др., 2017) и их субъектов (Кароль и др., 2017; Заславский, Пенина, 2017). Наиболее разработанным направлением исследований применительно

⁴ Всемирный доклад об инвалидности: резюме // Всемирная организация здравоохранения, Всемирный банк. Женева, 2011. 28 с. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/87365/WHO_NMH_VIP_11.04_rus.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения 08.10.2021).

⁵ ФГИС ФРИ. URL: <https://sfri.ru/analitika/chislennost/chislennost-detei/chislennost-detei-po-vozzrastu?territory=1>

к субъектам Северо-Западного федерального округа является анализ структуры инвалидности в разрезе ее причин (Заславский, Пенина, 2018; Кантемирова и др., 2018).

Уровень общей инвалидности населения в Северо-Западном федеральном округе в относительном выражении сопоставим со среднероссийским. В период 2000–2018 гг. зафиксированы колебания показателя первичной инвалидности. Его пик отмечался в 2005 году в связи с ростом числа обращений граждан за установлением инвалидности. Северо-Западный федеральный округ в 2016–2017 гг. занимал седьмое ранговое место по величине показателя первичного выхода взрослого населения на инвалидность, однако наблюдался небольшой прирост данного показателя в расчете на 10000 человек населения. В разрезе причин наибольший вклад в первичную инвалидность взрослого населения вносили, как и в других федеральных округах, злокачественные новообразования. Показатель первичного выхода на инвалидность по этой группе причин также демонстрировал рост (Веригина и др., 2018). Детская инвалидность в Северо-Западном федеральном округе в 2015–2016 гг. росла, причем темп прироста оказался максимальным в Ленинградской области, а минимальным – в Мурманской и Архангельской областях (Дымочка и др., 2017).

Занятость значительной части работающего населения на промышленных предприятиях повышает риск профессиональных заболеваний и производственного травматизма. В Архангельской области в 2000–2011 гг. среди населения трудоспособного возраста травмы выступали третьей по числу новых случаев инвалидности группой причин – на их долю приходилось 6,3 случая инвалидности на 10000 человек (Варакина и др., 2013). В 2016 году производственные травмы вносили наибольший вклад в первичную инвалидность, обусловленную производственными факторами (Бедарева и др., 2021). Профессиональные заболевания в целом по Северо-Западному федеральному округу в 2015 году обусловили возникновение 72 случаев инвалидности (0,1 случая на 10000 чел. взрослого населения). Хотя в относительном выражении показатель был низким, тяжесть

инвалидности (доля инвалидов 1 и 2 групп) – заметно выше среднероссийского уровня (Дымочка и др., 2017).

Несмотря на наличие большого числа работ, посвященных анализу отдельных показателей инвалидности населения субъектов Северо-Западного федерального округа, рассмотренные исследования не охватывают современный период, следовательно, не позволяют оценить новейшие тренды и определить, оказала ли пандемия коронавирусной инфекции воздействие на показатели инвалидности населения. Этим обусловлена актуальность нашей работы.

Цель исследования – выявление особенностей инвалидности населения в Вологодской области на фоне ситуации в регионах Северо-Западного федерального округа в 2017–2021 гг.

Задачи исследования:

1) провести анализ основных показателей, характеризующих инвалидность детского и взрослого населения, в регионах Северо-Западного федерального округа (СЗФО) и России в целом за период 2017–2021 гг.;

2) сопоставить значения и динамику показателей, характеризующих структуру контингентов занятых инвалидов трудоспособного возраста в разрезе групп инвалидности в регионах СЗФО в период 2017–2021 гг., выделить особенности, присущие Вологодской области.

Информационную базу составили данные Федеральной службы государственной статистики, открытые данные информационной системы «Федеральный реестр инвалидов», а также публикации отечественных и зарубежных специалистов по тематике исследования.

Результаты и обсуждение

Региональные особенности инвалидизации населения требуют пристального внимания в нескольких аспектах. Мониторинг причин первичного выхода на инвалидность необходим для определения потребностей населения в специализированной медицинской помощи и наиболее востребованных направлений медицинской профилактики инвалидизирующих заболеваний в разных возрастных группах пациентов. Знание тенденций

инвалидизации нужно и в сфере социальной работы. Инвалиды – одна из наиболее сложных категорий среди получателей социальных услуг, поскольку имеют специфические потребности как в части организации ухода в условиях специализированных учреждений, так и домашнего обслуживания. Следует регулировать обеспечение инвалидов лекарственными препаратами и средствами реабилитации. Инвалиды являются неоднородной категорией с точки зрения потенциала участия в трудовой деятельности. Среди них есть те, кто сохранил способность и желание работать. Содействие трудоустройству таких людей предполагает учет их индивидуальных особенностей, а также возможностей регионального рынка труда по предоставлению рабочих мест, подходящих для трудоустройства инвалидов.

В регионах Северо-Западного федерального округа в 2017–2021 гг. показатели общей инвалидности населения как в абсолютном, так и в относительном выражении снижались. Только в Мурманской области доля инвалидов в составе населения в течение рассматриваемого периода осталась неизменной и самой низкой среди регионов федерального округа (4,2%). Условия пандемии не повлияли на устойчивость тренда снижения общей численности инвалидов и их доли в составе населения на остальных территориях. Вологодская область имеет характеристики масштабов инвалидности населения, сходные со средними по России и СЗФО. В составе населения региона на долю инвалидов приходится 8,4%, в России – 8,0%, СЗФО – 8,8% (табл. 1).

Таблица 1. Масштабы инвалидности населения России, СЗФО и его регионов

Показатель	2017 год*	2018 год	2019 год	2020 год	2021 год	Прирост, %
Общая численность инвалидов, чел.						
Россия	12271085	12111388	11947754	11876925	11632958	-5,2
СЗФО	1359025	1326667	1294900	1264757	1222005	-10,1
Республика Карелия	68344	63950	64385	63339	60900	-10,0
Республика Коми	68121	63516	65520	65168	61858	-6,4
Архангельская обл.	93149	87456	90421	89951	85552	-5,4
Ненецкий авт. округ	3128	2908	3138	3168	2935	-0,6
Вологодская обл.	109930	101642	102126	99421	94470	-12,4
Калининградская обл.	76368	71576	73726	72259	68487	-7,5
г. Санкт-Петербург	637277	605169	606727	591665	572401	-10,6
Ленинградская обл.	150857	142770	145036	139122	134703	-13,1
Мурманская обл.	32171	28836	30673	31162	28499	-4,3
Новгородская обл.	66795	62099	62298	59209	56679	-14,1
Псковская обл.	52885	49306	50850	50293	47543	-6,8
Доля инвалидов в составе населения, %						
Россия	8,4	8,2	8,1	8,1	8,0	-0,4
СЗФО	9,8	9,5	9,3	9,0	8,8	-1,0
Республика Карелия	10,9	10,7	10,4	10,3	10,1	-0,8
Республика Коми	8,0	7,9	7,9	7,9	7,8	-0,2
Архангельская обл.	8,3	8,3	8,2	8,2	8,1	-0,2
Ненецкий авт. округ	7,1	7,1	7,2	7,2	7,0	-0,1
Вологодская обл.	9,3	9,0	8,7	8,6	8,4	-0,9
Калининградская обл.	7,7	7,5	7,4	7,1	6,9	-0,8
г. Санкт-Петербург	12,1	11,6	11,3	11,0	10,6	-1,5
Ленинградская обл.	8,4	8,1	7,8	7,4	6,9	-1,5
Мурманская обл.	4,2	4,2	4,1	4,2	4,2	0,0
Новгородская обл.	10,9	10,6	10,4	9,9	9,7	-1,2
Псковская обл.	8,2	8,1	8,1	8,0	7,9	-0,3

* Данные по состоянию на 01.02.2017. За остальные периоды – по состоянию на 1 января года.
 Источники: ФГИС ФРИ. URL: <https://sfri.ru>; Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284>

Рис. 1. Возрастная структура контингента инвалидов, % от общей численности

Источник: ФГИС ФПИ. URL: <https://sfri.ru>

Возрастная структура контингента инвалидов и в России, и в Вологодской области по состоянию на 2021 год характеризуется преобладанием лиц старше 60 лет. На детей приходится 6% общей численности российских инвалидов и 4% инвалидов, проживающих в Вологодской области (рис. 1).

Классами заболеваний, которые определяют максимальное число случаев первичного выхода на инвалидность среди населения в Вологодской области, регионах СЗФО и России в целом, выступают злокачественные новообразования и болезни системы кровообращения⁶.

Детская инвалидность

Несмотря на то, что основную часть контингента российских инвалидов формируют лица старшей возрастной группы (от 60 лет и старше), наблюдается устойчивое увеличение доли детей среди инвалидов. В период с 2017 по 2021 год численность детей-инвалидов выросла в России и Вологодской области на 12%, Северо-Западном федеральном округе – на 14%. Однако динамика прироста показателя в возрастных группах детей в регионе отличалась от ситуации в России и Северо-Западном федеральном округе. Если в России и СЗФО максимальный прирост численности инвалидов регистрировался среди подростков 1–17 лет, то в Вологодской области наиболее значительно увеличилась численность инвалидов в возрасте 8–14 лет (табл. 2).

Удельный вес детской инвалидности в общем контингенте инвалидов по России на январь 2021 года составлял 6,0%, в Северо-Западном федеральном округе – 4,2%, в Вологодской области – 5,3%. На всех рассматриваемых территориях значения показателя за период наблюдения выросли. Среди регионов СЗФО по состоянию на 1 января 2021 года максимальная численность детей-инвалидов зафиксирована в городе Санкт-Петербурге и Вологодской области. В период 2017–2021 гг. во всех субъектах федерального округа, за исключением Ленинградской области, росла численность детей-инвалидов. При этом максимальная доля детей в составе общего контингента инвалидов на протяжении всего периода отмечалась в Мурманской области, а минимальная в разные годы – в городе Санкт-Петербурге и Ленинградской области (табл. 3).

Ведущие причины детской инвалидности в России и Вологодской области одинаковы. Это психические расстройства и расстройства поведения, болезни нервной системы, а также врожденные аномалии, деформации и хромосомные нарушения. В регионе наблюдается прирост детской инвалидности, обусловленной психическими расстройствами и врожденными аномалиями. В отличие от общероссийской картины, в Вологодской области в 2017–2020 гг. произошло снижение показателей детской ин-

⁶ Здравоохранение в России – 2019. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_34/Main.htm

Таблица 2. Возрастная структура детской инвалидности в 2017–2021 гг.

Показатель	2017 год*	2018 год	2019 год	2020 год	2021 год	Прирост, %
Общая численность детей-инвалидов, чел.						
Россия	630212	651122	670086	688023	703969	11,7
0–3 года	65914	65044	61790	58980	53678	-18,6
4–7 лет	151778	154391	155490	155408	154129	1,5
8–14 лет	298087	310990	323360	335160	351444	17,9
15–17 лет	114433	120697	129446	138475	144718	26,5
СЗФО	45435	47439	49247	50547	51872	14,2
0–3 года	5467	5477	5248	4977	4436	-18,9
4–7 лет	11042	11637	12095	12335	12236	10,8
8–14 лет	20571	21407	22316	23131	24805	20,6
15–17 лет	8355	8918	9588	10104	10395	24,4
Вологодская область	4565	4653	4707	4931	5121	12,2
0–3 года	591	574	559	526	506	-14,4
4–7 лет	1048	1123	1109	1208	1171	11,7
8–14 лет	2021	1990	2057	2194	2440	20,7
15–17 лет	905	966	982	1003	1004	10,9

* Данные по состоянию на 01.02.2017. За остальные периоды – по состоянию на 1 января года.
Источники: ФГИС ФРИ. URL: <https://sfri.ru/analitika/chislennost/chislennost-detei/chislennost-detei-po-vozzrastu?territory=1>; Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284>

Таблица 3. Детская инвалидность в регионах СЗФО

Показатель	2017 год*	2018 год	2019 год	2020 год	2021 год	Прирост, %
Численность детей-инвалидов, чел.						
Россия	630212	651122	670086	688023	703969	11,7
СЗФО	45435	47439	49247	50547	51872	14,2
Республика Карелия	2264	2369	2406	2465	2595	14,6
Республика Коми	3223	3326	3341	3365	3375	4,7
Архангельская обл.	4357	4446	4492	4606	4701	7,9
Ненецкий авт. округ	187	194	216	229	233	24,6
Вологодская обл.	4565	4653	4707	4931	5121	12,2
Калининградская обл.	3199	3377	3556	3745	3894	21,7
г. Санкт-Петербург	15686	16645	17658	19113	21001	33,9
Ленинградская обл.	4665	4893	5064	4198	2827	-39,4
Мурманская обл.	2492	2573	2620	2728	2793	12,1
Новгородская обл.	2433	2480	2599	2437	2491	2,4
Псковская обл.	2364	2483	2588	2730	2841	20,2
Доля детей в составе общего контингента инвалидов, %						
Россия	5,14	5,38	5,61	5,79	6,05	0,92
СЗФО	3,34	3,58	3,80	4,00	5,32	0,90
Республика Карелия	3,31	3,57	3,74	3,89	4,22	0,91
Республика Коми	4,73	4,98	5,10	5,16	5,29	0,56
Архангельская обл.	4,68	4,84	4,97	5,12	5,33	0,65
Ненецкий авт. округ	5,98	6,25	6,88	7,23	7,49	1,51
Вологодская обл.	4,15	4,38	4,61	4,96	5,32	1,17
Калининградская обл.	4,19	4,51	4,82	5,18	5,51	1,32
г. Санкт-Петербург	2,46	2,68	2,91	3,23	3,68	1,22
Ленинградская обл.	3,09	3,31	3,49	3,02	2,16	-0,94
Мурманская обл.	7,75	8,19	8,54	8,75	9,07	1,33
Новгородская обл.	3,64	3,84	4,17	4,12	4,34	0,70
Псковская обл.	4,47	4,79	5,09	5,43	5,77	1,30

* Данные по состоянию на 01.02.2017. За остальные периоды – по состоянию на 1 января года.
Источники: ФГИС ФРИ. URL: <https://sfri.ru/analitika/chislennost/chislennost-detei/chislennost-detei-po-vozzrastu?territory=1>; Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284>

валидности, обусловленной заболеваниями нервной системы (табл. 4).

Таблица 4. Ведущие причины детской инвалидности в России и Вологодской области, чел.

	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год	Прирост, %
Все болезни					
Россия	568523	586855	605017	621083	9
Вологодская область	4611	4622	4719	4808	4
Психические расстройства и расстройства поведения					
Россия	150673	158090	165531	170465	13
Вологодская область	1062	1025	1086	1145	8
Болезни нервной системы					
Россия	137972	142906	146106	148958	8
Вологодская область	1055	1074	1056	985	-7
Врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения					
Россия	95024	95648	96967	99664	5
Вологодская область	911	935	920	929	2

Источник: Дети-инвалиды по заболеваниям, обусловившим возникновение инвалидности. Семья, материнство и детство. Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/family/3-17.xlsx

Ситуацию с детской инвалидностью в Вологодской области можно охарактеризовать как относительно стабильную. За период 2017–2021 гг. не произошло заметного увеличения доли инвалидов в составе детского населения, несмотря на прирост абсолютного показателя численности детей-инвалидов. Значение показателя доли инвалидов в составе детского населения региона (2,07%) несколько превышает среднее значение по Северо-Западному федеральному округу (1,94%), но уступает среднероссийскому (2,32%). Близкие значения показателя среди регионов СЗФО регистрируются в Республике Карелии (2,08%), Архангельской (2,11%) и Новгородской (2,13%) областях. Динамика показателей детской инвалидности сходна во всех регионах СЗФО, за исключением Ленинградской области. Наибольший (в относительном выражении) прирост численности детей-инвалидов в 2017–2021 гг. произошел в Санкт-Петербурге (+34%), Ненецком автономном округе (+25%) и Калининградской области (+22%). Наименьший прирост по-

казателя зафиксирован в Новгородской области (2%), Республике Коми (5%) и Архангельской области (8%; табл. 5).

Таблица 5. Сравнительная характеристика динамики основных показателей детской инвалидности в регионах СЗФО

Показатель	1	2	3	4
Россия	11,7	0,92	0,19	2,32
СЗФО	14,2	0,90	0,15	1,94
Республика Карелия	14,6	0,91	0,28	2,08
Республика Коми	4,7	0,56	0,14	1,85
Архангельская обл.	7,9	0,65	0,21	2,11
Ненецкий авт. округ	24,6	1,51	0,38	1,94
Вологодская обл.	12,2	1,17	0,22	2,07
Калининградская обл.	21,7	1,32	0,24	1,94
г. Санкт-Петербург	33,9	1,22	0,36	2,18
Ленинградская обл.	-39,4	-0,94	-0,71	0,86
Мурманская обл.	12,1	1,33	0,22	1,84
Новгородская обл.	2,4	0,70	0,05	2,13
Псковская обл.	20,2	1,30	0,41	2,46

Обозначения: 1 – процентный прирост численности детей-инвалидов в период 2017–2021 гг.; 2 – прирост доли детей-инвалидов в составе общего контингента инвалидов в 2017–2021 гг.; 3 – прирост доли инвалидов в составе детского населения в 2017–2021 гг.; 4 – доля инвалидов в составе детского населения по состоянию на 1 января 2021 года, %.
Источник: ФГИС ФРИ. URL: <https://sfri.ru/analitika/chislennost/chislennost-detei/chislennost-detei-po-vozzrastu?territory=1>

Представленные данные свидетельствуют о том, что в регионах СЗФО сложилась однородная картина детской инвалидности, основными характеристиками которой выступают невысокий уровень инвалидизации детского населения (доля инвалидов среди детей не более 2,5%), слабый рост показателей абсолютной численности детей-инвалидов, доли детей в общей возрастной структуре контингента инвалидов, а также доли инвалидов в составе детского населения. Вологодская область следует указанным обобщенным трендам и не выделяется среди других регионов СЗФО. Единственной особенностью Вологодской области на фоне федерального округа и России в целом выступает то, что максимальный прирост численности инвалидов регистрировался в рассматриваемый период не среди подростков 15-17 лет, а среди детей 8–14 лет.

Инвалидность взрослого населения

Регионы Северо-Западного федерального округа имеют сходные возрастные профили инвалидности, в которых преобладают лица старше 60 лет. Несколько выделяется на фоне других субъектов город Санкт-Петербург. Здесь доля лиц старшей возрастной группы достигает 78,6%, тогда как в среднем по СЗФО значение составляет 72,2%. Наименее представлены лица в возрасте 60 лет и старше в структуре контингента инвалидов Республики Коми (59,1%) и Мурманской области (58,3%). Что касается инвалидности трудоспособного населения, то ситуация в регионах округа отличается незначительно. Прирост численности инвалидов трудоспособного возраста разной степени выраженности наблюдался практически во всех регионах федерального округа, за исключением Новгородской и Ленинградской областей. Представленность данной возрастной группы в составе контингента инвалидов увеличилась во всех

регионах, а в составе населения трудоспособного возраста выросла повсеместно, кроме Ленинградской и Калининградской областей. По состоянию на 1 января 2021 года доля инвалидов трудоспособного возраста в составе населения той же возрастной группы в регионах СЗФО не превышала 5,5%. В то же время эта категория составляла до 40% контингента взрослых инвалидов (табл. 6).

Приведенные сведения позволяют сделать ряд обобщений. В регионах Северо-Западного федерального округа сформировались относительно устойчивые возрастные профили инвалидности, характеризующиеся преобладанием лиц старших возрастов. Это делает укрепление здоровья пожилых приоритетным направлением профилактики инвалидности взрослого населения. Лица трудоспособного возраста широко представлены среди взрослых инвалидов в большинстве регионов СЗФО (от 19 до 40%). Причем на фоне прироста численности инвалидов трудоспособного возраста

Таблица 6. Сравнительная характеристика динамики основных показателей инвалидности взрослого населения в регионах СЗФО

Показатель	1	2	3	4	5	6
Россия	6,8	4,3	0,4	4,7	35,2	62,2
СЗФО	5,6	4,0	0,2	3,8	25,7	72,2
Республика Карелия	8,6	4,9	0,6	4,9	27,4	70,9
Республика Коми	0,8	2,9	0,3	5,0	38,6	59,1
Архангельская обл.	5,9	3,4	0,4	4,2	30,0	68,1
Ненецкий авт. округ	9,7	4,0	0,4	4,2	36,7	60,4
Вологодская обл.	2,1	4,5	0,3	4,4	29,8	68,1
Калининградская обл.	3,2	3,7	0,0	3,7	32,0	65,5
г. Санкт-Петербург	11,3	4,0	0,4	3,5	19,5	78,6
Ленинградская обл.	-2,1	2,8	-0,3	3,2	27,5	69,9
Мурманская обл.	11,5	6,1	0,4	2,6	39,6	58,3
Новгородская обл.	-3,2	3,5	0,1	5,2	29,8	67,6
Псковская обл.	6,5	5,0	0,5	5,1	36,4	61,6

Обозначения: 1 – процентный прирост численности инвалидов трудоспособного возраста в период 2017–2021 гг.; 2 – прирост доли инвалидов трудоспособного возраста в составе общего контингента инвалидов в 2017–2021 гг.; 3 – прирост доли инвалидов трудоспособного возраста в составе населения той же возрастной группы в 2017–2021 гг.; 4 – доля инвалидов в составе населения трудоспособного возраста по состоянию на 1 января 2021 года, %; 5 – доля лиц трудоспособного возраста среди взрослых инвалидов по состоянию на 1 января 2021 года, %; 6 – доля инвалидов в возрасте 60 лет и старше в структуре контингента взрослых инвалидов, %.

Источник: рассчитано автором на основе данных о численности инвалидов (ФГИС ФПИ. URL: <https://sfri.ru/analitika/chislennost/chislennost-detei/chislennost-detei-po-vozzrastu?territory=1>) и численности населения (Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284>).

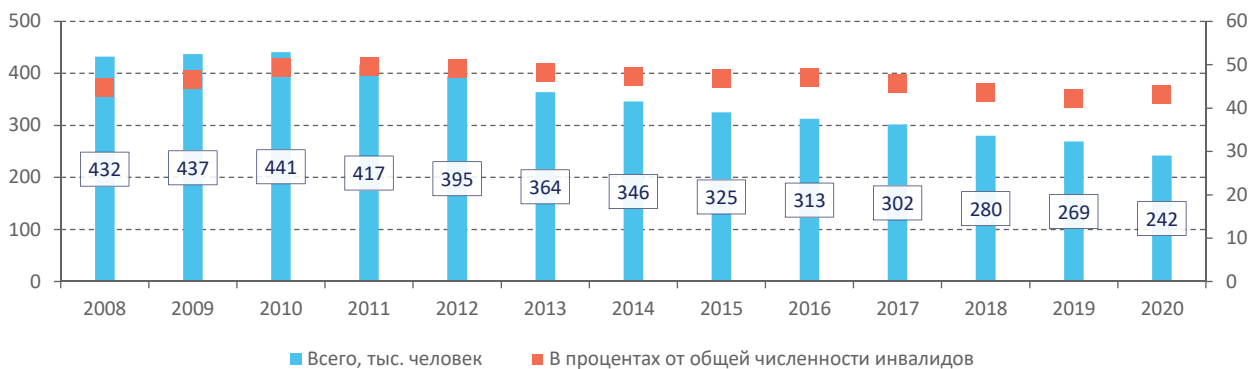

Рис. 2. Первичный выход на инвалидность населения в трудоспособном возрасте (Российская Федерация)

Источник: Численность лиц, впервые признанных инвалидами // Положение инвалидов. ФСГС. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/3PQyZx88/2-2.xlsx>

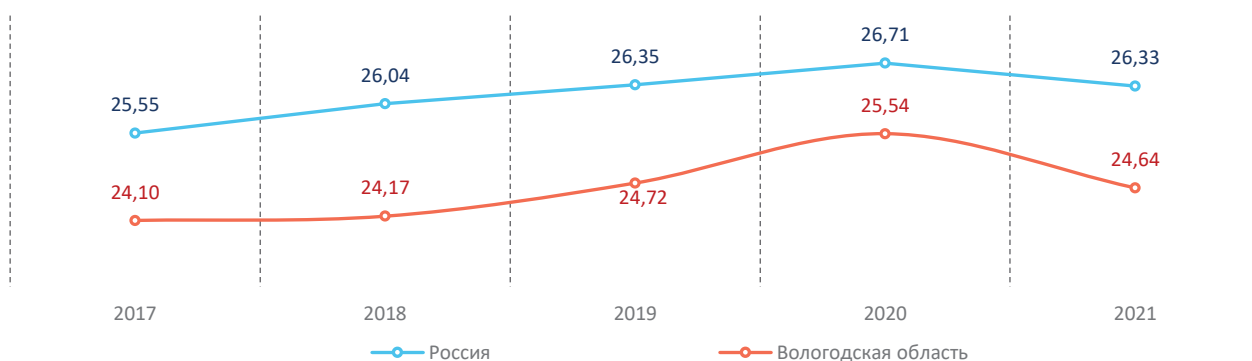

Рис. 3. Доля работающих инвалидов трудоспособного возраста, %

Источник: ФГИС ФРИ. URL: <https://sfri.ru/analitika/zanyatost/zanyatost/zanyatost-v-razreze-sub-ektov?territory=1>

наблюдается слабое увеличение их удельного веса в общей численности взрослых инвалидов, а также небольшой рост показателя инвалидизации трудоспособного населения (см. табл. 6). В совокупности эти факты свидетельствуют, что в перспективе потребность в эффективных мерах по содействию трудоустройству инвалидов, желающих работать, как минимум не снизится.

Показатель первичного выхода трудоспособного населения на инвалидность в России в целом в относительном выражении (доля в общей численности инвалидов) остается в рассматриваемый период стабильным. В то же время в абсолютном выражении его значения снижаются начиная с 2010 года (рис. 2).

Участие инвалидов в трудовой деятельности

Уровень занятости инвалидов трудоспособного возраста с 2017 по 2021 год вырос незначительно и в 2021 году составил 26,3% в целом по России и 24,64% в Вологодской области (рис. 3). При этом, по данным Росстата, уровень безработицы инвалидов в 2020 году равнялся 21,4% и превышал показатель для населения в целом (6,1%) в 3,5 раза⁷. Доля инвалидов, нашедших работу после обращения в службу занятости населения, в 2020 году составила только 38% по России в целом и 49% в Вологодской области⁸.

Общая численность работающих инвалидов трудоспособного возраста за 2017–2021 гг. выросла в России на 10% (1013294 человек

⁷ Показатели занятости и безработицы лиц в трудоспособном возрасте, имеющих инвалидность // Положение инвалидов / ФСГС. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/9LnGqoIS/4-9.docx>

⁸ Численность граждан, относящихся к категории инвалидов, обратившихся за содействием в поиске подходящей работы в органы службы занятости населения // Положение инвалидов / ФСГС. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/grevYvAr/4-2.doc>

на 1 января 2021 года), в Вологодской области – на 4% (6694 человек на 1 января 2021 года). По состоянию на 1 января 2021 года большинство занятых инвалидов трудоспособного возраста и в России, и в Вологодской области имели третью группу инвалидности. По сравнению с общероссийской ситуацией доля лиц со второй группой инвалидности была значительно ниже среди работающих инвалидов в регионе (рис. 4).

Распределение работающих инвалидов по группам инвалидности, сложившееся в большинстве субъектов Северо-Западного

федерального округа, в целом более приближено к общероссийской картине, чем к ситуации в Вологодской области. Только в Республике Коми и Архангельской области распределение работающих инвалидов трудоспособного возраста по группам инвалидности имеет большее сходство с картиной, наблюдающейся в Вологодской области. Но даже в этих двух регионах удельный вес лиц со второй группой инвалидности в численности работающих инвалидов трудоспособного возраста выше, чем в Вологодской области (табл. 7).

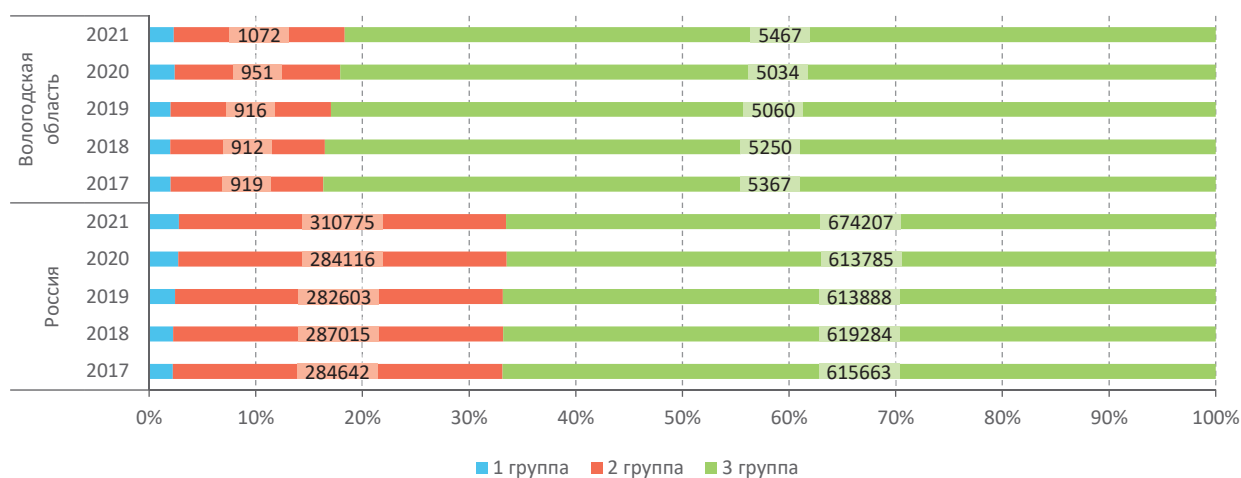

Рис. 4. Распределение работающих инвалидов трудоспособного возраста по группам инвалидности, чел.

Источник: ФГИС ФРИ. URL: <https://sfri.ru/analitika/zanyatost/zanyatost/zanyatost-v-razreze-sub-ektov?territory=1>

Таблица 7. Доля инвалидов второй и третьей групп среди работающих инвалидов трудоспособного возраста, %

Год	2017		2018		2019		2020		2021	
	2-я	3-я	2-я	3-я	2-я	3-я	2-я	3-я	2-я	3-я
Россия	30,9	66,9	31,0	66,8	30,8	66,8	30,8	66,5	30,7	66,5
СЗФО	28,4	69,1	28,5	68,9	28,7	68,4	28,4	68,3	28,9	67,6
Республика Карелия	18,7	78,5	18,8	78,5	19,1	77,0	20,4	75,2	21,7	73,9
Республика Коми	17,9	80,0	18,5	79,3	18,3	79,4	18,3	79,5	19,4	78,0
Архангельская обл.	17,0	80,4	17,7	79,6	17,6	79,3	17,5	79,1	18,6	78,0
Ненецкий авт. округ	22,5	75,7	25,0	73,4	26,3	72,2	28,8	69,3	22,6	75,6
Вологодская обл.	14,3	83,7	14,5	83,5	15,0	83,0	15,5	82,1	16,0	81,7
Калининградская обл.	24,6	72,7	24,6	72,5	24,6	72,4	24,2	72,8	24,3	72,5
г. Санкт-Петербург	37,6	59,8	37,7	59,6	37,6	59,4	37,0	59,3	37,3	58,8
Ленинградская обл.	29,7	68,1	29,6	68,2	29,4	68,2	28,6	68,7	28,7	68,5
Мурманская обл.	19,2	75,6	19,1	75,6	21,2	72,6	21,8	71,7	22,4	71,1
Новгородская обл.	21,4	76,8	21,4	76,9	21,0	76,9	21,0	76,1	21,3	75,8
Псковская обл.	19,6	77,9	19,5	77,6	19,8	77,0	19,9	76,5	21,0	75,8

Источник: Занятость инвалидов в трудоспособном возрасте в разрезе субъектов РФ // ФГИС ФРИ. URL: <https://sfri.ru/analitika/zanyatost/zanyatost/zanyatost-v-razreze-sub-ektov?territory=1>

Заключение

Рассмотренные статистические показатели инвалидности населения Вологодской области демонстрируют сходство ситуации, сложившейся на данной территории, с картиной, характерной для большинства субъектов Северо-Западного федерального округа. Тем не менее удалось выделить некоторые региональные особенности инвалидности. Показано, что в регионе среди работающих инвалидов заметно ниже доля лиц со второй группой инвалидности, чем в среднем по России и СЗФО. Доля инвалидов, занятых в экономике, в Вологодской области и Российской Федерации была невысокой на фоне низких показателей результативности обращений безработных инвалидов в службу занятости за содействием в трудоустройстве. Рост доли лиц с третьей группой инвалидности в составе контингента инвалидов, сохранение высокой представленности инвалидов трудоспособного возраста в общем контингенте инвалидов определяют необходимость разработки на региональном уровне эффективных мер по содействию трудоустройству инвалидов, способных и желающих работать. Ведущие причины взрослой и детской инвалидности в Вологодской области и по России в целом совпадают. Региональными особенностями являются незначительное снижение детской инвалидности, обусловленной болезнями нервной системы, а также динамика показателей инвалидности в разрезе возрастных групп детей, отличающаяся от общероссийской.

Проведенное исследование позволило сделать ряд обобщений.

1. Условия пандемии не повлияли на устойчивость тренда снижения общей численности инвалидов и их доли в составе населения регионов Северо-Западного федерального округа. Вологодская область в пе-

риод 2017–2021 гг. демонстрировала характеристики масштабов инвалидности населения, сходные со средними по России и СЗФО.

2. Во всех регионах Северо-Западного федерального округа в 2017–2021 гг. регистрировался рост численности детей-инвалидов и увеличение их удельного веса в возрастной структуре контингента инвалидов. В отличие от России и СЗФО максимальный прирост численности детей-инвалидов в Вологодской области зафиксирован не среди подростков 15–17 лет, а в категории детей 8–14 лет.

3. В 2017–2021 гг. в регионах Северо-Западного федерального округа регистрировалась убыль абсолютного числа взрослых инвалидов. При этом происходило увеличение численности инвалидов трудоспособного возраста на фоне роста их доли в численности взрослых инвалидов, а также в составе населения трудоспособного возраста. Эти факты актуализируют потребности регионов в разработке эффективных мер по содействию трудоустройству инвалидов, способных и желающих работать.

4. В Вологодской области доля лиц со второй группой инвалидности среди работающих инвалидов трудоспособного возраста в 2021 году была заметно ниже, чем в среднем по России и Северо-Западному федеральному округу. Данное соотношение указывает, что в отличие от других регионов СЗФО рынок труда в Вологодской области предоставляет инвалидам второй группы меньше возможностей для трудоустройства.

Таким образом, проведенное исследование позволило уточнить представления о масштабах и динамике инвалидности населения Вологодской области в период последних пяти лет на фоне ситуации в других субъектах Северо-Западного федерального округа.

ЛИТЕРАТУРА

- Авилов О.В., Косымов Э.А., Ванин Е.Ю., Рыбакова О.В. (2017). Факторы риска развития инвалидности у детей, рожденных с экстремально низкой и очень низкой массой тела // Журнал научных статей. Здоровье и образование в XXI веке. Т. 19. № 12. С. 63–67.
- Бедарева В.Е., Меньшикова Л.И., Варакина Ж.Л., Кравцова Л.Н. (2021). Инвалидность вследствие производственных травм и профессиональных заболеваний в Архангельской области // Про-

- блемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. Т. 29. № 2. С. 250–253. DOI: 10.32687/0869-866X-2021-29-2-250-253
- Белова Р.В., Дюльдин В.А. (2015). Анализ динамики первичной инвалидности у лиц трудоспособного возраста по Курганской области за 2010–2014 гг. Роль первичного медицинского звена в профилактике инвалидности // Непрерывное медицинское образование и наука. Т. 10. № 4. С. 29–31.
- Варакина Ж.Л., Арапова Л.А., Вязьмин А.М., Санников А.Л. (2013). Динамические тенденции и региональные особенности инвалидности в Архангельской области как ведущего параметра общественного здоровья // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. № 4. С. 18–20.
- Васин С.А. (2017). Перспективы изменения численности и возрастного состава взрослых инвалидов в России // Проблемы прогнозирования. № 5 (164). С. 129–139.
- Веригина Н.Б., Красновская Е.С., Волкова З.М. (2018). Сравнительный анализ динамики уровня первичной инвалидности вследствие основных классов болезней у взрослого населения в Российской Федерации и ее округах за 2016–2017 гг. (информационно-аналитический материал) // Медико-социальные проблемы инвалидности. № 2. С. 17–26.
- Дымочка М.А., Андреева О.С., Омаров М.А. [и др.]. (2017). Вопросы инвалидности и формирования трудовых рекомендаций для пострадавших вследствие профессиональных заболеваний в Российской Федерации // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. Т. 20. № 3. С. 116–121. DOI: 10.18821/1560-9537-2017-20-3-116-121.
- Дымочка М.А., Гришина Л.П., Волкова З.М. [и др.]. (2017). Анализ показателей первичной инвалидности детского населения в Российской Федерации, округах и субъектах за 2015–2016 гг. // Медико-социальные проблемы инвалидности. № 1. С. 67–73.
- Запарий С.П., Самусенко А.Г., Болотов Д.Д., Запарий Н.С. (2019). Показатели инвалидности взрослого населения вследствие болезней нервной системы в Российской Федерации и федеральных округах за 2014–2017 гг. // Курортная медицина. № 4. С. 97–104.
- Заславский А.С., Пенина Г.О. (2017). Возрастные аспекты оценки острых нарушений мозгового кровообращения – семилетний опыт использования территориально-популяционного регистра инсульта Республики Коми // Архив клинической и экспериментальной медицины. Т. 26. № 1. С. 25–28.
- Заславский А.С., Пенина Г.О. (2018). Анализ сведений о геморрагическом инсульте, полученных в ходе 10 лет использования территориально-популяционного регистра инсультов Республики Коми // Bulletin of the International Scientific Surgical Association. Т. 7. № 2. С. 12–14.
- Землянова Е.В., Иванова А.Е. (2021). К вопросу прогнозирования демографических процессов в постпандемическом обществе: мнение зарубежных специалистов // Социально-демографический потенциал российской молодежи: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Ялта, 22–24 апреля 2021 г.). М.: ФНИСЦ РАН. С. 72–77. DOI: 10.19181/conf.978-5-89697-348-5.2021.12
- Иванова А.Е. (2020). Прогноз смертности в России исходя из контроля за основными социальными детерминантами // Социальные аспекты здоровья населения. Т. 66. № 6. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1215/30/lang.ru> (дата обращения 11.10.2021). DOI: 10.21045/2071-5021-2020-66-6-6
- Кантемирова Р.К., Фидарова З.Д., Свиридова Е.О. [и др.] (2018). Сравнительный анализ структуры первичной инвалидности вследствие болезней системы кровообращения в Санкт-Петербурге за 2015–2017 гг. // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. Т. 17. № S. С. 32–33.
- Кароль Е.В., Попова Н.В., Ломоносова О.В. [и др.] (2017). Анализ показателей первичной инвалидности вследствие болезней системы кровообращения в городе Санкт-Петербурге за период 2014–2016 гг. // Медико-социальные проблемы инвалидности. № 3. С. 71–75.
- Кислицына О.А. (2021). Долгосрочные негативные последствия пандемии COVID-19 для здоровья населения // Социальные аспекты здоровья населения. Т. 67. № 4. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1281/30/lang.ru> (дата обращения 11.10.2021). DOI: 10.21045/2071-5021-2021-67-4-2

- Коврижных Ю.А., Запарий С.П. (2018). Характеристика инвалидности вследствие злокачественных новообразований среди лиц молодого возраста в Российской Федерации и федеративных округах за 2014–2017 гг. // Вестн. Всерос. общества специалистов по медико-социальной экспертизе, реабилитации и реабилитационной индустрии. № 4. С. 38–44. DOI: 10.17238/issn1999-2351.2018.4.38-44
- Кучмаева О.В., Калмыкова Н.М., Колотуша А.В. (2020). Оценка риска стать инвалидом в России: опыт моделирования по данным лонгитюдного выборочного исследования // Демографическое обозрение. Т. 7. № 4. С. 108–148. DOI: 10.17323/demreview.v7i4.12046
- Сидорова Е.М. (2018). Инвалидность вследствие профессиональных болезней в Российской Федерации и федеральных округах за период 2013–2016 гг. // Евразийское научное объединение. № 2-2 (36). С. 95–98.
- Шабунова А.А., Калачикова О.Н., Кондакова Н.А., Морев М.В., Фахрадова Л.Н., Шматова Ю.Е. (2014). Проблемы социальной консолидации: инвалиды в региональном сообществе. Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук. 134 с.
- Яковлева Т.В., Терлецкая Р.Н., Зелинская Д.И. (2018). Актуальные вопросы профилактики детской инвалидности // Рос. педиатр. журн. Т. 21. № 5. С. 290–296. DOI: 10.18821/1560-9561-2018-21-5-290-296
- Bernardi F., Cozzani M., Zanasi F. (2021). Social inequality and the risk of living in a nursing home: implications for the COVID-19 pandemic. *Genus*, 77, 9. Available at: <https://genus.springeropen.com/track/pdf/10.1186/s41118-021-00119-5.pdf>. DOI: 10.1186/s41118-021-00119-5
- Décarie Y., Michaud P.-C. (2021). Counting the dead: COVID-19 and mortality in Quebec and British Columbia during the first wave. *Canadian Studies in Population*, 17 September, 1–26. Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/34548750>. DOI: 10.1007/s42650-021-00053-z
- García-Guerrero V.M., Beltrán-Sánchez H. (2021). Heterogeneity in excess mortality and its impact on loss of life expectancy due to COVID-19: Evidence from Mexico. *Canadian Studies in Population*, 15 October, 1–36. Available at: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s42650-021-00051-1.pdf>. DOI: 10.1007/s42650-021-00051-1
- Vanella P., Basellini U., Lange B. (2021). Assessing excess mortality in times of pandemics based on principal component analysis of weekly mortality data – the case of COVID-19. *Genus*, vol. 77, no. 16. Available at: <https://genus.springeropen.com/track/pdf/10.1186/s41118-021-00123-9.pdf>. DOI: 10.1186/s41118-021-00123-9
- Vieira A., Ricoca V.P., Aguiar P., Sousa P., Nunes C., Abrantes A. (2021). Years of life lost by COVID-19 in Portugal and comparison with other European countries in 2020. *BMC Public Health*, 21 (1054). Available at: <https://bmcpublihealth.biomedcentral.com/track/pdf/10.1186/s12889-021-11128-6.pdf>. DOI: 10.1186/s12889-021-11128-6
- Weber D., Loichinger E. (2020). Live longer, retire later? Developments of healthy life expectancies and working life expectancies between age 50–59 and age 60–69 in Europe. *European Journal of Ageing*, 9 November. Available at: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s10433-020-00592-5.pdf>. DOI: 10.1007/s10433-020-00592-5
- Wilson T., Temple J., Charles-Edwards E. (2021). Will the COVID-19 pandemic affect population ageing in Australia? *Journal of Population Research*, 15 March. Available at: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s12546-021-09255-3.pdf>. DOI: 10.1007/s12546-021-09255-3

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лейла Натиговна Нацун – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: leyla.natsun@yandex.ru)

Natsun L.N.

STATISTICAL ANALYSIS OF DISABILITY OF THE VOLOGDA OBLAST POPULATION IN 2017–2021

According to the World Health Organization, the coronavirus pandemic has exacerbated the problems of providing planned and preventive health care to the population. In the future it may lead to a growing gap between the values of life expectancy and healthy life expectancy, and, consequently, to an increase in the burden of disability. For Russia as a whole and its regions in particular, these problems are of paramount importance. The growing burden of disability determines the need for an integrated approach to the prevention of disabling diseases among the population, especially in older ages, and also actualizes the development of effective measures to promote the social participation of persons with disabilities. Solving the problem of reducing the loss of public health from disability involves, among other things, monitoring relevant statistical indicators. The Vologda Oblast is one of the regions where the observed relative indicators of disability of the population correlate with the average Russian ones. The purpose of this study is to identify the features of population disability in the Vologda Oblast against the background of the situation in the regions of the Northwestern Federal District in 2017–2021. The analysis shows that the values and trends of disability indicators of the Vologda Oblast population are close to the average values for the federal district. At the same time, the oblast has some specific features that characterize the age structure of children's disability and the participation of disabled people in work activities. In particular, if in Russia and the Northwestern Federal District the maximum increase in the number of disabled children in 2017–2021 was registered among adolescents aged 15–17 years, then in the Vologda Oblast the number of the group of 8–14 years old increased most significantly. In the region, the proportion of disabled people of the second group among the working disabled of able-bodied age is significantly lower than the average in Russia and most regions of the Northwestern Federal District. This fact indicates that there are fewer employment opportunities for disabled people in the regional labor market who need special working conditions or equipped workplaces. Taking into account these features makes it possible to more accurately determine the key areas of disability prevention in the region, as well as measures to promote the employment of disabled people.

Disability, disability groups, number of disabled people, disability structure, features of regional population disability.

REFERENCES

- Avilov O.V., Kosymov E.A., Vanin E.Yu., Rybakova O.V. (2017). Risk factors for development of disability in children born with extremely low and very low body weight. *Zhurnal nauchnykh statei. Zdorov'e i obrazovanie v XXI veke*=The Journal of Scientific Articles "Health and Education Millennium", 19 (12), 63–67 (in Russian).
- Bedareva V.E., Men'shikova L.I., Varakina Zh.L., Kravtsova L.N. (2021). The disability due to industrial injuries and occupational diseases in the Arkhangelsk Oblast. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravoookhraneniya i istorii meditsiny*=Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine, 29 (2), 250–253. DOI: 10.32687/0869-866X-2021-29-2-250-253 (in Russian).
- Belova R.V., Dyul'din V.A. (2015). Analysis of the dynamics of primary disablement among people of working age in Kurgan Oblast for 2010–2014. The role of basic health care in the prevention of disability. *Nepreryvnoe meditsinskoe obrazovanie i nauka*=Continuing Medical Education and Science, 10 (4), 29–31 (in Russian).
- Bernardi F., Cozzani M., Zanasi F. (2021). Social inequality and the risk of living in a nursing home: Implications for the COVID-19 pandemic. *Genus*, 77, 9. Available at: <https://genus.springeropen.com/track/pdf/10.1186/s41118-021-00119-5>. DOI: 10.1186/s41118-021-00119-5

- Décarie Y., Michaud P.-C. (2021). Counting the dead: COVID-19 and mortality in Quebec and British Columbia during the first wave. *Canadian Studies in Population*, 17 September, 1–26. Available at: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/34548750>. DOI: 10.1007/s42650-021-00053-z
- Dymochka M.A., Andreeva O.S., Omarov M.A. et al. (2017). The questions of disability and forming labour recommendations for cases suffered due to occupational diseases in the Russian Federation. *Mediko-sotsial'naya ekspertiza i reabilitatsiya=Medical and Social Expert Evaluation and Rehabilitation*, 20 (3), 116–121. DOI: 10.18821/1560-9537-2017-20-3-116-121 (in Russian).
- Dymochka M.A., Grishina L.P., Volkova Z.M. et al. (2017). Analysis of the primary disability rates of the child population in the Russian Federation, its okrugs and constituent entities for 2015–2016. *Mediko-sotsial'nye problemy invalidnosti=Medical-Social Problems of Disability*, 1, 67–73 (in Russian).
- García-Guerrero V.M., Beltrán-Sánchez H. (2021). Heterogeneity in excess mortality and its impact on loss of life expectancy due to COVID-19: Evidence from Mexico. *Canadian Studies in Population*, 15 October, 1–36. Available at: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s42650-021-00051-1.pdf>. DOI: 10.1007/s42650-021-00051-1
- Ivanova A.E. (2020). Mortality forecast in Russia based on monitoring the main social determinants. *Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleniya=Social Aspects of Population Health*, 66 (6). Available at: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1215/30/lang.ru> (accessed: October 11, 2021). DOI: 10.21045/2071-5021-2020-66-6-6 (in Russian).
- Kantemirova R.K., Fidarova Z.D., Sviridova E.O. et al. (2018). Comparative analysis of the structure of primary disability due to circulatory system diseases in Saint Petersburg in 2015–2017. *Kardiovaskulyarnaya terapiya i profilaktika=Cardiovascular Therapy and Prevention*, 17 (S), 32–33 (in Russian).
- Karol' E.V., Popova N.V., Lomonosova O.V. et al. (2017). Analysis of the primary disability rates due to circulatory system diseases in the city of Saint Petersburg for the period 2014–2016. *Mediko-sotsial'nye problemy invalidnosti=Medical-Social Problems of Disability*, 3, 71–75 (in Russian).
- Kislitsyna O.A. (2021). Long-term adverse effects of the Covid-19 pandemic on population health. *Sotsial'nye aspekty zdorov'ya naseleniya=Social Aspects of Population Health*, 67 (4). Available at: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1281/30/lang.ru> (accessed: October 11, 2021). DOI: 10.21045/2071-5021-2021-67-4-2 (in Russian).
- Kovrizhnykh Yu.A., Zaparii S.P. (2018). Characteristics of disability due to malignant neoplasms among young people in the Russian Federation and federal districts. *Vestn. Vseros. obshchestva spetsialistov po mediko-sotsial'noi ekspertize, reabilitatsii i reabilitatsionnoi industrii=Bulletin of the All-Russian Society of Specialists in Medical and Social. Expertise, Rehabilitation and Rehabilitation Industry*, 4, 38–44. DOI: 10.17238/issn1999-2351.2018.4.38-44 (in Russian).
- Kuchmaeva O.V., Kalmykova N.M., Kolotusha A.V. (2020). Modeling the risk of becoming disabled in Russia: An assessment based on the Russian longitudinal monitoring survey. *Demograficheskoe obozrenie=Demographic Review*, 7 (4), 108–148. DOI: 10.17323/demreview.v7i4.12046 (in Russian).
- Shabunova A.A., Kalachikova O.N., Kondakova N.A., Morev M.V., Fakhradova L.N., Shmatova Yu.E. (2014). *Problemy sotsial'noi konsolidatsii: invalidy v regional'nom soobshchestve* [Problems of Social Consolidation: People with Disabilities in the Regional Community]. Vologda: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences.
- Sidorova E.M. (2018). Disability due to industrial diseases in the Russian Federation and the federal districts for the period 2013–2016. *Evraziiskoe nauchnoe ob"edinenie=Eurasian Scientific Association*, 2–2 (36), 95–98 (in Russian).
- Vanella P., Basellini U., Lange B. (2021). Assessing excess mortality in times of pandemics based on principal component analysis of weekly mortality data – the case of COVID-19. *Genus*, 77 (16). Available at: <https://genus.springeropen.com/track/pdf/10.1186/s41118-021-00123-9.pdf>. DOI: 10.1186/s41118-021-00123-9

- Varakina Zh.L., Arapova L.A., Vyaz'min A.M., Sannikov A.L. (2013). Dynamic trends and region features of disability in the Arkhangelsk Region as leading parameter of public health. *Mediko-sotsial'naya ekspertiza i reabilitatsiya=Medical and Social Expert Evaluation and Rehabilitation*, 4, 18–20 (in Russian).
- Vasin S.A. (2017). Prospects of changes in the number and age composition of adults with disabilities in Russia. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*, 5 (164), 129–139 (in Russian).
- Verigina N.B., Krasnovskaya E.S., Volkova Z.M. (2018). Comparative analysis of the dynamics of the level of primary disability due to the main classes of diseases in the adult population in the Russian Federation and its districts for 2016–2017 (information and analytical material). *Mediko-sotsial'nye problemy invalidnosti=Medical and Social Problems of Disability*, 2, 17–26 (in Russian).
- Vieira A., Ricoca V.P., Aguiar P., Sousa P., Nunes C., Abrantes A. (2021). Years of life lost by COVID-19 in Portugal and comparison with other European countries in 2020. *BMC Public Health*, 21 (1054). Available at: <https://bmcpublichealth.biomedcentral.com/track/pdf/10.1186/s12889-021-11128-6.pdf>. DOI: 10.1186/s12889-021-11128-6
- Weber D., Loichinger E. (2020). Live longer, retire later? Developments of healthy life expectancies and working life expectancies between age 50–59 and age 60–69 in Europe. *European Journal of Ageing*, 9 November. Available at: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s10433-020-00592-5.pdf>. DOI: 10.1007/s10433-020-00592-5
- Wilson T., Temple J., Charles-Edwards E. (2021). Will the COVID-19 pandemic affect population ageing in Australia? *Journal of Population Research*, 15 March. Available at: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1007/s12546-021-09255-3.pdf>. DOI: 10.1007/s12546-021-09255-3
- Yakovleva T.V., Terletsкая R.N., Zelinskaya D.I. (2018). To the question of prevention of children's disability. *Ros. pediatr. zhurn.=Russian Pediatric Journal*, 21 (5), 290–296. DOI: 10.18821/1560-9561-2018-21-5-290-296 (in Russian).
- Zaparii S.P., Samusenko A.G., Bolotov D.D., Zaparii N.S. (2019). Indicators of disability of the adult population due to diseases of the nervous system in the Russian Federation and federal districts for 2014–2017. *Kurortnaya meditsina=Resort Medicine*, 4, 97–104 (in Russian).
- Zaslavskii A.S., Penina G.O. (2017). The age aspect of stroke studying – the seven-years-based experience of usage of territorial and population registries of stroke in the Komi Republic. *Arkhiv klinicheskoi i eksperimental'noi meditsiny=Archives of Clinical and Experimental Medicine*, 26 (1), 25–28 (in Russian).
- Zaslavskii A.S., Penina G.O. (2018). Analysis of the information about the hemorrhagic stroke, received in 10 years of using the territorial-population register of the Republic of Komi. *Bulletin of the International Scientific Surgical Association*, 7 (2), 12–14 (in Russian).
- Zemlyanova E.V., Ivanova A.E. (2021). On the issue of forecasting demographic processes in a post-pandemic society: opinion of foreign experts. In: *Socio-demographic potential of the Russia's youth: Materials of All-Russian Scientific and Practical Conference (Yalta, 22–24 April 2021)*. Moscow: FNISC RAN, 72–77. DOI: 10.19181/conf.978-5-89697-348-5.2021.12 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Leila N. Natsun – Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: leyla.natsun@yandex.ru)

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИКИ: НОЯБРЬ 2021 ГОДА

DOI: 10.15838/ptd.2022.1.117.8 • УДК 330.342(470.12) • ББК 65.050.22(2Рос-4Вол)

ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» продолжает знакомить читателей с материалами о состоянии и тенденциях развития экономики России и Вологодской области

Благодарность

Материалы подготовлены в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНИЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2022-0012 «Исследование факторов и методов устойчивого развития территориальных систем в изменяющихся мировых геополитических и геоэкономических условиях».

Согласно предварительной оценке Минэкономразвития ВВП России в январе – ноябре 2021 года¹ увеличился на 4,7%. По данным Росстата, ВВП в III квартале 2021 года вырос на 4,3% после снижения на 3,5% в прошлом году (рис. 1).

1. Производство валового продукта

⬆️ **Промышленность** в целом по стране увеличила выпуск на 5,2% (табл. 1). При этом позитивные изменения отмечены как в обрабатывающей промышленности (+5,2%), так и в сфере добычи полезных ископаемых (+4,3%).

⬇️ В Вологодской области промышленное производство увеличилось лишь на 0,9%, что связано с замедлением прироста обрабатывающих отраслей (на 1,6% против 2,5% в предыдущем году) и спадом в добыче полезных ископаемых и производстве электроэнергии, газа и пара (на 6 и 12,3% соответственно). При этом в других регионах-металлургах отмечаются значительно более высокие темпы прироста объемов промышленного производства: в Челябинской области – на 8,6%, в Кемеровской – на 6,6%, в Липецкой – на 4,7%.

Динамика обрабатывающей промышленности характеризовалась позитивными изменениями в большинстве отраслей. В частности, в **секторе промышленности конечного спроса** отмечен рост выпуска продукции.

⬆️ В пищевой промышленности в целом по стране зафиксировано увеличение производства на 3,3% (табл. 2). Лидерами по приросту выпуска стали отрасли, производящие фруктовые и овощные соки (на 23,8%), рыбные пресервы (на 16,8%), мороженое (на 16,7%), а также безалкогольные напитки (на 23,4%). При этом производство мясных консервов снизилось на 19,1%, что отчасти может быть связано с резким ростом их выпуска в аналогичном периоде годом ранее (на 7,1%).

Для цитирования: Сидоров М.А. (2022). Мониторинг экономики: ноябрь 2021 года // Проблемы развития территории. Т. 26. № 1. С. 110–120. DOI: 10.15838/ptd.2022.1.117.8

For citation: Sidorov M.A. (2022). Monitoring of the economy in November 2021. *Problems of Territory's Development*, 26, 1, 110–120. DOI: 10.15838/ptd.2022.1.117.8

¹ Здесь и далее по тексту (если не оговорено иное) сопоставляется январь – ноябрь 2021 года с январем – ноябрем 2020 года.

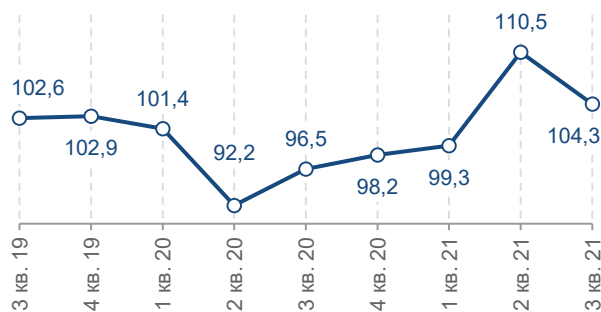

Рис. 1. Динамика производства валового внутреннего продукта, % к соответствующему периоду предыдущего года

Таблица 1. Динамика промышленного производства, % к соответствующему периоду предыдущего года*

	11 мес. 2020 г.	3 мес. 2021 г.	6 мес. 2021 г.	9 мес. 2021 г.	11 мес. 2021 г.	р**
Промышленное производство						
РФ	97,3	98,7	104,0	104,8	105,2	–
ВО	102,0	102,3	101,6	100,1	100,9	68
МО	100,6	102,4	102,3	105,3	105,8	39
РКА	106,1	96,9	99,9	100,7	100,9	68
РКО	91,2	89,3	94,8	98,5	99,9	70
АО	92,3	88,5	97,4	99,8	99,8	71
Добыча полезных ископаемых						
РФ	93,4	93,0	99,9	102,9	104,3	–
ВО	132,2	81,8	88,0	91,0	94,0	65
РКА	105,0	100,4	103,6	103,1	103,8	29
АО	87,2	83,8	97,8	103,2	103,3	33
МО	107,8	103,8	104,6	101,4	101,5	41
РКО	91,0	84,8	90,9	96,1	98,9	48
Обрабатывающие производства						
РФ	100,4	100,9	106,0	105,2	105,2	–
ВО	102,5	103,7	103,0	101,1	101,6	61
МО	97,6	101,1	100,9	107,4	108,2	25
РКО	90,5	100,4	104,6	103,9	101,9	59
РКА	106,5	91,8	95,5	98,4	98,5	74
АО	101,9	95,6	95,9	93,1	93,0	80

* Здесь и далее выделены курсивом показатели регионов Европейского Севера РФ, приведенные для сравнения с динамикой Вологодской области.

** Здесь и далее показан ранг соответствующего региона среди субъектов Федерации по динамике показателя в январе – ноябре 2021 года (если не оговорено иное).

❏ В Вологодской области пищевая промышленность показала существенное замедление роста (1% после 7,8% годом ранее). На фоне роста производства напитков на 23,8% переработка мяса снизилась на 7,9%, производство молочной продукции – на 4,7%, в частности сливочного масла на 8,4%.

Таблица 2. Динамика обрабатывающих производств, % к соответствующему периоду предыдущего года

	11 мес. 2020 г.	3 мес. 2021 г.	6 мес. 2021 г.	9 мес. 2021 г.	11 мес. 2021 г.
Пищевое производство					
РФ	103,0	100,1	101,8	102,8	103,3
ВО	107,8	98,7	101,5	100,7	101,0
Ц/б и полиграфическое производство					
РФ	103,2	102,8	108,3	109,3	109,6
ВО	139,3	114,3	115,7	108,1	107,3
Химическое производство					
РФ	108,3	111,6	109,3	108,2	108,5
ВО	104,7	101,2	99,2	97,8	101,1
Металлургическое производство					
РФ	100,0	96,3	103,4	102,6	102,3
ВО	100,5	104,2	103,7	102,0	101,9
Деревообработка					
РФ	97,8	103,6	111,2	108,9	108,5
ВО	106,6	101,1	105,3	106,8	105,2
Машиностроение					
РФ	96,7	110,3	120,4	113,2	109,8
ВО	91,4	102,6	87,6	84,2	81,9
Производство стройматериалов					
РФ	99,4	97,4	106,9	107,0	107,2
ВО	109,3	76,7	98,4	110,4	114,8

⬆️ Целлюлозно-бумажная и полиграфическая промышленность в целом по стране увеличила выпуск на 9,6%. Наибольший прирост продемонстрировали отрасли, производящие обои (на 13,5%) и оказывающие полиграфические печатные услуги (на 10,5%). В Вологодской области в этой отрасли также отмечены позитивные изменения выпуска (на 7,3%), что связано с приростом в производстве бумаги, картона (на 10,2%) и целлюлозы (на 6,9%).

В секторе промышленности промежуточного спроса можно отметить ускорение роста во всех отраслях.

⬆️ Химическая промышленность в РФ сохранила высокий темп прироста выпуска (на 8,5%, годом ранее – на 8,3%). Значимыми в динамике этого показателя стали отрасли, производящие продукты фармакологии (прирост на 18,6%), каучук (на 13,4%) и пластмассы в первичных формах (на 9%). В Вологодской области зафиксирован прирост выпуска химической промышленности (на 1,9%), отчасти обусловленный подъемом в

производстве калийных удобрений (на 12%) и пластмасс в первичных формах (на 22,2%). При этом производство лекарственных средств сократилось почти вдвое.

▲ **Металлургическая промышленность** страны выпустила на 2,3% больше продукции. Важными слагаемыми этого роста стали производства стальных труб (чей выпуск увеличился на 17,1%), металлопроката (на 7,6%), а также готовых металлических изделий (на 4,4%), в частности сменных рабочих инструментов для станков (на 30,1%). В Вологодской области металлургия также показала прирост (на 1,9%), во многом обусловленный наращиванием выпуска чугуна (на 15,5%) и готовой металлопродукции (на 31,7%). При этом объем выпуска стальных труб и профилей сократился на 29,5%.

«Череповецкое предприятие «Северсталь-метиз» (входит в метизный актив «Северстали») запустило в работу новый стан холодной прокатки. Сумма инвестиций составила 287 млн руб. Оборудование приобретено в рамках инвестиционного проекта для увеличения объемов производства высокоточной холодноотянутой полосы нескольких типоразмеров более 5000 тонн в год. Эта продукция широко применяется в различных отраслях»².

▲ **Деревообрабатывающая промышленность** России существенно увеличила производство продукции (на 8,5%). Большую роль в ускорении роста сыграли отрасли, изготавливающие заводские деревянные дома (их выпуск вырос на 34,3%), щитовой паркет (на 28,7%), древесностружечные и волокнистые плиты (на 16,2 и 13,9% соответственно). В Вологодской области деревообработка увеличила выпуск на 5,2%, что непосредственно связано с ростом более чем на три четверти

производства деревянных строительных конструкций, в частности деревянных домов заводского изготовления (на 18,7%).

«Цех по изготовлению топливных гранул сегодня запущен на Сокольском деревообрабатывающем комбинате. Его строительство завершили меньше чем за год. Объем инвестиций составил более 1 млрд руб. Проектная мощность пеллетного завода позволит изготавливать до 65 тысяч тонн готовой продукции в год»³.

Сектор промышленности инвестиций продемонстрировал отчетливо позитивную динамику.

▲ **Производство** российского машиностроения выросло на 9,8%, при этом электронных ламп и трубок было произведено на 42,1% больше, электронных печатных плат – на 45,2% (годом ранее рост на 51%), грузовых и легковых автомобилей – на 32,8 и 9,3% соответственно.

«Российский разработчик и производитель вычислительной техники «Рикор Электроникс» открыл в Арзамасе Нижегородской области производственный комплекс по серийному выпуску серверов, серверных платформ, систем хранения данных и комплектующих к ним, а также ноутбуков и планшетов. Мощность производства составит около 1 млн единиц продукции в год.

Инвестиции в создание нового производства составили 3,2 млрд руб. Из них в строительство производственного комплекса, а также закупку нового высокотехнологичного оборудования инвестировано 1,2 млрд руб., в разработку конструкторской документации и программного обеспечения – 2 млрд руб. Часть средств в виде льготного займа предоставил Фонд развития промышленности (Группа ВЭБ.РФ)»⁴.

² «Северсталь-метиз» расширяет мощности по производству высокоточной холодноотянутой полосы. URL: <https://metiz.severstal.com/press-center/news/severstal-metiz-rasshiraet-moshchnosti-po-proizvodstvu-vysokotochnoy-kholodnotyanutoy-polosy> (дата обращения 20.01.2022).

³ В Соколе открылось крупнейшее в области производство экологически чистого биотоплива. URL: https://vologda-oblast.ru/novosti/v_sokole_otkrylos_krupneyshee_v_oblasti_proizvodstvo_ekologicheskhi_chistogo_biopliva (дата обращения 20.01.2022).

⁴ В Нижегородской области при поддержке ФПП запущен комплекс по производству серверов, ноутбуков и планшетов. URL: <https://frprf.ru/press-tsentr/novosti/v-nizhegorodskoy-oblasti-pri-podderzhke-frp-zapushchen-kompleks-po-proizvodstvu-serverov-noutbukov-i> (дата обращения 20.01.2022).

❖ В Вологодской области производство продукции машиностроения снизилось на 18,1% во многом из-за спада в изготовлении подшипников (на 10,6%). Заметное сокращение выпуска отмечено также в сферах производства электрооборудования (на 16,6%), автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов (на 26,2%).

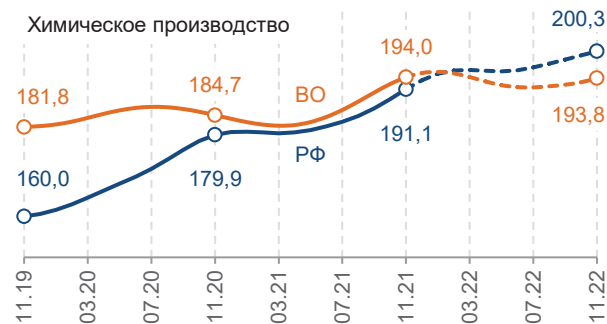
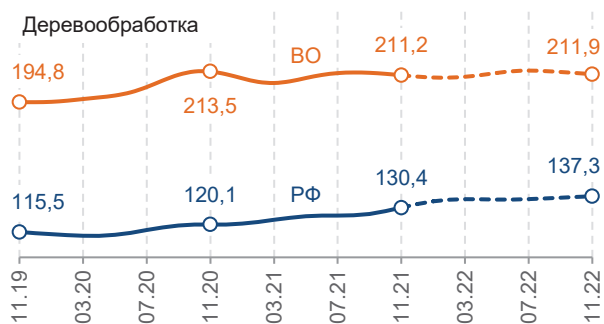
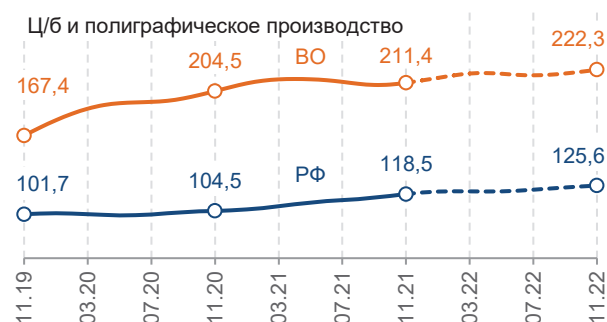
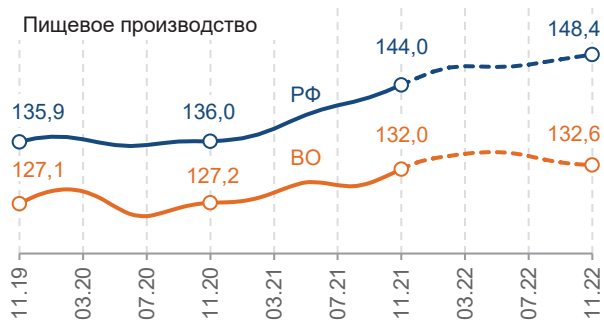
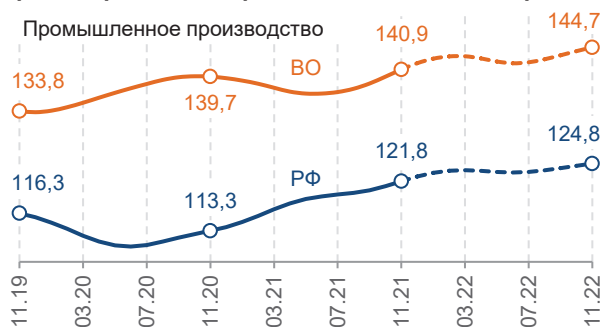
⬆️ Производство минеральных строительных материалов под влиянием повышенной активности в сфере строительства выросло в стране на 7,2%. Среди наиболее увеличивших выпуск подотраслей выделяются производства термополированного листового стекла (на 31,7%), силикатных стеновых блоков (на 9%) и товарного бетона (на 17,9%). В Вологодской области отрасль также ускорила производство (на 14,8%): наиболее активно расширялось производство строительных блоков (на 19,6%) и товарного бетона (на 19,5%).

❖ В **сельском хозяйстве** России объем производства снизился на 4,3% (табл. 3). Незначительно сократился выпуск скота и птицы на убой (на 0,1%) и куриных яиц (на 0,1%). В Вологодской области сельскохозяйственной продукции произведено меньше на 1,4%, в частности скота и птицы на убой – на 4,5%. При этом в регионе произведено на 3,1% больше куриных яиц и на 0,4% – молока.

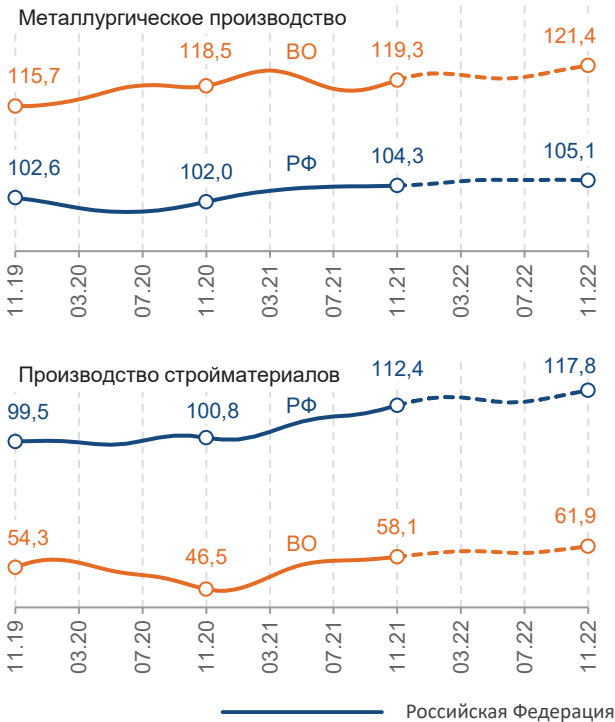
Таблица 3. Динамика производства продукции сельского хозяйства, % к соответствующему периоду предыдущего года

	9 мес. 2020 г.	2020 г.	3 мес. 2021 г.	6 мес. 2021 г.	9 мес. 2021 г.
РФ	103,0	101,3	100,4	100,2	95,7
ВО	100,6	100,1	99,7	99,3	98,6
РКО	115,1	115,2	101,8	101,7	100,6
АО	100,1	100,9	95,8	97,4	99,9
МО	105,5	106,5	96,7	92,5	94,8
РКА	102,0	101,5	92,6	92,5	93,2

Тренды развития промышленного и с/х производства в 2019–2021 гг., % к уровню 2008 года

— Российская Федерация — Вологодская область

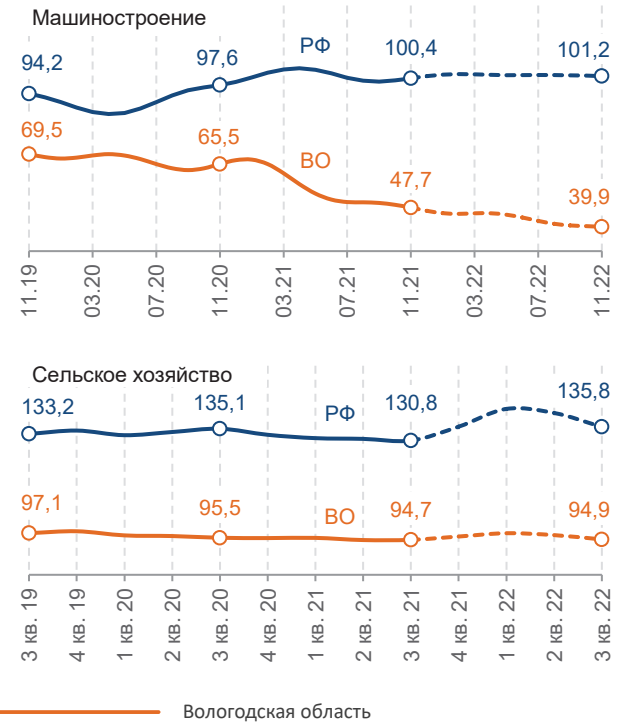
На **рынке труда** отмечено улучшение показателей.

В целом по России уровень безработицы снизился до 4,3% (табл. 4). В Вологодской области доля безработных также существенно сократилась (до 3,9%).

Таблица 4. Динамика рынка труда, % к соответствующему периоду предыдущего года

	11 мес. 2020 г.	3 мес. 2021 г.	6 мес. 2021 г.	9 мес. 2021 г.	11 мес. 2021 г.	Р
Уровень безработицы, % от численности занятых						
РФ	6,3	5,6	5,3	4,4	4,3	-
ВО	7,2	5,3	5,2	4,4	3,9	30
АО	7,7	7,1	6,0	6,3	6,4	65
МО	7,9	7,4	6,9	5,2	4,9	53
РКв	9,2	7,9	7,3	5,9	5,9	63
РКс	7,5	6,9	6,9	6,7	7,1	67
Потребность работодателей в работниках						
РФ	96,1	118,4	132,1	131,8	129,6	-
ВО	86,9	97,4	112,8	112,6	112,9	-
АО	95,5	118,6	133,0	132,6	130,5	-
РКс	100,7	106,9	115,1	107,1	107,3	-
МО	140,0	137,4	138,9	134,6	-	-
РКв	95,2	116,9	127,0	132,6	-	-

Потребность работодателей в работниках изменилась столь же значительно, в целом по стране рост показателя составил 29,6%, в Вологодской области – 12,9%.

2. Образование доходов

Тенденции, характеризующие изменения на этапе образования доходов, были разнонаправленными.

Реальные денежные доходы россиян увеличились на 4,4% (табл. 5). Однако этот рост обусловлен по большей части предпринимательскими и прочими доходами, поскольку реальная начисленная заработная плата росла медленнее – в январе – октябре она увеличилась на 2,6%, а пенсии снизились на 0,5%.

В Вологодской области реальные денежные доходы населения снизились на 1,2%, пенсии – на 1%. Уровень реальных заработных плат в январе – октябре сократился на 1,8%. Примечательно, что в других регионах-металлургах – Челябинской и Кемеровской областях – этот показатель, напротив, увеличился на 1,8%.

Сальдированный финансовый результат организаций РФ в январе – октябре увеличился в 2,6 раза, существенно превысив итоги прошлого года спада на 31,9%. В Вологодской области финансовый результат вырос втрое при незначительном снижении годом ранее (на 3,9%), что во многом обусловлено ростом цен и устойчивым мировым спросом на ключевые экспортные товары региона.

Таблица 5. Динамика образования доходов, % к соответствующему периоду предыдущего года

	10 мес. 2020 г.	3 мес. 2021 г.	6 мес. 2021 г.	9 мес. 2021 г.	10 мес. 2021 г.
Реальная начисленная заработная плата					
РФ	102,3	101,3	103,3	102,8	102,6
ВО	104,0	94,4	97,8	98,1	98,2
АО	101,0	98,9	100,0	99,0	98,8
РКо	101,7	98,2	98,6	97,6	97,2
РКа	104,0	98,0	99,2	98,5	-
МО	103,4	101,5	102,5	102,1	-
Сальдированный финансовый результат деятельности организаций					
РФ	68,1	344,9	264,5	280,1	262,3
ВО	96,1	705,6	267,7	306,3	300,7
АО	12,7	-	-	-	973,3
РКо	11,6	-	-	1313,1	818,5
РКа	73,5	531,1	370,9	373,2	309,6
МО	178,5	218,5	327,1	249,5	209,2
	11 мес. 2020 г.	3 мес. 2021 г.	6 мес. 2021 г.	9 мес. 2021 г.	11 мес. 2021 г.
Доходы консолидированного бюджета					
РФ	103,4	103,7	109,5	110,3	110,1
ВО	104,0	114,9	126,0	128,5	124,5
	9 мес. 2020 г.	2020 г.	3 мес. 2021 г.	6 мес. 2021 г.	9 мес. 2021 г.
Реальные денежные доходы населения					
РФ	96,9	97,6	96,5	102,7	104,4
ВО	99,4	99,1	93,2	97,2	98,8
МО	99,5	99,6	98,5	101,3	102,6
АО	98,1	98,2	96,6	98,7	99,4
РКа	99,5	99,4	94,5	97,7	98,8
РКо	98,1	97,0	94,6	96,4	97,4
Реальный размер назначенных пенсий					
РФ	102,7	102,4	100,1	99,8	99,5
ВО	102,0	101,5	100,1	99,8	99,0

↗ **Реальные доходы консолидированного бюджета** Российской Федерации вновь вернулись к приросту более 10%. Увеличение поступлений в казну Вологодской области было еще более значимым (на 24,5%).

«Основное влияние оказал рост в 1,7 раза поступлений налоговых и неналоговых доходов. <...> Более 80% прироста собствен-

ных доходов обеспечил налог на прибыль организаций. Основное влияние на увеличение оказали компании ПАО «Северсталь» и АО «Апатит». Рост поступлений наблюдается по большинству доходных источников. Например, по акцизам – 39%, налогам на совокупный доход – 28%, налогу на доходы физических лиц – 8%. В отрицательной зоне – местные налоги, что обусловлено снижением начислений в связи с пересмотром кадастровой стоимости»⁵.

3. Конечное использование

В сфере **потребительского спроса** зафиксирована позитивная динамика показателей.

↗ **Оборот розничной торговли** увеличился на 7,5%, в частности реализация непродовольственных товаров выросла на 12,8%, продовольственных – на 2,2% (табл. 6). В Вологодской области розничная торговля также ускорилась, однако процесс ощутимо медленнее: в целом оборот торговли прирос лишь на 2,9%, так как при ускорении оборота непродовольственных товаров на 7,6% оборот продовольственных товаров сократился на 0,8%. Отметим, что этот индикатор в регионе рос несмотря на снижение доходов населения.

↗ В секторе оказания **платных услуг** также отмечается восстановление до объемов, близких к докризисному уровню: по стране в целом выпуск услуг вырос на 18,1%, в Вологодской области – на 7% при спаде годом ранее на 15,4 и 7,2% соответственно.

↗ Объем выполненных работ по виду деятельности «**Строительство**» в целом по России увеличился на 5,5%. Изменение этого показателя во многом связано с резко возросшим вводом жилых домов под влиянием ипотечного бума (на 25,4%; табл. 7). В Вологодской области показатели строительства и ввода жилья также продемонстрировали увеличение (на 7,4 и 27,9% соответственно).

↗ Важный вклад в динамику строительства внес бурный рост объемов **ипотечного кредитования**: в РФ выдано на 30,1% больше ипотечных кредитов, в Вологодской области – на 19,9%.

⁵ Бюджет Вологодчины 2021 года исполняется с профицитом. URL: https://vologda-oblast.ru/novosti/byudzhet_vologodchiny_2021_goda_ispolnyaetsya_s_profitsitom/?sphrase_id=3636762 (дата обращения 20.01.2022).

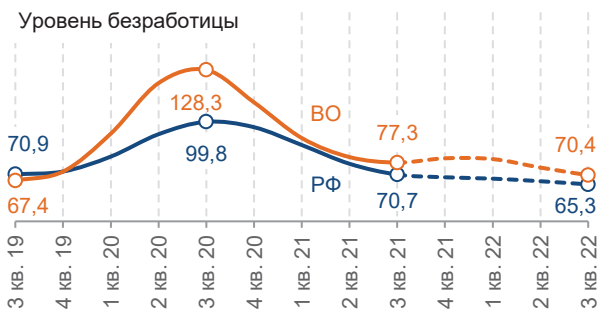
Таблица 6. Динамика потребительского рынка, % к соответствующему периоду предыдущего года

	11 мес. 2020 г.	3 мес. 2021 г.	6 мес. 2021 г.	9 мес. 2021 г.	11 мес. 2021 г.	Р
Оборот розничной торговли						
РФ	96,7	98,6	110,2	108,5	107,5	–
ВО	102,7	96,1	104,1	104,1	102,9	64
АО	99,6	98,2	104,2	102,9	102,5	68
РКо	98,0	100,4	103,3	101,9	102,1	72
РКа	101,9	100,0	104,6	102,7	101,7	73
МО	96,6	93,3	96,4	98,8	99,8	81
Объем платных услуг населению						
РФ	84,6	96,8	119,2	118,9	118,1	–
ВО	92,8	97,6	110,1	107,7	107,0	65
РКа	92,4	100,6	117,2	113,2	112,4	33
АО	79,0	96,8	117,4	113,6	111,4	37
МО	89,6	96,4	107,9	108,7	108,4	58
РКо	83,0	96,7	109,8	107,0	105,5	74

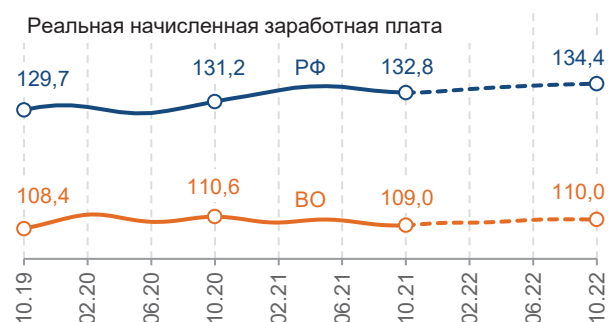
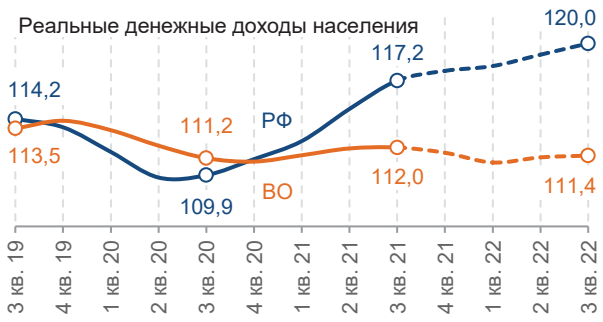
Таблица 7. Динамика строительства, % к соответствующему периоду предыдущего года

	11 мес. 2020 г.	3 мес. 2021 г.	6 мес. 2021 г.	9 мес. 2021 г.	11 мес. 2021 г.	Р
Объем работ по ВЭД «Строительство»						
РФ	100,0	100,2	106,4	106,0	105,5	–
ВО	99,8	95,2	109,4	112,6	107,4	37
МО	131,5	60,9	112,8	134,4	125,8	11
РКо	98,0	113,9	119,7	117,4	116,3	19
АО	62,0	123,7	124,4	114,9	115,9	22
РКа	70,0	67,7	72,3	96,9	97,4	57
Ввод жилых домов						
РФ	102,5	115,6	130,0	129,8	125,4	–
ВО	83,9	67,4	109,1	128,8	127,9	35
МО	69,1	348,9	276,7	214,7	200,5	3
АО	123,2	200,9	155,9	167,3	132,4	30
РКо	77,0	65,3	111,8	102,8	103,5	66
РКа	106,1	127,7	107,4	97,3	102,2	69
Объем выданных ипотечных кредитов						
РФ	151,4	143,2	174,2	142,0	130,1	–
ВО	155,7	122,2	149,6	127,4	119,9	71
МО	150,0	149,4	169,8	131,8	123,1	59
АО	145,2	135,7	158,9	126,1	118,1	74
РКо	144,9	137,4	163,5	126,4	114,2	78
РКа	156,9	129,9	151,7	122,6	111,3	82

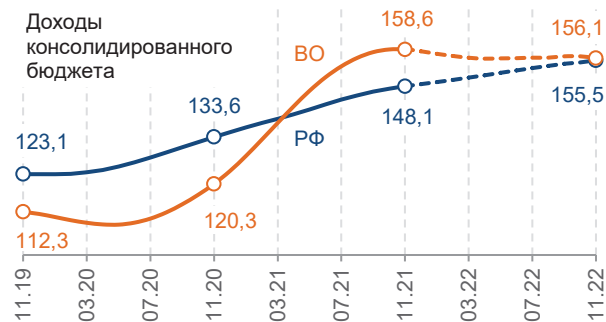
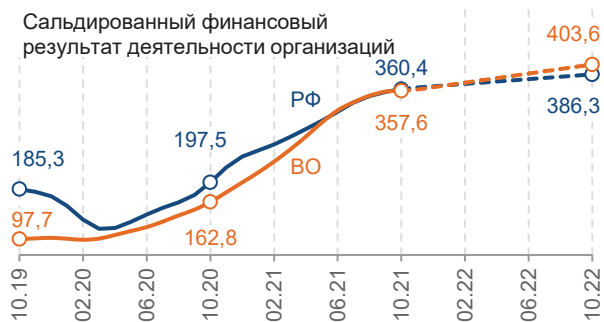
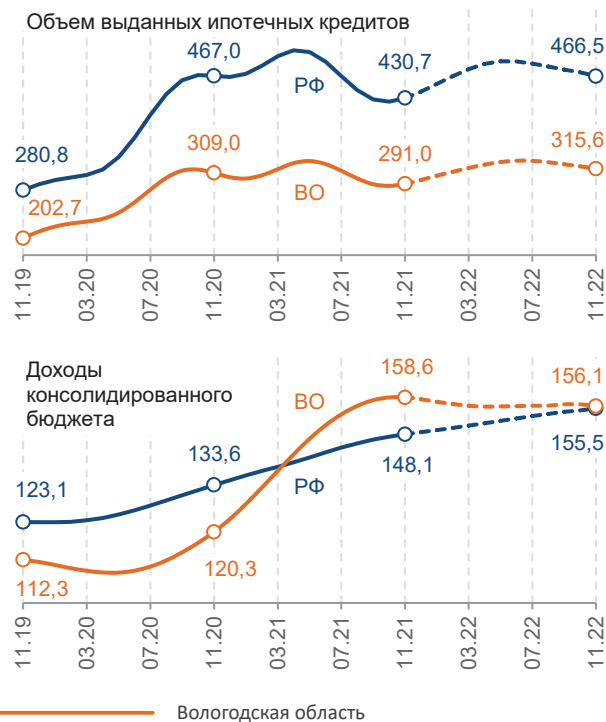
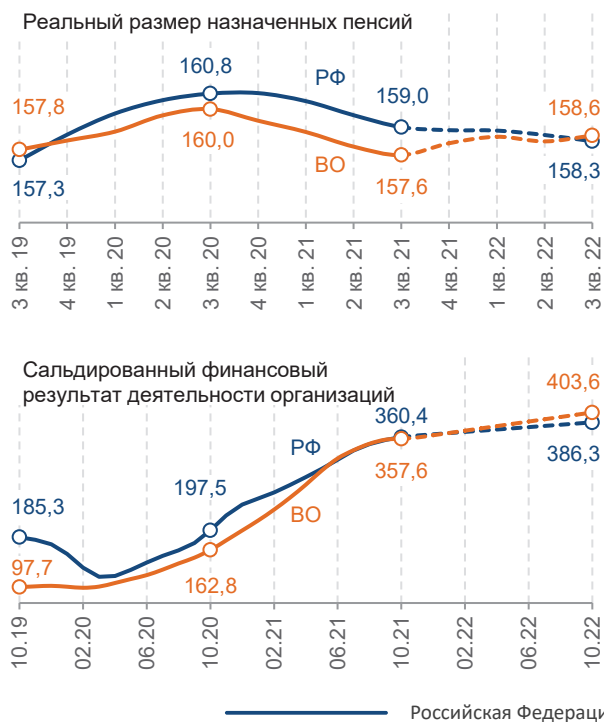
Тренды развития рынка труда в 2019–2021 гг., % к уровню 2008 года

Тренды образования доходов в экономике в 2019–2021 гг., % к уровню 2008 года

— Российская Федерация — Вологодская область

Важным позитивным изменением в экономике страны стал прирост инвестиций в основной капитал в январе – сентябре 2021 года на 7,6% (табл. 8).

Таблица 8. Динамика инвестиций в основной капитал, % к соответствующему периоду предыдущего года

	9 мес. 2020 г.	9 мес. 2020 г.	3 мес. 2021 г.	6 мес. 2021 г.	9 мес. 2021 г.	Р
РФ	96,9	98,6	102,0	107,3	107,6	–
ВО	91,7	94,3	116,9	100,4	99,2	56
РКа	98,3	109,0	144,5	132,3	130,8	12
МО	113,0	104,8	81,6	109,4	119,7	18
АО	105,1	95,2	100,4	95,3	94,4	60
РКо	97,6	111,5	92,1	83,6	84,3	70

В Вологодской области зафиксирован спад уровня инвестиций на 0,8%.

В сфере **внешней торговли** отмечен рост цен и объемов оборота товаров и услуг.

Стоимостной объем как экспорта, так и импорта РФ вырос на 44,5 и 27,3% соответственно (табл. 9). В Вологодской области экспорт увеличился почти на две трети, при этом импорт сократился на 23,1%, что может быть связано с завершением инвестиционных циклов крупнейших предприятий региона.

Таблица 9. Динамика внешней торговли, % к соответствующему периоду предыдущего года

	11 мес. 2020 г.	3 мес. 2021 г.	6 мес. 2021 г.	9 мес. 2021 г.	11 мес. 2021 г.
Экспорт товаров и услуг					
РФ	78,2	103,3	128,9	141,0	144,5
ВО	97,6	113,2	142,8	154,6	166,1
РКа	79,9	117,6	141,5	156,5	157,6
РКа	68,5	106,6	120,8	147,1	160,7
АО	97,3	71,0	104,4	122,6	136,3
МО	100,8	106,5	144,0	118,1	114,5
Импорт товаров и услуг					
РФ	93,8	116,6	129,0	129,2	127,3
ВО	100,0	59,7	69,7	72,6	76,9
РКа	103,4	138,9	175,0	181,0	180,9
АО	75,6	212,2	260,5	200,8	166,7
МО	97,9	140,8	137,6	144,5	149,4
РКо	79,9	111,7	94,6	106,3	106,7
Мировые цены на товары					
Нефть	66,3	120,9	154,7	163,1	169,4
Газ	62,3	211,2	274,8	414,9	470,3
Мет.	90,7	143,7	160,3	183,0	185,4
ФУ	95,6	180,9	190,6	191,7	192,4

Условные обозначения: Мет. – металлопрокат, ФУ – фосфатные удобрения.

↑ Цены на мировых рынках на основные экспортные российские товары росли на протяжении всего периода с начала года: природный газ подорожал в 4,7 раза, нефть – более чем в полтора раза (на 69,4%). Цены на продукцию, экспортируемую Вологодской

областью, также показали значимый рост: фосфорсодержащие удобрения подорожали на 92,4%, металлопрокат – на 85,4%, при этом внутренние цены на «длинный» прокат росли быстрее, чем на мировом рынке (табл. 10, 11).

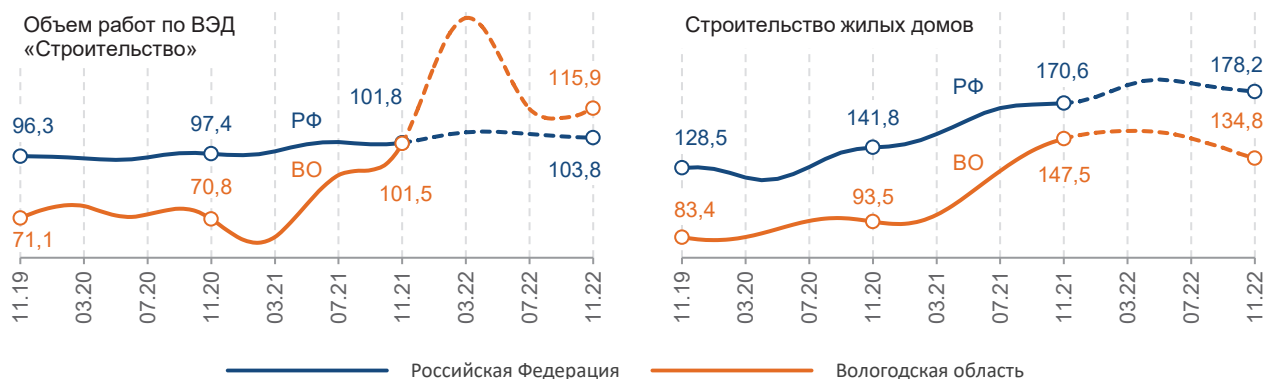
Таблица 10. Цены на металлопродукцию на мировом рынке (страны ЕС) за тонну (на начало января соответствующего года)

Вид металлопродукции	Единица измерения	2022 г.	2021 г.	2020 г.	2022 г., %	
					к 2021 г.	к 2020 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	долл. США	1130	908	583	124,5	193,8
Лист оцинкованный	долл. США	1183	928	630	127,5	187,8
Лист горячекатаный	долл. США	1045	800	488	130,6	214,1
«Длинный» прокат						
Арматурная сталь	долл. США	825	703	505	117,4	163,4
Конструкционные профили	долл. США	1163	805	668	144,5	174,1
Сортовой прокат	долл. США	1028	780	698	131,8	147,3

Таблица 11. Цены на металлопродукцию на российском рынке за тонну (на начало января соответствующего года)

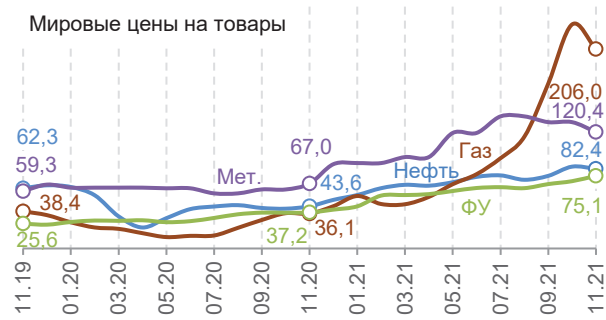
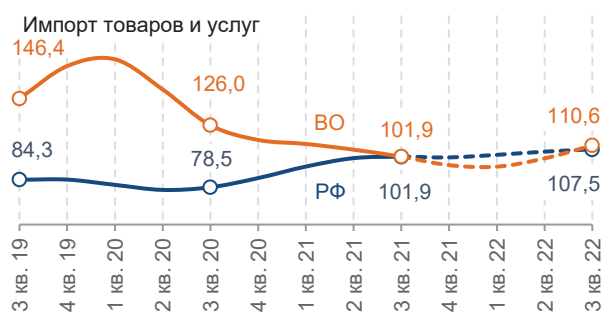
Вид металлопродукции	Единица измерения	2022 г.	2021 г.	2020 г.	2022 г., %	
					к 2021 г.	к 2019 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	руб.	87357	81235	49046	107,5	178,1
Лист оцинкованный	руб.	101250	110182	55628	91,9	182,0
Лист горячекатаный	руб.	78250	65887	41607	118,8	188,1
«Длинный» прокат						
Арматура	руб.	70567	64531	34755	109,4	203,0
Балка и швеллер	руб.	87510	66694	46018	131,2	190,2
Круг	руб.	75857	71354	36214	106,3	209,5
Уголок	руб.	78833	62952	38841	125,2	203,0

Тренды развития потребительского рынка и строительства в 2019–2021 гг., % к уровню 2008 года

Тренды развития инвестиционной активности и внешней торговли в 2019–2021 гг., % к уровню 2008 года

— Российская Федерация — Вологодская область

В декабре 2021 года индекс предпринимательской уверенности в добывающей промышленности обрел положительное значение, в обрабатывающей – остался умеренно-положительным (рис. 2). В строительстве в IV квартале оценки предпринимателей не продемонстрировали заметного эффекта от возросшего спроса на жилье. Согласно оценкам руководителей организаций, спрос на продукцию (портфель заказов) в декабре 2021 года в добывающей промышленности сократился на 16%, в обрабатывающей – на 28%. Позитивных изменений в следующие полгода ожидают лишь 9% предпринимателей в сфере добычи полезных ископаемых и 15% – в сфере обработки.

Таким образом, в январе – ноябре 2021 года в российской экономике наблюдался ряд

позитивных изменений: развивалось большинство отраслей реального сектора, улучшилась ситуация на рынке труда, росли доходы населения, государства и бизнеса. Положительные тенденции отмечены в сфере потребительского спроса, внешней торговли.

Вместе с тем, вызывают опасения высокая инфляция и отсутствие предпосылок для ощутимого роста реальных доходов населения. Также определенную тревогу внушает растущая закредитованность населения при подорожании жилья. В совокупности эти тенденции несут высокие риски для сжатия внутреннего потребительского спроса и финансового сектора страны.

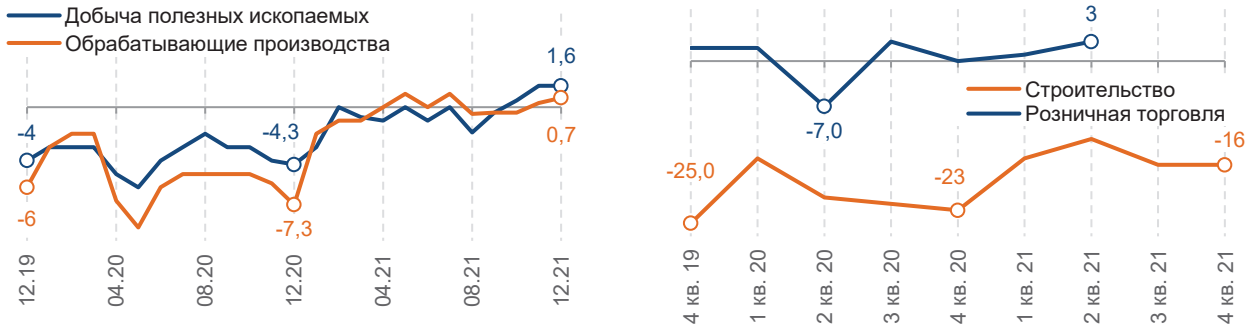

Рис. 2. Индекс предпринимательской уверенности, %

В целях ускорения восстановительного роста и преодоления кризисных явлений критически важными видятся последовательное стимулирование развития простых в освоении производств конечной продукции, ориентированных на внутренний рынок, усиление поддержки потребительского спроса, а также изменение системы поддержки ипотечного кредитования для сокращения разрыва в динамике доходов населения и цен на жилье.

Источники:

Росстат, Вологдастат,
 Федеральная таможенная служба,
 Федеральное казначейство,
www.metaltorg.ru, metalinфо.ru,
www.indexmundi.com

Материалы подготовил

М.А. Сидоров

младший научный сотрудник
 ФГБУН ВолНЦ РАН

МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГДСКОЙ ОБЛАСТИ В 2021 ГОДУ

DOI: 10.15838/ptd.2022.1.117.9 • УДК 316.658(470.12) • ББК 60.527(2Рос-4Вол)

В ноябре – декабре 2021 года ФГБУН ВолНЦ РАН провел очередной этап мониторинга общественного мнения о социально-экономической и политической ситуации в стране и регионе. Результаты исследования представлены в нижеследующем материале, а также в приложении «Мониторинг социальных настроений».

Мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН (ранее – ИСЭРТ РАН) проводится с 1996 года с периодичностью один раз в два месяца. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

В исследовании анализируется динамика оценок в разрезе 14 социально-демографических категорий, выделенных по:

- полу (мужчины; женщины);
- возрасту (до 30 лет; от 30 до 55 лет; старше 55 лет);
- уровню образования (среднее и неполное среднее; среднее специальное; высшее и незаконченное высшее);
- самооценке уровня доходов (20% наименее обеспеченных, 60% среднеобеспеченных, 20% наиболее обеспеченных);
- территории проживания (г. Вологда, г. Череповец, районы области).

📈 В декабре 2021 года по сравнению с октябрём 2021 года наблюдалось некоторое улучшение оценок социального настроения жителей области: доля тех, кто испытывает «напряжение, раздражение, страх, тоску», снизилась с 26 до 23%. Соответствующий индекс увеличился на 4 п. (со 145 до 149 п.; табл. 1).

В большинстве социально-демографических категорий населения за последние два месяца отмечаются позитивные изменения: при этом наиболее существенный рост индекса социального настроения

зафиксирован в возрастных группах до 30 лет (на 14 п., со 154 до 168 п.) и от 30 до 55 лет (на 8 п., со 146 до 154 п.), в 20%-й группе наименее обеспеченных (на 7 п., со 128 до 135 п.), среди лиц со средним и неполным средним образованием (на 8 п., со 137 до 145 п.), а также в районах (на 6 п., со 149 до 155 п.). Негативные тенденции фиксировались в возрастной группе старше 55 лет (индекс снизился на 5 п., со 141 до 136 п.).

📈 Оценки запаса терпения в среднем по региону стали более благоприятными: доля тех, кто считает, что «все не так плохо и мож-

Для цитирования: Дементьева И.Н., Леонидова Е.Э. Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в 2021 году // Проблемы развития территории. 2022. Т. 26. № 1. С. 121–129. DOI: 10.15838/ptd.2022.1.117.9

For citation: Dement'eva I.N., Leonidova E.E. Monitoring of the Vologda Oblast population's social well-being in 2021. *Problems of Territory's Development*, 2022, vol. 26, no. 1, pp. 121–129. DOI: 10.15838/ptd.2022.1.117.9

Таблица 1. Динамика некоторых показателей социального самочувствия населения Вологодской области*, % от числа опрошенных

Показатель	Вариант ответа	2012	2015	2018	2019	2020	2021	Февр. 2021	Апр. 2021	Июнь 2021	Авг. 2021	Окт. 2021	Дек. 2021	Изменение (+/-), 2021 к		
														2020	2018	2012
Настроение	Прекрасное настроение; нормальное состояние	67,3	68,7	71,2	69,9	61,0	66,7	59,9	63,3	66,0	67,9	70,6	72,2	+6	-5	-1
	Испытываю напряжение, раздражение; страх, тоску	27,0	25,9	23,1	24,5	30,4	27,3	31,0	30,2	26,9	26,5	25,5	23,1	-3	+4	0
	Индекс социального настроения	140,3	142,8	148,2	145,5	130,4	139,4	128,9	133,1	139,1	141,4	145,1	149,1	+9	-9	-1
Запас терпения	Все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть	76,6	78,4	77,1	77,0	72,3	75,8	69,7	74,1	76,5	77,0	77,2	80,1	+4	-1	-1
	Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	15,8	14,5	16,3	17,2	19,9	17,7	20,4	19,0	17,7	16,7	17,1	15,3	-2	+1	+2
	Индекс запаса терпения	160,8	163,9	160,8	158,8	152,5	158,1	149,3	155,1	158,8	160,3	160,1	164,8	+6	-3	-3

* Согласно методике проведения исследования, ошибка выборки не превышает 3%, поэтому здесь и далее изменения с разницей в 2 п. п. не учитываются, в таблицах они выделены синим цветом; изменения с разницей в 3–4 п. п. считаются незначительными.

но жить; жить трудно, но можно терпеть», увеличилась с 77 до 80%. Соответствующий индекс возрос на 5 п. (со 160 до 165 п.). Наиболее значительное повышение индекса запаса терпения в октябре – декабре 2021 года отмечается в возрастной группе до 30 лет (на 14 п., со 158 до 172 п.), среди лиц со средним специальным образованием (на 8 п., со 160 до 168 п.), представителей 20%-й группы наименее обеспеченных жителей области (на 11 п., со 152 до 163 п.).

▲ В 2021 году по сравнению с 2020 годом показатели социального самочувствия существенно улучшились: индекс социального настроения увеличился на 9 п. (со 130 до 139 п.), индекс запаса терпения – на 6 п. (со 152 до 158 п.). По сравнению с 2018 и 2012 гг. оценки остаются менее благоприятными.

В динамике самооценок материального положения за период с октября по декабрь 2021 года произошли неоднозначные изменения. ▲ Наблюдался рост фактических доходов людей, входящих (по субъективным оценкам) в категорию 20% наименее обеспеченных (с 8646 до 9202 руб.) и 60% среднеобеспеченных (с 15910 до 16580 руб.), ▼ снижение – в 20%-й группе наиболее обеспеченных (с 33604 до 32948 руб.; табл. 2).

▲ В 2021 году по сравнению с 2020, 2018 и 2012 гг. уровень доходов возрос во всех группах населения.

○ В период с октября по декабрь 2021 года характер суждений об экономическом положении России и области существенно не изменился. Доля положительных оценок ситуации в стране и регионе сохранилась на уровне 15 и 13%, отрицательных – 31 и 37% соответственно (табл. 3). В разрезе социально-демографических групп населения индекс оценок экономической ситуации в России заметно повысился в возрастной группе от 30 до 55 лет (на 6 п., с 80 до 86 п.), среди лиц со средним образованием (на 5 п., с 84 до 89 п.), в 20%-й группе наименее обеспеченных (на 8 п., с 77 до 85 п.), среди жителей районов (на 5 п., с 85 до 90 п.), в области – в возрастной группе от 30 до 55 лет (на 8 п., с 71 до 79 п.), среди лиц со средним специальным и высшим образованием (на 6 п., с 71 до 77 п. и с 78 до 84 п.), в 60%-й группе среднеобеспеченных (на 5 п., с 70 до 75 п.).

○ В 2021 году по сравнению с 2020 годом оценки экономической ситуации в стране и области существенно не изменились: соответствующие индексы сохранились на от-

Таблица 2. Доход на одного члена семьи и соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума (в распределении по доходным группам)

Доходная группа	2012	2015	2018	2019	2020	2021	Февр. 2021	Апр. 2021	Июнь 2021	Авг. 2021	Окт. 2021	Дек. 2021	Изменение (+/-), 2021 к			
													2020	2018	2012	
Доход на одного члена семьи, руб.																
20% наименее обеспеченных	4330	5430	6602	7792	7546	8529	7422	7988	8633	9285	8646	9202	+983	+1927	+4199	
60% среднеобеспеченных	9293	11708	13251	14113	14031	15741	14378	15346	16090	16141	15910	16580	+1710	+2490	+6448	
20% наиболее обеспеченных	19907	23624	27433	28267	28207	30338	29198	28003	27676	30600	33604	32948	+2071	+2905	+10431	
Среднее по области	10425	12837	14757	15686	15570	17220	15952	16405	16918	17665	17997	18381	+1650	+2463	+6795	
Прожиточный минимум*, руб.	6563	9639	10658	11042	11509	11767	11767	11767	11767	11767	11767	11767	+258	+1109	+5204	
Соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума по доходным группам, раз																
20% наименее обеспеченных	0,7	0,6	0,6	0,7	0,7	0,7	0,6	0,7	0,7	0,8	0,7	0,8	0	+0,1	0	
60% среднеобеспеченных	1,4	1,2	1,2	1,3	1,2	1,4	1,2	1,3	1,4	1,4	1,4	1,4	+0,2	+0,2	0	
20% наиболее обеспеченных	3,0	2,5	2,6	2,6	2,5	2,6	2,5	2,4	2,4	2,6	2,9	2,8	+0,1	0	-0,4	
Среднее по области	1,6	1,3	1,4	1,4	1,4	1,5	1,4	1,4	1,4	1,5	1,5	1,6	+0,1	+0,1	-0,1	

Источник: Постановления Правительства «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в Вологодской области» // Официальный портал Правительства Вологодской области. URL: <https://vologda-oblast.ru>

Таблица 3. Динамика оценок экономического и материального положения, % от числа опрошенных

Показатель	2012	2015	2018	2019	2020	2021	Февр. 2021	Апр. 2021	Июнь 2021	Авг. 2021	Окт. 2021	Дек. 2021	Изменение (+/-), 2021 к			
													2020	2018	2012	
Экономическое положение России																
Хорошее	10,7	6,2	14,4	14,6	11,7	11,5	9,6	10,4	10,5	11,2	12,5	14,8	0	-3	+1	
Среднее	51,2	46,6	43,9	44,6	42,9	42,7	42,9	41,8	42,6	44,5	43,2	41,0	0	-1	-9	
Плохое	25,5	35,5	27,2	26,1	31,1	30,8	32,7	30,3	29,5	30,6	30,7	30,7	0	+4	+5	
Индекс	85,2	70,7	87,2	88,6	80,6	80,8	76,9	80,1	81,0	80,6	82,8	84,1	0	-6	-4	
Экономическое положение области																
Хорошее	9,9	5,2	11,8	11,5	10,8	10,9	9,3	10,7	10,3	11,3	11,0	13,0	0	-1	+1	
Среднее	49,4	39,9	39,2	41,3	38,3	40,4	39,6	38,7	41,3	42,9	39,9	39,7	+2	+1	-9	
Плохое	29,4	43,0	36,9	34,9	36,9	35,9	36,5	34,1	35,0	35,3	38,1	36,6	-1	-1	+7	
Индекс	80,5	62,2	74,9	76,6	73,9	75,0	72,8	76,6	75,3	76,0	73,9	76,4	+1	0	-6	
Материальное положение семьи																
Хорошее	10,1	7,9	11,8	10,2	9,2	8,4	9,4	7,9	7,3	7,0	8,8	10,1	-1	-3	-2	
Среднее	54,2	49,5	48,7	50,1	46,2	48,6	44,3	47,5	49,3	50,8	49,9	49,7	+2	0	-6	
Плохое	27,4	31,2	30,2	29,7	33,0	32,4	34,2	31,8	31,7	33,3	32,2	30,9	-1	+2	+5	
Индекс	82,7	76,7	81,6	80,4	76,2	76,0	75,2	76,1	75,6	73,7	76,6	79,2	0	-6	-7	

метках 81 и 75 п. По сравнению с 2018 и 2012 гг. оценки остаются менее благоприятные.

⊙ Оценки материального положения семьи в среднем по области не претерпели существенных изменений: удельный вес тех, кто считает его «хорошим», сохранился на уровне 10%, негативные суждения высказывали

31% жителей региона. В разрезе социально-демографических групп населения заметных изменений не наблюдалось, суждения сохранились на уровне двухмесячной давности.

⊙ В 2021 году индекс материального благополучия семьи сохранился на уровне 2020

Таблица 4. Динамика оценок политической обстановки, % от числа опрошенных

Показатель	2012	2015	2018	2019	2020	2021	Февр. 2021	Апр. 2021	Июнь 2021	Авг. 2021	Окт. 2021	Дек. 2021	Изменение (+/-), 2021 к			
													2020	2018	2012	
В России																
Благополучная, спокойная	39,8	25,5	40,4	45,0	41,0	37,2	38,2	36,4	38,3	36,7	36,6	36,8	-4	-3	-3	
Напряженная, критическая, взрывоопасная	43,2	58,7	45,6	41,6	43,2	47,2	46,0	46,6	45,5	47,6	49,6	48,0	+4	+2	+4	
<i>Индекс</i>	<i>96,6</i>	<i>66,8</i>	<i>94,8</i>	<i>103,5</i>	<i>97,8</i>	<i>89,9</i>	<i>92,2</i>	<i>89,8</i>	<i>92,4</i>	<i>89,1</i>	<i>87,0</i>	<i>88,8</i>	<i>-8</i>	<i>-5</i>	<i>-7</i>	
В области																
Благополучная, спокойная	51,8	46,0	54,9	58,0	53,9	53,7	52,7	55,5	56,2	53,7	52,0	52,3	0	-1	+2	
Напряженная, критическая, взрывоопасная	31,8	39,1	33,3	31,5	32,9	34,3	35,2	33,2	30,7	34,4	36,0	36,1	+1	+1	+3	
<i>Индекс</i>	<i>120,0</i>	<i>106,9</i>	<i>121,6</i>	<i>126,4</i>	<i>121,0</i>	<i>119,8</i>	<i>117,4</i>	<i>124,3</i>	<i>125,5</i>	<i>119,3</i>	<i>116,0</i>	<i>116,2</i>	<i>-1</i>	<i>-2</i>	<i>0</i>	

года (76 п.), при этом он заметно ниже показателей 2018 (на 6 п.) и 2012 (на 7 п.) годов.

☉ За последние два месяца характер суждений относительно ситуации в политической жизни России и области существенно не изменился. Доли тех, кто считает ситуацию в стране и регионе «благополучной, спокойной», составляют 37 и 52% соответственно, «напряженной, критической, взрывоопасной» – 48 и 36%; табл. 4).

⬆ В разрезе социально-демографических групп оценки политической обстановки в стране заметно улучшились в возрастной группе от 30 до 55 лет (на 8 п., с 93 до 101 п.), среди лиц со средним специальным образованием (на 9 п., с 87 до 96 п.), в Вологде (на 6 п., с 71 до 77 п.).

Положительные тенденции в оценках политической ситуации в области наблюдаются в возрастной группе до 30 лет (на 15 п., со 108 до 123 п.), в 20%-й группе наименее обеспеченных (на 10 п., с 97 до 107 п.).

⬇ В 2021 году индекс оценок политической обстановки в стране снизился по сравнению с 2020 годом на 8 п., с 2018 годом – на 5 п., с 2012 годом – на 7 п. Характер суждений о политической ситуации в области сохранился на уровне предыдущих лет.

Резюме

Результаты этапа мониторинга общественного мнения, проведенного в октябре – декабре 2021 года, свидетельствуют о том, что за этот период в социальном самочувствии жителей Вологодской области произошли неоднозначные изменения.

Позитивные тенденции отмечены в оценках социального настроения и запаса терпения: соответствующие индексы увеличились на 4 и 5 п. (со 145 до 149 п. и со 160 до 165 п. соответственно).

На прежнем уровне сохранились оценки экономической ситуации в стране и области (соответствующие индексы фиксировались на отметках 84 и 76 п.);

не претерпели изменений показатели материального положения семей (79 п.);

значительно не изменились оценки политической обстановки в России и регионе (89 и 116 п. соответственно).

В 2021 году по сравнению с 2020 годом по различным показателям мониторинга наблюдались разнонаправленные изменения.

Существенно не изменились индексы:

- экономического положения России (81 п.);
- экономического положения области (75 п.);
- политической ситуации в регионе (120 п.);

– материального положения семьи (76 п.).

Позитивную динамику демонстрировали следующие индексы:

– социального настроения (на 9 п., со 130 до 139 п.);

– запаса терпения (на 6 п., со 152 до 158 п.).

Негативные изменения произошли в оценках политической обстановки в России (на 8 п., с 98 до 90 п.).

В распределении по социально-демографическим группам наиболее заметные положительные тенденции в 2021 году по сравнению с 2020 годом отмечались в следующих категориях:

– в зависимости от возраста – в группе от 30 до 55 лет (индекс социального настроения увеличился на 13 п., запаса терпения – на 9 п.);

– в зависимости от уровня образования – среди жителей области со средним образованием (индекс запаса терпения возрос на 8 п.) и высшим образованием (индекс социального настроения увеличился на 14 п.);

– в зависимости от уровня доходов – в 20%-й группе наименее обеспеченных жителей региона (индекс социального настроения увеличился на 18 п., запаса терпения – на 17 п., индексы оценки экономической ситуации в стране и регионе возросли на 12 и 9 п. соответственно);

– в территориальном разрезе – среди жителей Череповца (индекс социального настроения возрос на 18 п., запаса терпения – на 13 п., индексы оценки экономической обстановки в стране и регионе – на 10 п., оценки политической ситуации в стране – на 6 п.).

Отсутствие положительных тенденций в оценках населения Вологодской области по ключевым параметрам (экономическая и политическая ситуация, материальное положение) во многом обусловлено отсутствием позитивных изменений в динамике уровня жизни. По данным официальной статистики, в январе – сентябре 2021 года по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года реальные располагаемые денежные до-

ходы населения составили 98,6%, в 3 квартале 2021 года реальная среднемесячная начисленная заработная плата оставалась ниже уровня предыдущего периода – 95,2%, индекс потребительских цен в ноябре 2021 года по отношению к декабрю 2020 года составил 108,1%¹. С данными статистики коррелируют и результаты социологических опросов: в 2021 году, как и годом ранее, почти каждый второй житель региона (47%) отнес себя к категории «бедных и нищих», 40% населения заявили о низкой покупательной способности доходов («денег хватает в лучшем случае на еду»), индекс потребительских настроений составил 84 пункта против 87 пунктов в 2020 году.

Аналогичные тенденции характерны для России в целом. По данным общероссийского опроса Фонда «Общественное мнение», каждый четвертый опрошенный (25%) указывает на плохое материальное положение, у 30% россиян материальное положение ухудшилось за последние два-три месяца, 18% полагают, что их ждет ухудшение материального положения, 38% думают, что значимых изменений не произойдет². Негативное влияние на общественное настроение продолжают оказывать проблемы, связанные с коронакризисом, а именно карантинные ограничения, рост заболеваемости, вопросы вакцинации.

О том, в каком направлении будут развиваться изменения в общественном мнении жителей области в ближайшем будущем, покажут результаты следующего этапа мониторинга ВолНЦ РАН, который пройдет в феврале 2022 года.

Материал подготовили

И.Н. Дементьева
научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН

Е.Э. Леонидова
научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН

¹ Данные территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. URL: <http://vologdastat.gks.ru>

² Материальное положение: изменения. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14654>

МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ

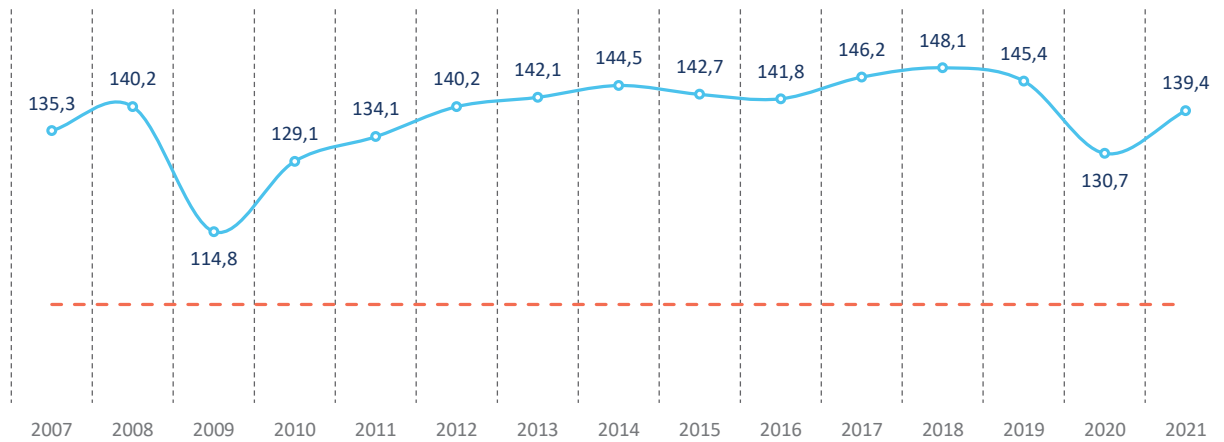

Рис. 1. Индекс социального настроения, пунктов

В 2021 году индекс социального настроения жителей Вологодской области повысился на 8 пунктов после спада в 2020 году (со 131 до 139 п.).

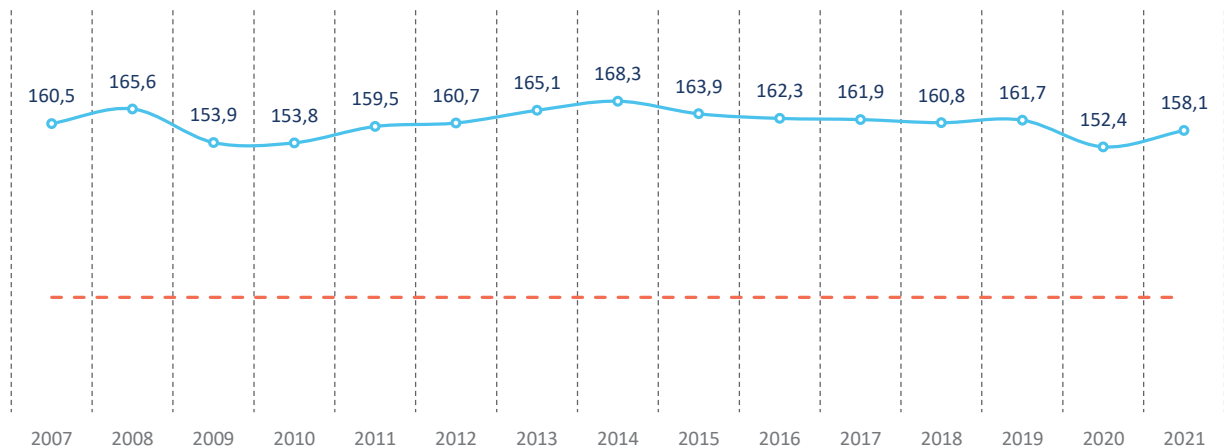

Рис. 2. Индекс запаса терпения, пунктов

После заметного ухудшения в 2020 году индекс запаса терпения жителей Вологодской области в 2021 году вырос на 6 пунктов (со 152 до 158 п.).

Здесь и далее: для расчета индексов из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, положительные – 200, равновесие первых и вторых выражает значение индекса 100, являющееся, по сути, нейтральной отметкой (- -).

Представлены данные с 2007 года – последнего года второго президентского срока В.В. Путина.

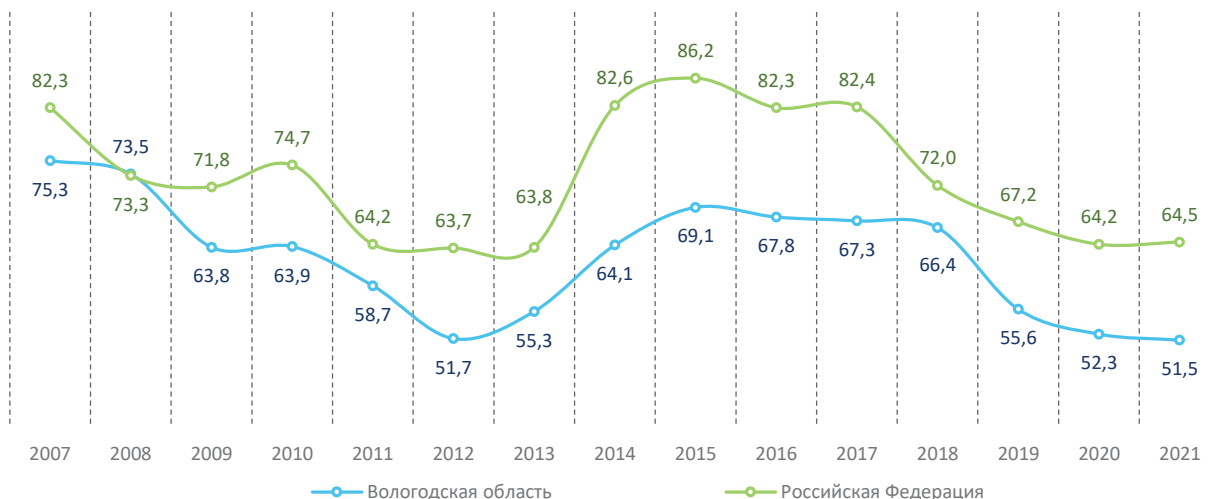

Рис. 3. Одобрение деятельности Президента РФ, % от числа опрошенных

В 2021 году доля жителей Вологодской области и России в целом, одобряющих деятельность Президента РФ, существенно не изменилась и осталась на уровне прошлогодних значений (52 и 64–65% соответственно).

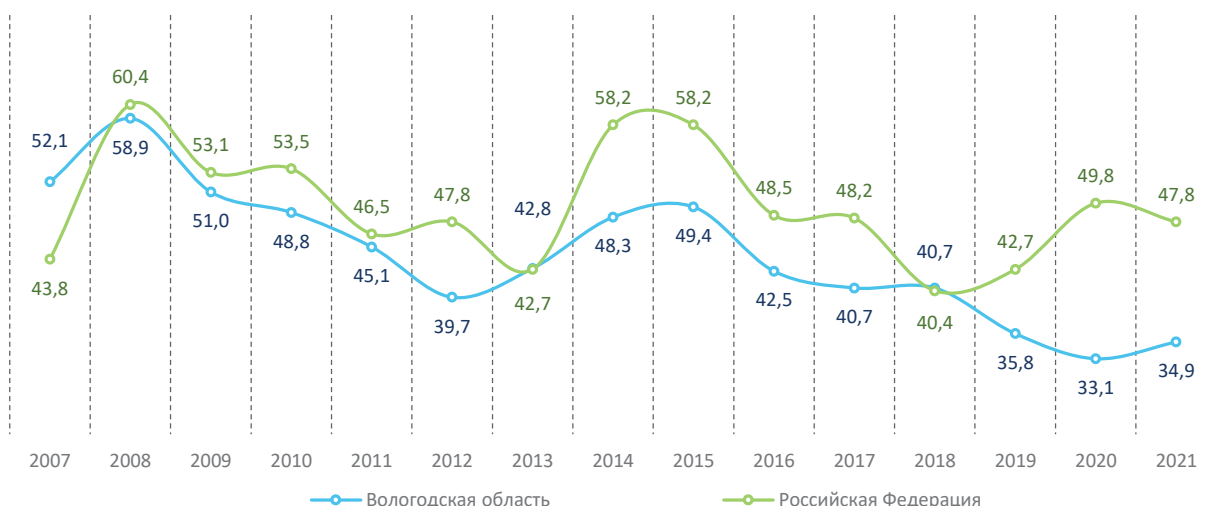

Рис. 4. Одобрение деятельности Правительства РФ, % от числа опрошенных

В период с 2020 по 2021 год уровень одобрения деятельности высшего федерального органа исполнительной власти как в Вологодской области, так и в России в целом существенно не изменился и составил 33–35 и 50–48% соответственно.

Здесь и далее: Вологодская область – данные ВолНИЦ РАН; Российская Федерация – данные Левада-Центра* (<http://www.levada.ru>).

* Внесен в реестр иностранных агентов.

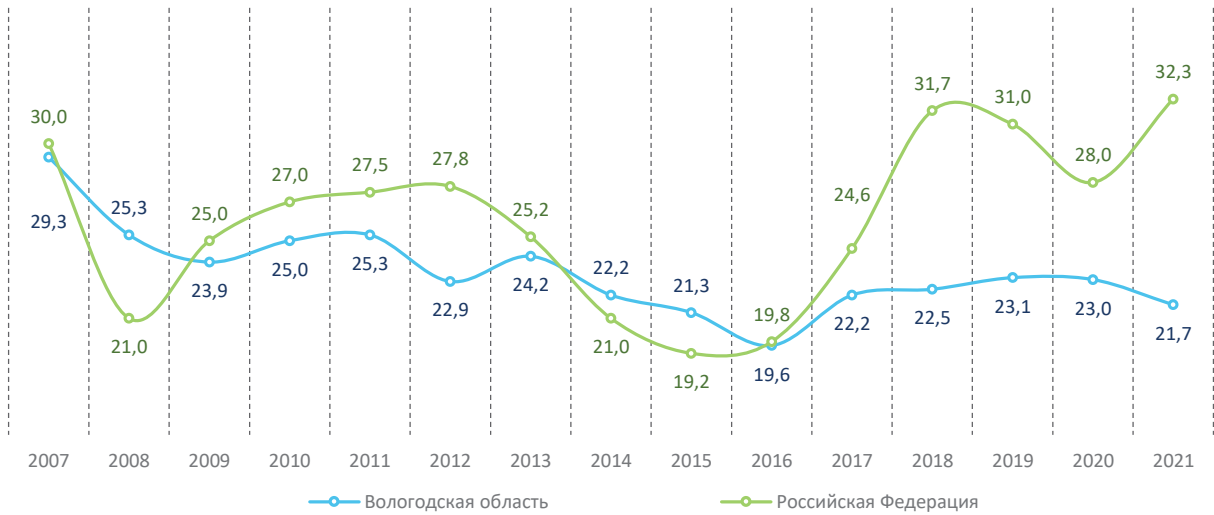

Рис. 5. Вероятность протестных выступлений (доля респондентов, отметивших возможность массовых акций протеста), % от числа опрошенных

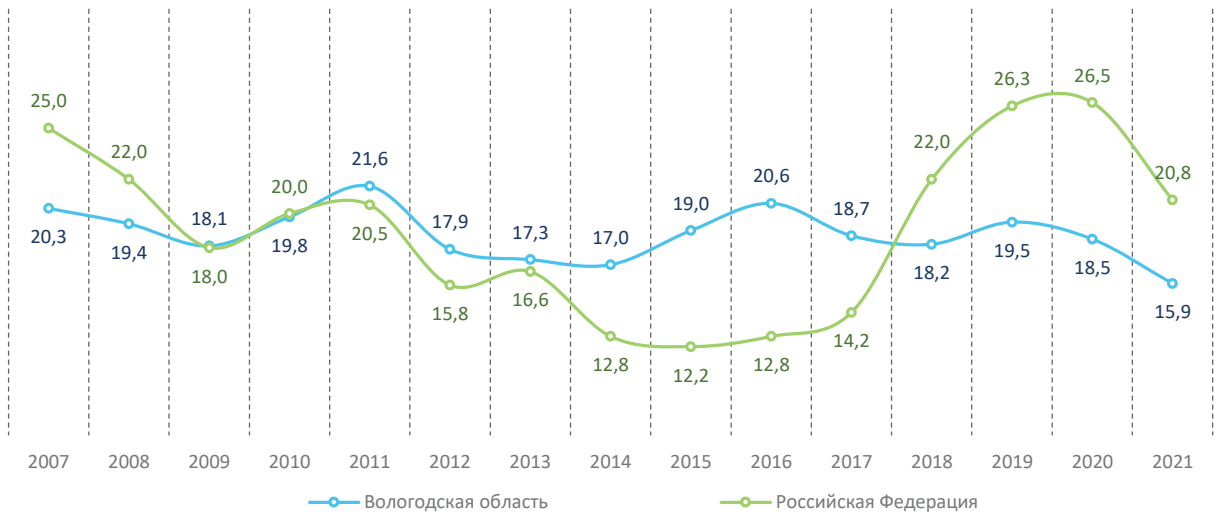

Рис. 6. Возможность участия в выступлениях (доля респондентов, готовых принять участие в массовых акциях протеста), % от числа опрошенных

С 2020 по 2021 год удельный вес жителей Вологодской области, считающих акции протеста возможными, не изменился (23–22%). Готовность участия в протестах выразили 16% населения региона, что на 3 п. п. меньше, чем в 2020 году. В целом по России доля населения, отмечающего вероятность протестных выступлений, возросла на 4 п. п. (с 28 до 32%) при одновременном снижении показателя возможности участия в акциях протеста на 6 п. п. (с 27 до 21%).

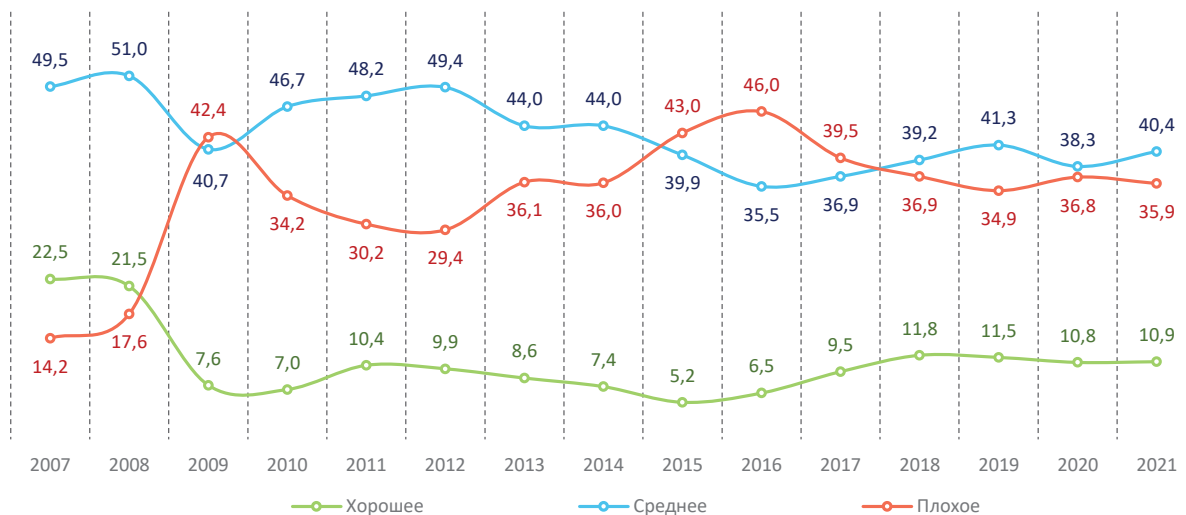

Рис. 7. Оценка экономического положения области, % от числа опрошенных

В 2021 году оценка жителей Вологодской области относительно состояния региональной экономики существенно не изменилась. Удельный вес оценочных суждений остался на уровне 2020 года.

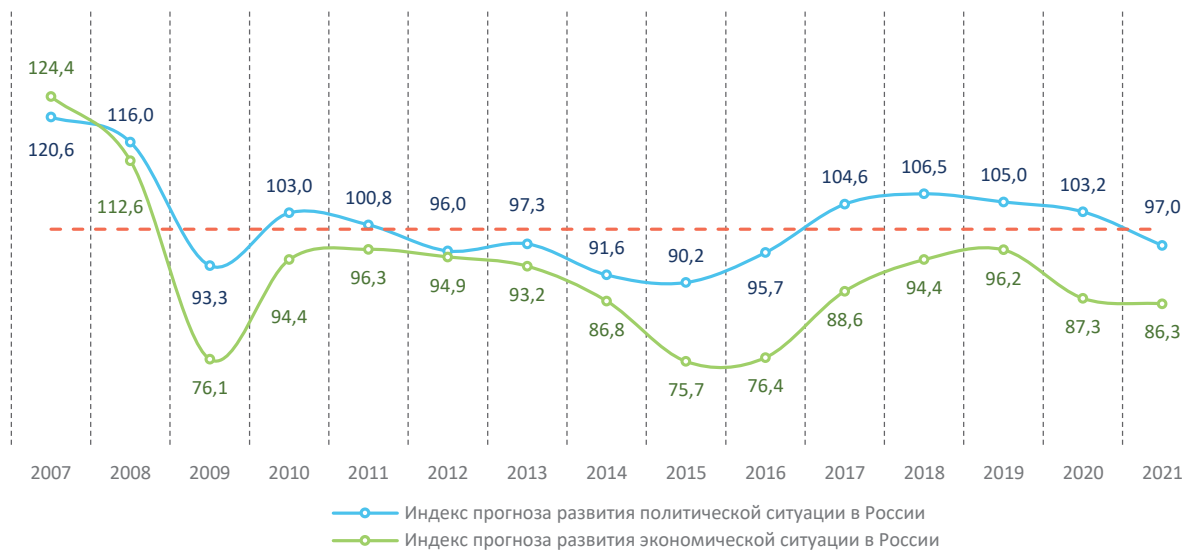

Рис. 8. Индексы прогнозов развития политической и экономической ситуации в России*, пунктов

В период с 2020 по 2021 год отмечается снижение уровня прогноза развития политической системы в России: соответствующий индекс уменьшился на 6 п. (со 103 до 97 п.). Индекс прогноза развития экономической ситуации в стране находится на уровне 2020 года (87–86 п.).

* Индекс прогноза развития политической ситуации в России рассчитывается на основе анализа ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки политической ситуации, на вопрос «Как Вы думаете, что ожидается в ближайшие месяцы в политической жизни России?».

Индекс прогноза развития экономической ситуации в России рассчитывается на основе анализа ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки экономической ситуации, на вопрос «Как Вы считаете, следующие 12 месяцев будут хорошим временем, плохим или каким-либо еще для экономики России?».

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

КОНФЕРЕНЦИИ, ЗАСЕДАНИЯ, СЕМИНАРЫ

ИТОГИ XXI МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ – ЭКОНОМИКЕ РЕГИОНА»

23–26 ноября 2021 года состоялась XXI Международная научно-практическая конференция «Молодые ученые – экономике региона», организуемая ФГБУН ВолНЦ РАН.

Конференция проводится ежегодно с 2000 года, а с 2016 года она получила статус международной. За этот период участие в конференции приняли более 1000 молодых ученых, которые представляют академическую науку.

В 2021 году конференция проходила в формате онлайн-дискуссии на официальном интернет-форуме (<http://molconf.volnc.ru>). В рамках работы четырех секций: «Социально-экономическое развитие и управление территориальными системами и комплексами», «Социальное развитие территорий», «Развитие инновационного потенциала территорий и построение экономики знаний» и «Биоэкономика как потенциал развития региона» молодые исследователи обсудили широкий круг вопросов, в числе которых проблемы экономического роста, устойчивого развития территорий, инвестиционной деятельности региона и его инвестиционной привлекательности, торгово-экономической интеграции, местного самоуправления, формирования инновационной экономики и экономики знаний, природопользования и экологизации промышленного и сельскохозяйственного производства, эффективности систем здравоохранения и образования, развития человеческого потенциала, повышения уровня жизни, улучшения социального здоровья; проблемы использования и внедрения биотехнологий в практику сельского хозяйства, в том числе при получении и переработке сельскохозяйственной про-

дукции, проблемы использования биологических ресурсов и др.

В 2021 году в конференции было заявлено 60 докладов (76 участников) из разных городов Российской Федерации (Вологда, Череповец, Казань, Владимир, Ярославль, Петрозаводск, Мурманск), Республики Беларусь, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики.

По результатам работы конференции были определены победители и лауреаты.

Секция 1 «Социально-экономическое развитие и управление территориальными системами и комплексами»:

1 место – *Горбунова Светлана Валентиновна*, канд. с.-х. наук, старший научный сотрудник ФБУ «Северный научно-исследовательский институт лесного хозяйства» (доклад «Планирование питомника для выращивания ПМЗК хвойных пород как одна из основных составляющих эффективного производства»);

2 место – *Кудряков Роман Игоревич*, старший преподаватель Юридического института Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых (доклад «Внедрение элементов системы бережливого производства на предприятиях промыш-

ленного сектора Владимирской области»); *Малышев Михаил Константинович*, аспирант ФГБУН ВолНЦ РАН (доклад «Анализ поступлений НДС в бюджетную систему от российских комбинатов черной металлургии»); *Румянцев Никита Михайлович*, аспирант ФГБУН ВолНЦ РАН (доклад «Развитие лесопромышленного комплекса Вологодской области в условиях запрета экспорта необработанной древесины»);

3 место – *Лебедева Надежда Анатольевна*, аспирант ФГБУН ВолНЦ РАН (доклад «Транспортно-логистический кластер как инструмент развития регионов»); *Соколова Ольга Алексеевна*, магистрант Вологодского государственного университета (доклад «Прогнозирование основных показателей социально-экономического развития муниципального образования (на материалах города Вологды)»); *Демченко Ирина Евгеньевна*, программист ФГБУН ВолНЦ РАН (доклад «Потребительский рынок Северо-Западного федерального округа и направления его развития»).

Лауреаты:

Палкина Дарья Сергеевна, магистрант ФГБУН ВолНЦ РАН (доклад «Российский опыт внедрения межмуниципального сотрудничества на примере хозяйственных обществ»);

Богомолова Алена Андреевна, магистрант ФГБУН ВолНЦ РАН (доклад «Горизонтальные субсидии – инструмент межрегионального и межмуниципального взаимодействия»);

Ковалева Кристина Сергеевна, студент ФГБОУ ВО «ВГМХА имени Н.В. Верещагина», *Селина Марина Николаевна*, канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и управления в АПК ФГБОУ ВО «ВГМХА имени Н.В. Верещагина» (доклад «Сравнительный анализ эффективности кредитного портфеля ПАО СБЕРБАНК и его структурного подразделения»).

Секция 2 «Социальное развитие территорий»:

1 место – *Хузахметов Роман Ренатович*, аспирант ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет» (доклад «Роль некогнитивных компонентов человеческого капитала на рынке труда»);

2 место – *Рошко Елена Павловна*, инженер-исследователь ФГБУН ВолНЦ РАН (доклад «Обзор финансовой грамотности школьников»);

3 место – *Колесников Иван Федорович*, *Имашев Салават Султанович*, курсанты ФГКВУ ВО «Военный ордена Жукова университет радиоэлектроники» (доклад «Динамика ценностей среди курсантов военного университета»); *Фролов Алексей Сергеевич*, аспирант ФГБУН ВолНЦ РАН (доклад «Сущностные основы процесса экологизации экономики и его влияние на занятость населения»).

Лауреаты:

Толстяк Татьяна Анатольевна, аспирант Института социологии Национальной академии наук Беларуси (доклад «Привлекательность профессии как фактор профессионального самоопределения»);

Фетюков Александр Васильевич, аспирант ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет» (доклад «Развитие человеческого капитала в сфере здравоохранения на фоне пандемии COVID-19»).

Секция 3 «Развитие инновационного потенциала территорий и построение экономики знаний»:

1 место – *Загоруйко Татьяна Николаевна*, аспирант ГУ «Институт экономических исследований», *Дегтярев Сергей Владимирович*, магистрант Донецкого национального университета (доклад «Цифровая трансформация промышленного комплекса как фактор экономического роста государства»);

2 место – *Иванов Семен Леонидович*, аспирант ФГБУН ВолНЦ РАН (доклад «Развитие инновационного предпринимательства в регионе на основе научно-производственной кооперации (опыт Вологодской области)»);

3 место – *Матяж Татьяна Сергеевна*, магистрант ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского», *Алексеева Наталья Ивановна*, профессор кафедры экономики предприятия ГО ВПО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского» (доклад «Системно-матричный подход к диагностике эффективности использования ресурсного потенциала предприятия»).

Лауреаты:

Конева Анна Алексеевна, магистрант ФГБУН ВолНЦ РАН (доклад «Малое предпринимательство в Вологодской области»);

Широкова Елена Юрьевна, аспирант ФГБУН ВолНЦ РАН (доклад «Региональный высокотехнологичный сектор (кейс Вологодской области)»).

Секция 4 «Биоэкономика как потенциал развития региона»:

1 место – *Рассохина Ирина Игоревна*, младший научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН, аспирант ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова» (доклад «Потенциал ассоциативных микроорганизмов северных орхидей в создании биопрепаратов для растениеводства»).

Лауреаты:

Кочнева Евгения Викторовна, Папушина Татьяна Васильевна, аспиранты ФГБОУ ВО «ВГМХА имени Н.В. Верещагина», *Механиков Вениамин Александрович*, магистрант ФГБОУ ВО «ВГМХА имени Н.В. Верещагина»,

Механикова Марина Вениаминовна, канд. с.-х. наук, доцент, заведующий кафедрой зоотехнии и биологии ФГБОУ ВО «ВГМХА имени Н.В. Верещагина» (доклад «Применение кормовой добавки REASIL HUMIC HEALFH в рационах коров»);

Никулина Анастасия Сергеевна, инженер-исследователь ФГБУН ВолНЦ РАН (доклад «Влияние сапропеля на ростовые параметры овса посевного»).

Полагаем, что в ходе работы конференции молодые ученые смогли не только представить свои научные достижения, обменяться знаниями и опытом, но и получить новый импульс для дальнейших исследований.

Материал подготовила

Е.С. Мироненко

*старший научный сотрудник
заместитель заведующего отделом
ФГБУН ВолНЦ РАН*

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ФГБУН ВОЛНЦ РАН

Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: мат-лы VI междунар. науч.-практ. интернет-конф., 29 марта – 2 апреля 2021 г.: в 2 ч. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2021. 256 с.

В сборнике представлены статьи VI международной научно-практической интернет-конференции «Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений», состоявшейся на площадке Вологодского научного центра РАН с 29 марта по 2 апреля 2021 года.

В конференции приняли участие социологи, экономисты, демографы и представители смежных наук из научных учреждений и вузов регионов России и стран ближнего зарубежья. В публикуемых материалах затрагивается широкий спектр вопросов, связанных с последствиями пандемии коронавируса COVID-19.

Обсуждение вопросов конференции проходило в 5 тематических секциях: «Население в условиях пандемии и эффективность государственного управления», «Экономика регионов и пандемия: предварительные итоги и прогнозы», «Уязвимые слои общества в ракурсе глобальных вызовов», «Жизнь после пандемии: на пути к цифровому обществу», «Социальный капитал в условиях пандемии: взлеты и падения».

Материалы конференции будут полезны для научных работников, социологов, экономистов, преподавателей вузов, специалистов в области государственного управления, представителей общественности, СМИ и всех интересующихся вопросами социально-экономического развития России.

Шабунова А.А., Калачикова О.Н., Короленко А.В. **Демографическая ситуация и социально-демографическая политика Вологодской области в условиях пандемии COVID-19:** II регион. демогр. докл. / под ред. А.А. Шабуновой. Вологда: ВолНЦ РАН, 2021. 89 с.

В новом докладе 2021 года представлен анализ региональной демографической ситуации в контексте долговременных тенденций и новых вызовов в виде пандемии коронавирусной инфекции COVID-19. Отдельный блок посвящен обзору новых мер социально-демографической политики, реализуемых в Вологодской области в 2020–2021 гг., и их оценок населением региона.

Анализ базируется на официальных данных федеральной и региональной служб государственной статистики, результатах мониторинговых социологических исследований Вологодского научного центра РАН, материалах научных публикаций.

Доклад предназначен ученым, исследователям, обучающимся и преподавателям, представителям органов власти и некоммерческого сектора, а также всем, кто интересуется вопросами демографического развития и демографической политики.

Агент-ориентированное моделирование регионального лесного комплекса: монография / С.В. Дианов [и др.]. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2021. 155 с.

В монографии представлены результаты исследований по определению подходов к созданию комплексных агент-ориентированных моделей регионального лесного комплекса, полученные авторами в ходе работы в рамках проекта РФФИ № 17-06-00514 А.

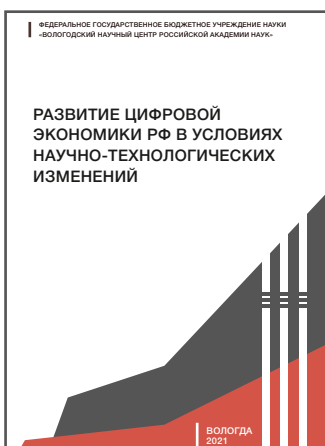
Основное внимание уделено концептуальным аспектам формирования архитектуры мультиагентной среды регионального лесного комплекса и моделей поведения ее элементов. В соответствии с ними авторами разработана методология создания агент-ориентированных моделей регионального лесного комплекса, позволяющая рассматривать агент-ориентированное моделирование как единый многоуровневый итерационный процесс, обеспечивающий получение действующих моделей систем с различной степенью детализации действительности.

Рассмотрены методы интеграции отраслевых региональных агент-ориентированных моделей с геоинформационными системами, определяющие механизмы использования геопространственных данных в агент-ориентированных моделях отраслевых региональных систем и алгоритмы отображения результатов моделирования в геоинформационной системе.

Представлен ряд реализованных агент-ориентированных моделей регионального лесного комплекса, в основе которых лежат разработанные в рамках проекта подходы.

Полученные результаты позволяют создавать качественные модели за счет использования методологии, охватывающей все аспекты разработки агент-ориентированных моделей в лесном секторе. Они могут быть полезными для расширения научно-методической базы для принятия эффективных решений в сфере управления региональными лесными комплексами.

Книга адресована специалистам-практикам в сфере региональной и отраслевой экономической политики, ученым, преподавателям, аспирантам и студентам экономических и технических специальностей, интересующимся вопросами имитационного моделирования региональных отраслевых систем.

Усков В.С., Климова Ю.О. Развитие цифровой экономики РФ в условиях научно-технологических изменений: монография. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2021. 167 с.

В монографии рассматриваются вопросы развития цифровой экономики в Российской Федерации в условиях научно-технологических изменений. Исследованы концептуальные основы сущности научно-технологических революций, основные черты определения категории цифровой экономики. Проанализированы состояние и тенденции социально-экономического положения страны в условиях цифровой экономики, проведена оценка научно-технологического развития экономики с позиции предпосылок для ее цифровизации. Рассмотрены отечественные и зарубежные

рамки компетенций, которыми должны обладать ИТ-специалисты в условиях перехода к цифровой экономике.

На основе опроса руководителей ИТ-компаний был выполнен анализ соответствия уровня компетенций выпускников ИТ-специальностей высших учебных заведений Вологодской области требованиям работодателей. Выделены основные проблемы подготовки ИТ-кадров, обозначены ключевые направления по их решению. Определены направления организационно-технологической трансформации российской экономики в условиях научно-технологических изменений и перехода к цифровой экономике, предложен механизм повышения эффективности социально-экономического развития территорий Российской Федерации на основе цифровой экономики.

Книга предназначена научным работникам, преподавателям высших учебных заведений, руководителям и специалистам предприятий, представителям органов власти и управления федерального и регионального уровня, а также широкому кругу читателей, которые сегодня испытывают потребность в системных знаниях по самым актуальным вопросам цифровой экономики.

Ильин В.А., Печенская-Полищук М.А., Малышев М.К. **Государство и крупные корпорации черной металлургии: тенденции и особенности 20-летнего взаимодействия:** монография. Вологда: ВолНЦ РАН, 2021. 186 с.

В монографии изложены особенности и основные тенденции развития мировой и российской черной металлургии, изучение которых начато исследователями ВолНЦ РАН в предыдущих четырех монографиях с 2008 года. Объектом исследования являются три крупнейшие корпорации черной металлургии России: ПАО «Северсталь», ПАО «Магнитогорский металлургический комбинат» и ПАО «Новолипецкий металлургический комбинат», производящие около половины всей стали в стране. Само исследование основано на публичной отчетности металлургических корпораций.

Анализ финансовых результатов свидетельствует о наращивании ключевых показателей: выручки, себестоимости, валовой прибыли, прибыли до налогообложения, налога на прибыль и чистой прибыли. Особое внимание уделено изучению взаимоотношений данных корпораций с бюджетами всех уровней. Исследовано негативное влияние института консолидированного налогообложения на доходы бюджетной системы РФ, снижение фискальной функции металлургических комбинатов за счет регистрации уставного капитала в офшорных компаниях и отмены налога на доходы от участия в уставных капиталах других организаций.

В книге также представлен и апробирован авторский инструмент оценки финансового взаимодействия крупных корпораций и государства на примере исследуемых металлургических комбинатов.

Данное исследование будет интересно для федеральных и региональных органов власти, научных работников, преподавателей,

аспирантов, студентов высших учебных заведений экономической направленности и для широкого круга читателей, которых интересуют вопросы финансового взаимодействия крупных корпораций и государства.

Проблемы и перспективы развития научно-технологического пространства: мат-лы V Междунар. науч. интернет-конф., 21–25 июня 2021 г. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2021. 478 с.

Участие в конференции приняли исследователи из научных учреждений и вузов регионов России и стран ближнего зарубежья. Доклады были посвящены вопросам поиска и обоснования путей развития научно-технологического пространства России, активизации инновационных процессов в регионах с целью повышения конкурентоспособности национальной экономики и создания условий для повышения качества жизни населения и развития человеческого потенциала. Отдельный блок докладов был посвящен вопросам формирования цифровой экономики, современным вызовам и возможностям развития общества.

Сборник предназначен для ученых и практиков, преподавателей, аспирантов и студентов, интересующихся проблематикой экономического, социального и научно-технологического развития регионов и предприятий.

Аграрная наука на современном этапе: состояние, проблемы, перспективы: мат-лы IV науч.-практ. конф. с междунар. участием, посв. 100-летию СЗНИИМЛПХ, 3–4 июня 2021 г.: в 2 ч. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2021.

В 2021 году исполнилось 100 лет со дня создания Северо-Западного научно-исследовательского института молочного и лугопастбищного хозяйства, одного из старейших в России аграрных научных учреждений. Институт с момента образования выполняет функции научно-методического зонального координатора развития отечественной сельскохозяйственной науки и совершенствования технологий сельскохозяйственного производства для предприятий Вологодской области.

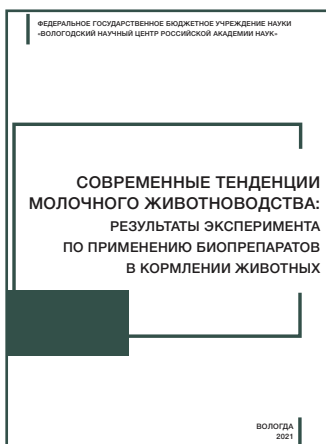
Издание сборника приурочено к юбилейным мероприятиям. Сборник содержит 109 статей, подготовленных научными сотрудниками и преподавателями научно-исследовательских институтов и университетов России, Беларуси, Узбекистана, Казахстана. В публикуемых материалах представлены результаты исследований в области разведения, генетики, селекции, воспроизводства, технологии содержания, кормления сельскохозяйственных животных, кормопроизводства и механизации сельского хозяйства, а также касающихся управления и экономики АПК, кадрового обеспечения аграрного сектора экономики. Предназначено для ученых, преподавателей сельскохозяйственных учебных заведений, аспирантов, студентов и специалистов-практиков сельского хозяйства.

Потенциал и перспективы развития лесопромышленного комплекса северного региона: монография / Т.В. Ускова [и др.]; под науч. рук. В.А. Ильина, Т.В. Усковой. Вологда: ВолНЦ РАН, 2021. 185 с.

В работе рассмотрены сущность и значение лесопромышленного комплекса в социально-экономическом развитии северного региона, представлены методические подходы к оценке его потенциала, проанализирован российский и зарубежный опыт управления его развитием. На основе анализа статистической информации регионов Европейского Севера России, результатов опроса руководителей малых лесозаготовительных предприятий Вологодской области проведена оценка потенциала и уровня развития лесопромышленного комплекса северного региона, выявлены существующие тенденции и проблемы. Предложен и научно обоснован комплекс мер, инструментов и направлений повышения эффективности использования лесосырьевого и производственного потенциала лесопромышленного комплекса.

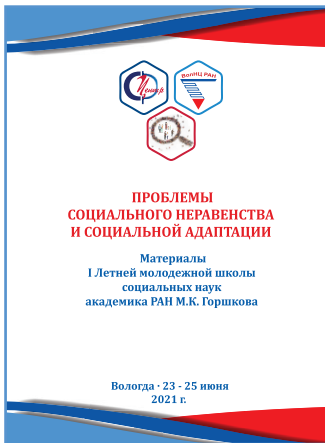
Монография адресована работникам органов государственного управления, руководителям и специалистам хозяйствующих субъектов лесопромышленного комплекса, научным работникам, преподавателям, аспирантам и студентам высших учебных заведений экономической направленности, а также широкому кругу читателей, которых интересуют вопросы повышения эффективности использования лесных ресурсов.

Смирнова Ю.М., Литонина А.С., Платонов А.В. **Современные тенденции молочного животноводства: результаты эксперимента по применению биопрепаратов в кормлении животных:** монография. Вологда: ВолНЦ РАН, 2021. 131 с.

В монографии проведен анализ факторов, влияющих на молочную продуктивность и здоровье КРС, отражены особенности кормления высокопродуктивных коров, а также выделены критерии, обеспечивающие баланс в системе продуктивность – здоровье коров. Ключевое место занимают испытания препаратов ферментативно-пробиотического действия «Целлобактерин+» и «Румит» как на полновозрастных коровах, так и на коровах-первотелках. Результаты испытаний позволяют говорить о существенном экономическом эффекте использования пробиотиков, полученных на основе достижений биотехнологий.

Книга предназначена для научных работников, специалистов зоотехнической и ветеринарной служб сельскохозяйственных предприятий, студентов сельскохозяйственных учебных заведений.

Проблемы социального неравенства и социальной адаптации: мат-лы I Летней молодежной школы социальных наук академика РАН М.К. Горшкова, 23–25 июня 2021 г. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2021. 106 с.

В сборнике опубликованы материалы I Летней молодежной школы социальных наук академика РАН М.К. Горшкова «Проблемы социального неравенства и социальной адаптации». В их число входят тезисы докладов пленарного заседания, проходившего на территории Коротовского сельского поселения Череповецкого муниципального района 23–25 июня 2021 года.

Читателям представлены также пленарные доклады и выступления участников молодежной конференции, состоявшейся в рамках Школы.

Адресовано студентам, аспирантам, преподавателям высших учебных заведений, научным работникам, а также всем, кто интересуется вопросами социологии.

ПРАВИЛА
приема статей, направляемых в редакцию
научного журнала «Проблемы развития территории»
(в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензента, также учитывается новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

ТРЕБОВАНИЯ К КОМПЛЕКТНОСТИ МАТЕРИАЛОВ

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы:

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть написано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф.И.О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID и оформленные по образцу.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии (ptd@volnc.ru).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. Поля: Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. Шрифт: Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. Абзацный отступ – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. Нумерация: номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. Оформление 1 страницы статьи

В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. Требования к аннотации

Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов.

Аннотация должна представлять самодостаточный текст, оформленный одним абзацем и выступающий как краткая модель статьи. В аннотации обязательно должны быть отражены актуальность, основная идея и цель проведенного исследования, лаконично изложены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых, перечислены использованные автором методы исследования, приведены основные результаты, кратко сформулированы ограничения/направления будущих исследований.

Текст аннотации должен быть лаконичным и четким, не должен содержать общих слов и пространственных формулировок. Рекомендуется использовать ключевые слова и выражения, которые максимально емко отражают суть исследования. Следует употреблять простые синтаксические конструкции, свойственные академическому письму, избегать сложных грамматических конструкций, длинных предложений.

Примеры аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте: <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5rtkb73ae013ofk4g8nrv1>

7. Требования к ключевым словам

К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц

В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS Word. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм

Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный (приложение 4).

Для создания графиков должна использоваться программа MS Excel, для создания блок-схем – MS Word, MS Visio, для создания формул – MS Equation.

Рисунки и схемы, выполненные в MS Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS Excel в MS Word:

1) в MS Excel выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;

2) в MS Word правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками

Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок

Постраничные сноски оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

12. Оформление и содержание списка литературы

Слово «Литература» печатается строчными буквами полужирным курсивом, выравнивается по центру, дается через полтора интервала после текста статьи. После слова «Литература» делается полуторный интервал и приводится список библиографических источников.

Список литературы составляется в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, затем – англоязычные).

Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard¹.

В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными.

Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников.

Авторам не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. Ссылки на указанные источники рекомендуется давать посредством соответствующих постраничных сносок.

В список литературы рекомендуется включать следующие источники: 1) статьи из печатных научных журналов (или электронных версий печатных научных журналов); 2) книги; 3) монографии; 4) опубликованные материалы конференций; 5) патенты.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в скобках с указанием фамилии автора и года публикации. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, которые должны быть разделены точкой с запятой (например: (Иванов, 2020), (Иванов, 2020; Петров, 2018), (Smith, 2001) и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

¹ Информация об измененном стандарте Harvard представлена в работе О.В. Кирилловой «Редакционная подготовка научных журналов по международным стандартам. Рекомендации эксперта БД Scopus» (М., 2013. Ч. 1. 90 с.).

■ ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

■ **Уважаемые читатели!**

Вы можете оформить подписку на журнал «Проблемы развития территории» через объединенный каталог «Пресса России» (подписной индекс журнала – 41318) либо на сайте <http://www.aks.ru>

Редакционная подготовка
Технический редактор, верстка
Корректор

И.А. Кукушкина
М.В. Чумаченко
В.М. Кузнецова

Дата выхода в свет 31.01.2022.
Формат 60 × 84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 16.62. Тираж 500 экз. Заказ № 2
Свободная цена

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС 77-71360 от 17 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ФГБУН ВолНЦ РАН
Телефон: +7(8172) 59-78-03, факс +7(8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru, ptd@volnc.ru